

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 2 ЯНВАРЬ 1986

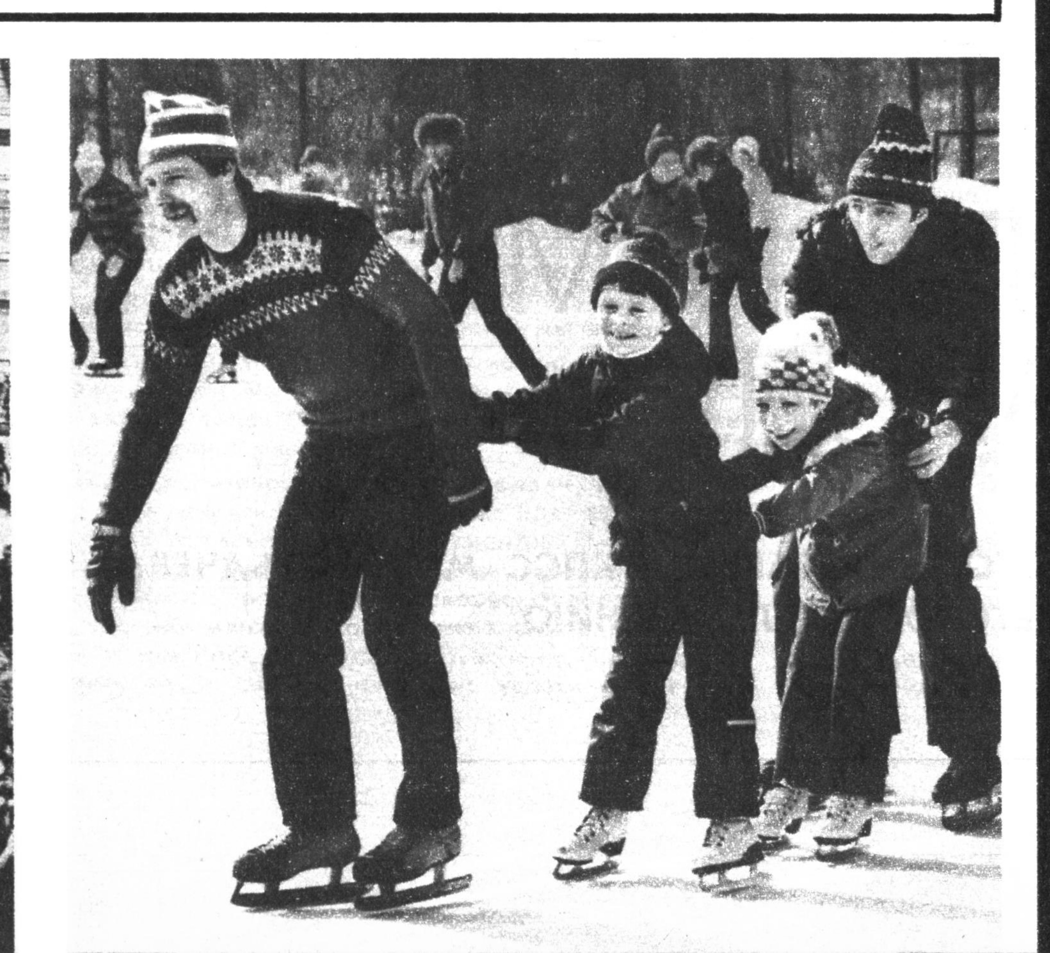

КАН

Фото
А. БОЧИНИНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

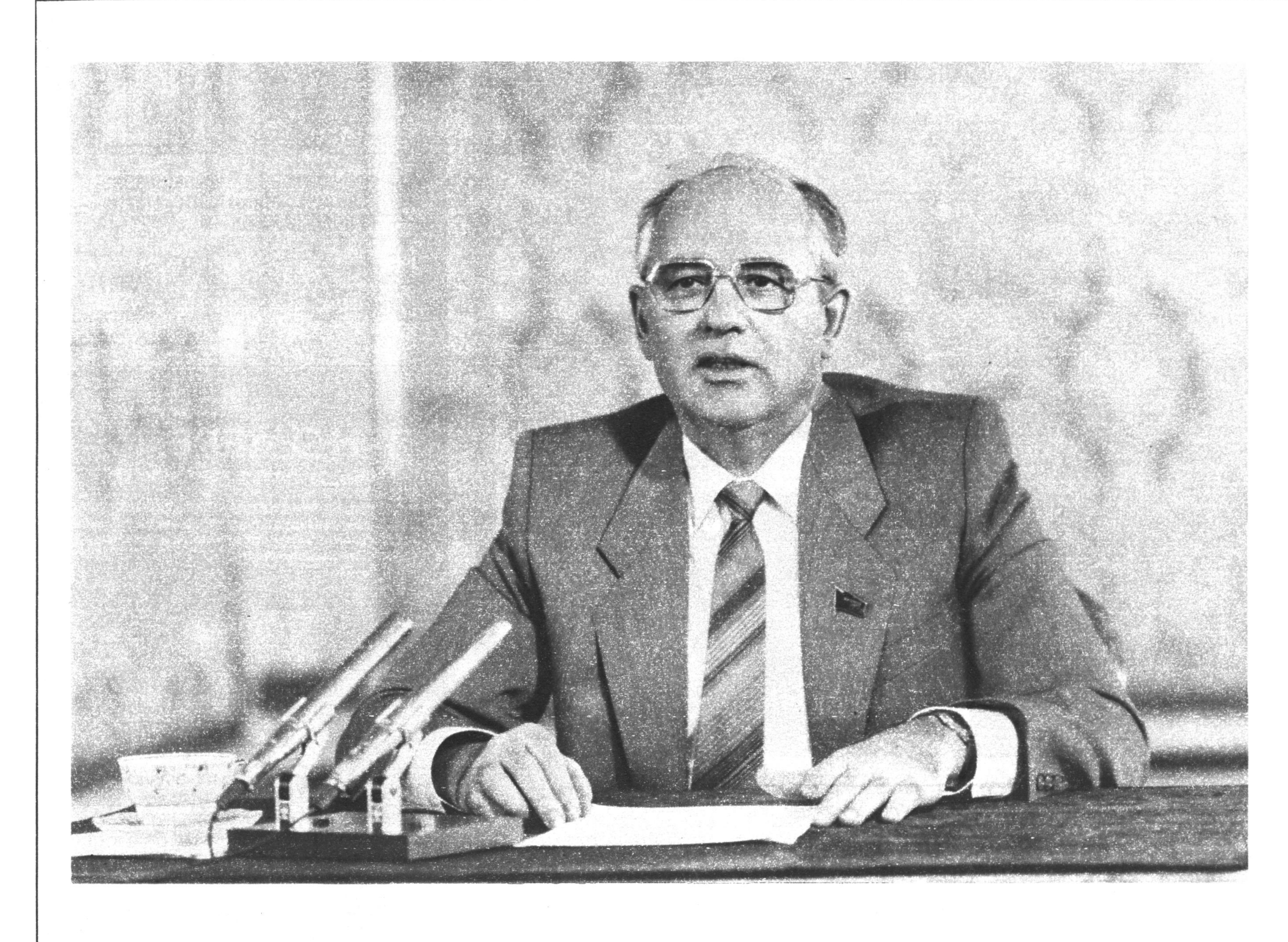
ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

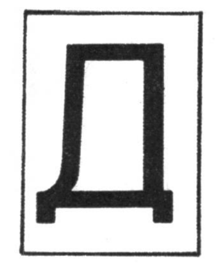
№ 2 (3051)
4—11 ЯНВАРЯ

В НОМЕРЕ:

НОВОГОДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА ПО СОВЕТСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ

орогие товарищи!

Через несколько минут куранты Кремля возвестят начало нового года. Это всегда по-особому волнующие минуты. Так уж издавна повелось, что с каждым наступающим годом люди связывают новые надежды, мысленно подводят итоги года уходящего. В этот день мы адресуем своим родным и близким, друзьям и товарищам новогодние поздравления и пожелания самых добрых свершений в жизни.

Принято считать, что труд — начало всех начал. Так оно в жизни и есть. Я думаю, вы согласитесь с тем, что уходящий 1985 год останется в нашей памяти как год напряженного труда, надежд и смелых замыслов на будущее.

Мы все хорошо помним, с какими трудностями нам пришлось столкнуться в народном хозяйстве в начале года. Потребовались огромные усилия всей партии, всего народа, чтобы поправить дела и завершить год в общем-то неплохими результатами в экономике. Прожитый год — это все, что делалось нами сообща во имя лучшей, более справедливой, духовно насыщенной жизни, дальнейшего упрочения ее социалистических начал и принципов.

Год уходящий был для нас весьма поучительным, полным событий, которые как бы ускорили бег времени. Мы взялись за большие дела, взялись энергично, с подъемом. Сегодня мы яснее видим наши возможности и реалистичнее оцениваем то, чего добились, и то, что намечаем на будущее. Мы хотим в полной мере использовать огромный потенциал социалистического строя. Речь идет о качественных общественных преобразованиях и динамичном, уверенном продвижении по пути совершенствования всех сторон жизни — будь то экономика, культура, социальная сфера.

Но, дорогие товарищи, мы — лишь в начале пути, определенного апрельским Пленумом Центрального Комитета Коммунистической партии. Я бы сказал: в самом начале сложной работы, крупных перемен, которые требуют от нас еще большей настойчивости, самоотверженности, безбоязненного отказа от всего, что отжило свой век, от инерции мышления, от привычных, но сегодня бесполезных схем и подходов. Сейчас нам особенно необходимы высокая общественная активность, творческий труд, непримиримость к недостаткам, решительная поддержка всего нового, передового, что рождается временем.

Социализм — и в этом его сущность — создается народом и для народа. В живом творчестве масс — источник его силы. Именно с этих позиций подходит Коммунистическая партия ко всем нашим делам и начинаниям. Центральный Комитет партии и Советское правительство чувствуют активную всенародную поддержку экономических мер и политических шагов, предпринятых в последнее время. Мы высоко ценим эту поддержку, понимаем, что она ко многому обязывает, вдохновляет на то, чтобы и дальше уверенно двигаться по пути совершенствования общества, в котором мы живем.

Наступающий 1986 год открывает новую, двенадцатую пятилетку. С ней мы связываем решение многих жизненно важных задач по ускорению социально-экономического развития страны.

Главное политическое событие года — предстоящий XXVII съезд ленинской партии. Сейчас идет всенародное обсуждение предсъездовских документов. На собраниях и в письмах в Центральный Комитет советские люди прямо, открыто, по-хозяйски говорят о делах страны, о том, что нам мешает, что надлежит делать, призывают твердо и энергично держать взятый курс. Сегодня мы называем вещи своими именами: успехи — успехами, недостатки — недостатками, ошибки — ошибками. И в этом — надежное лекарство от чванства и самоуспокоенности, верный ключ к тому, чтобы в дружной творческой обстановке идти к новым успехам, новым достижениям, к новому качеству жизни, к новым высотам социально-экономического и духовного развития.

В истекшем году мы отметили 40-летие великой Победы над фашизмом. Память о подвиге нашего народа в годы священной войны живет не только в нашем сознании, она — в наших сердцах. И боль утрат той тяжелой поры обязывает нас сделать все, чтобы никогда-никогда не разразилась в мире новая трагедия. Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство, выражая волю советского народа, все сделают для того, чтобы сохранить мир, предотвратить угрозу ядерной войны, не допустить непоправимое.

Сегодняшний мир сложен и многообразен. Советский Союз исходит в своей политике из того, что в ядерный век люди Земли — на одном корабле. И раскачивать его военным авантюризмом является крайне безответственным делом. Сама жизнь в наше время отвергает политическое легкомыслие. Вот почему Советский Союз, другие социалистические страны настойчиво ведут дело к миру, к тому, чтобы оздоровить международные отношения, придать им цивилизованный характер, как и подобает людям просвещенного XX века. Надо подняться над распрями, подчинить все усилия поискам путей к взаимопониманию, доверию и разоружению.

Наступающий год Организацией Объединенных Наций объявлен Годом мира. Мы в Советском Союзе стоим за то, чтобы этот Год мира перешел в мирное десятилетие, чтобы в XXI век человечество вступило в условиях мира, доверия и сотрудничества.

Дорогие товарищи! На заре социализма Владимир Ильич Ленин назвал счастьем «**начать** постройку Советского государства, **начать** этим новую эпоху всемирной истории». Это было и остается трудным счастьем. И мы гордимся тем, что наша история, жизнь и борьба — это неотъемлемая часть истории, жизни и борьбы всего человечества за мир и социальный прогресс. Мы гордимся тем, что стали первопроходцами на неизведанном пути к новому обществу, идем по нему достойно и уверенно!

Встречая Новый год, мы шлем сердечные поздравления нашим друзьям и союзникам, народам стран социализма! Желаем им дальнейших успехов в строительстве новой жизни.

Мы поздравляем народы дружественных государств, наших товарищей по классу во всех странах света.

Мы желаем мира, счастья и процветания всем народам Земли!

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР горячо и сердечно поздравляю всех советских людей, дружную семью народов нашей великой Родины с наступающим Новым годом!

Новогодние поздравления рабочему классу, колхозному крестьянству, народной интеллигенции, ветеранам войны и труда!

Новогодние поздравления советским воинам, надежно охраняющим мирный труд нашего народа, завоевания Великого Октября!

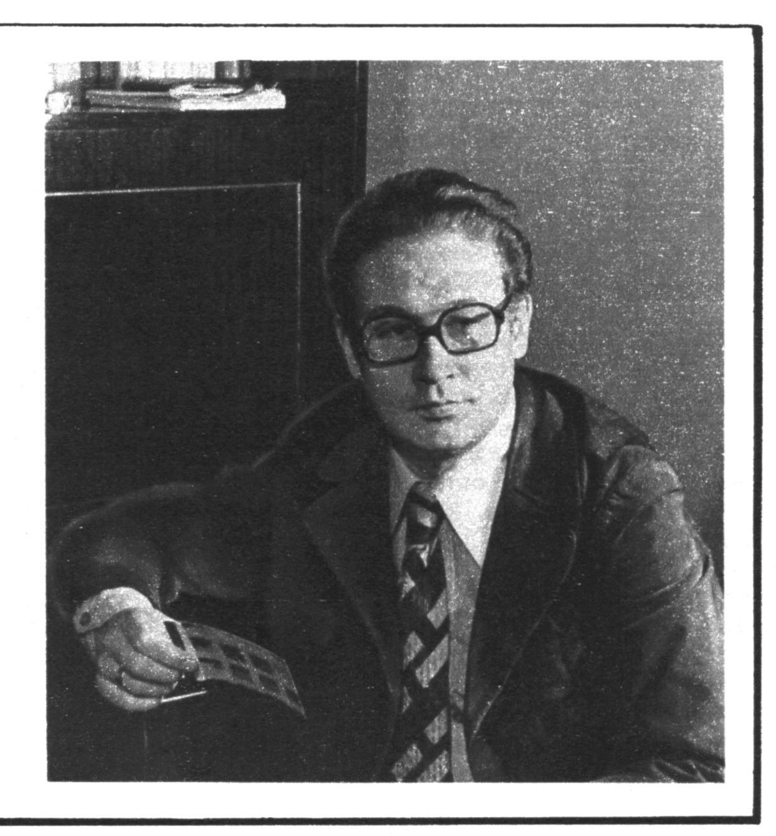
Новогодние поздравления всем, кто в этот час несет трудовую и боевую вахту, кто работает вдали от родной земли!

Давайте пожелаем друг другу, чтобы в наступающем году сбылись наши мечты, чтобы новый год стал годом новых успехов, творческого труда, прочного мира и перемен к лучшему. Пусть он будет богат на радость и счастье в каждом доме, в каждой семье!

С Новым годом, дорогие товарищи!

обсуждаем предсъездовские документы

Зависит от нас, учителей

Евгений НЕСТЕРЕНКО,
лауреат Ленинской премии,
народный артист СССР

«Коммунисты — вперед!». Это не просто слова. Это лозунг совести каждого. Следовательно, и моей. Я артист, работаю в Большом театре Союза ССР. Каждый раз, выходя на его сцену, испытываю волнение, ибо меня ждут люди. Им я и посвящаю свой труд, свое вдохновение.

Велика потребность народа в познании. Прекрасно, когда человека влечет мир музыки, поэзии, когда он спешит, именно спешит открыть для себя новую страницу книги искусства. Советская многонациональная культура — явление особое, собравшее воедино творения мастеров мирового масштаба. Эта культура истинно народная, ибо силы свои черпает из глубин времени, бережно собирая и сохраняя могучее, славное наследие.

Изучая проект новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза, я выделил для себя следующие строки: **«КПСС придает большое значение более полному и глубокому освоению трудящимися массами богатств духовной и материальной культуры, активному приобщению их к художественному творчеству».** Уже многое сделано для широкого вовлечения разных слоев населения в сферу искусства. Но и предстоит еще бóльшая работа. В разные годы мне довелось побывать во многих уголках нашей страны и со спектаклями Большого театра, и с сольными концертами. Сегодня все больший смысл обретает союз искусства и труда. Наши встречи с рабочими и колхозниками взаимно полезны. Мы учимся друг у друга. Нередко концерты проходят после смены, в цехах предприятий. Закончен трудовой день, но люди не расходятся — они хотят слушать музыку. Выступления перед такой аудиторией особенно радостны.

Доброй традицией стали гастроли Большого театра в Сибири. Нас ждут в городах, на предприятиях, в клубах. Во время этих поездок стараемся как можно больше рассказать о традициях отечественной и зарубежной музыкальной культуры. Встречаемся со студентами консерваторий, преподавателями, выступаем на занятиях народных университетов. Но, безусловно, предстоит серьезно подумать о расширении этой деятельности, о новых ее формах, чтобы подобные контакты охватывали все большее число людей разных возрастов.

Вопрос эстетического воспитания, особенно подрастающего поколения, чрезвычайно важен. Тут следует употребить не только весь имеющийся арсенал средств и возможностей, но и выступить с новыми, конкретными предложениями. Как того и требует время.

«Партия будет всемерно способствовать повышению роли литературы и искусства. Они призваны служить интересам народа, делу коммунизма, источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, активно помогать их идейному обогащению и нравственному воспитанию». Читая эти строки, невольно задумываешься над тем, что порой на сцену театров проникают произведения, мягко говоря, малохудожественные, скороспелки. И неудивительно, что на такие спектакли зритель идти не хочет. Пустующие залы должны быть сигналом бедствия, а режиссер или автор вдруг начинают говорить о поиске, о непонимании. Ссылаясь на отдельные, по их мнению, авторитетные имена, они пытаются отстаивать свою точку зрения. Надуманные, оторванные от жизненной правды произведения — мертворожденное дитя, и любые попытки реанимировать его бесполезны. Безусловно, мы за поиск, за новаторство, за утверждение нового, но только тогда, когда оно нужно и важно людям. Модность — еще не признак современности. К сожалению, об этом забывают некоторые деятели культуры. Оттого и возникают эдакие пустышки, созданные на потребу дурному вкусу. Талант, мастерство должны быть мобилизованы для решения задач художественного воспитания, рассказа о нашей действительности.

Большинство студентов — молодые люди, которым предстоит постичь не только основы музыкальной культуры, специальности, но и стать, в свою очередь, воспитателями, несущими в массы прекрасное слово искусства.

Извечна проблема взаимоотношений поколений. Старческое ворчание по поводу того, что мы, мол, были другими, не приносит пользы. Да, нынешнее подрастающее поколение иное, так ведь и время другое. Чтобы воспитывать, учить, требовать, педагог должен жить не прошлым, а настоящим, понимать, чувствовать время. Молодости свойственна податливость восприятия. Не запретом, окриком, приказом должен руководствоваться педагог, а словом, делом, собственным примером. Как правило, в учениках можно увидеть учителя — по репертуару, вокальной подготовке, мышлению. И потому мы вправе требовать от педагога полного соответствия высоким требованиям, предъявляемым к человеку социалистического общества. И слова педагога о высоких идеалах, нравственных ценностях, моральных устоях должны отвечать его собственным представлениям.

Когда в театр приходит выпускник, порой его педагог становится партнером по сцене, товарищем по труду. Представьте себе удивление бывшего ученика, когда он видит своего дорогого учителя в качестве, явно не соответствующем словам, произносимым им в течение нескольких лет с кафедры. Еще раз повторю, что единство слова и дела должно быть законом.

Сейчас ведется большая работа по организации в Институте психологии специальной лаборатории, которая поможет в определении потенциальных вокальных возможностей будущих певцов. Это уже из области завтрашнего дня. А сегодня я считаю необходимым активизировать поиск поющих людей. Открытие певческих данных может произойти и в юности, и в более старшем возрасте. Думается, более пристальное внимание к художественной самодеятельности, любителям пения дало бы интересные находки. Искать следует не то, что на поверхности, а идти в глубинку, в отдаленные районы. Такие экспедиции могли бы организовываться на базе музыкальной школы, специального учебного заведения, консерватории. Несомненная польза видится в том, что такие поездки будут носить просветительский характер. Знаю по себе — во время каждых гастролей меня просят о консультациях, лекциях, прослушивании. Не каждый может приехать в столицу, областной или районный центр для встречи со специалистом. А вот экспедиции энтузиастов могут достичь самых отдаленных мест.

Считаю, что уроки музыки, пения должны присутствовать в программах средних школ. Музыкальная грамота важна так же, как и, предположим, уроки литературы, иностранного языка, химии, биологии. Мы живем в мире музыки, следовательно, должны знать ее азы, то элементарное, что поможет человеку сориентироваться в выборе мелодии для себя. Может быть, тогда наша жизнь будет меньше засорена произведениями, созданными на потребу дурному вкусу.

Вот уже несколько лет я являюсь профессором Московской консерватории, заведую кафедрой сольного пения. В стенах этого прославленного учреждения культуры готовят нашу смену. Какой она станет и в профессиональном, и в нравственном смысле, зависит от нас, учителей. Сегодня мы уже не можем подходить с прежними мерками к явлению действительности. Воспитание гармонично развитой, общественно активной личности — процесс сложный, требующий участия каждого, будь он деятель искусства, рабочий, колхозник или инженер. Это задача каждого коммуниста.

бережливость: разные аспекты

«ЕХАЛИ—СЕЯЛИ...»

Так называлась корреспонденция Галины Куликовской, опубликованная в журнале «Огонек» (№ 43, 1985 г.). В ней речь шла о причинах потери окатышей при перевозке их с Костомукшского горно-обогатительного комбината на заводы Центра страны и Урала, о недостаточной технической оснащенности железнодорожной линии Петрозаводск — Костомукша и иных проблемах, требующих неотложного решения.

В редакцию поступило письмо из Министерства путей сообщения, рассмотревшего вопросы, поставленные в журнале.

«В статье справедливо,— подчеркивает первый заместитель министра В. Н. Гинько,— отмечаются недостатки в осуществлении перевозок окатышей с Костомукшского горно-обогатительного комбината, вызываемые ограниченной пропускной способностью линии Костомукша—Петрозаводск, некачественной и несвоевременной подачей под погрузку вагонов».

Далее приводятся цифры, свидетельствующие о том, что минувшей осенью вывезено все накопившееся сырье и план перевозок выполняется.

Что же намерено предпринять министерство для того, чтобы ситуация, создавшаяся суровой зимой прошлого года, больше не повторилась?

«Разработаны и осуществляются,— сообщает тов. Гинько,— мероприятия по усилению провозной и пропускной способности линий Костомукша — Петрозаводск в XII пятилетке. Завершаются первоочередные работы по удлинению приемо-отправочных путей до 850 метров на раздельных пунктах, открытию законсервированных разъездов, ремонту и оздоровлению верхнего строения пути и искусственных сооружений, усилению локомотивного, вагонного хозяйств, энергоснабжению, строительству жилья в Костомукше, Суоярви, Петрозаводске.

Наряду с этим для дальнейшего увеличения пропускной способности и уменьшения потребности в контингенте железнодорожников для обслуживания линии Костомукша — Петрозаводск предусматривается оборудовать ее диспетчерской централизацией... В XII пятилетке намечается также выполнить работы по строительству двух разъездов на участке Костомукша — Суоярви, расширению локомотивного депо на станции Суоярви и другие мероприятия».

Нет сомнения в том, что меры эти крайне необходимы и давно назрели. Удивляют, однако, сроки их исполнения. К диспетчерской централизации предполагается приступить, например, лишь в 1987 году, до сих пор нет проектной документации. С такими темпами, как говорится, далеко не уедешь. Видимо, проектным организациям министерства еще не хватает оперативности и гибкости в работе.

Для обслуживания участка Костомукша — Петрозаводск МПС заказало промышленным предприятиям изготовление 25 трехсекционных тепловозов серии 3М-62. Поставка их, по сообщению производственного объединения «Ворошиловградтепловоз», будет начата в 1986 году.

Что же касается увеличения пропускной способности, развития Западно-Карельской ветки и создания второго хода от Костомукши, о чем шла речь в статье, то картина тут складывается такая.

«В 1986—1987 годах намечается выполнить технико-экономическое обоснование на строительство новой линии Ледмозеро—Вача с усилением участка Вача — Кочкома и последующей разработкой проектно-сметной документации. В связи с ограниченными капитальными вложениями, выделяемыми на развитие железнодорожного транспорта в XII пятилетке, для приближения сроков строительства указанной линии МПС обратилось в Госплан СССР с просьбой обязать Минчермет СССР и Минстройматериалов СССР принять долевое участие в строительстве линии Ледмозеро — Вача».

Настораживает, однако, тот факт, что положительное решение ведомствами, от которых зависит судьба участка Ледмозеро—Вача, до настоящего времени не принято.

А как обстоит дело с налаживанием бесперебойного ремонта вагонов под окатыши? Это было поистине ахиллесовой пятой в организации транспортировки дорогостоящего железорудного сырья.

Техническое обслуживание вагонов, занятых на перевозках окатышей с Костомукшского ГОКа на металлургические комбинаты Центра и Урала, осуществляется на станции Костомукша и станциях выгрузки.

«Работы по подготовке вагонов под погрузку на станции Костомукша производятся круглосуточно,— заверяется в письме из министерства.— Пункт подготовки вагонов оснащен необходимым технологическим оборудованием. Кроме того, для оказания помощи этому пункту организованы дополнительно бригады по текущему ремонту вагонов, что позволило увеличить за десять месяцев выпуск вагонов из текущего ремонта на тридцать процентов по сравнению с тем же периодом прошлого года. До конца года планируется довести численность работающих на пункте подготовки вагонов станции Костомукша до нормативной для дальнейшего увеличения объема ремонта».

Что ж? Если все так и есть, то лучшего и желать трудно.

«Однако,— оговорено в письме далее,— на некоторых металлургических комбинатах нарушаются правила эксплуатации окатышевозов: выгрузка производится на вагоноопрокидывателях, закрытие выгрузочных люков осуществляется с помощью различных приспособлений, что приводит к преждевременному выходу из строя металлоконструкций вагонов. Допускается неполная выгрузка и некачественная очистка вагонов от остатков груза, что создает дополнительные трудности при подготовке вагонов под погрузку и их ремонте».

К сожалению, ни слова тут не сказано о мерах по устранению всего этого.

И, наконец, о конструкции самих вагонов открытого типа, созданных для перевозки окатышей.

«Она разрабатывалась по техническим требованиям Министерства черной металлургии СССР с учетом специфики перевозимого груза: температура загружаемых в вагон окатышей может достигать 700 градусов. В технически исправном состоянии вагон обеспечивает сохранность перевозимых окатышей, что подтверждается результатами проведенных комплексных испытаний и приемки вагонов к серийному производству междуведомственной комиссией».

По-видимому, все это так. Однако почему же окатыши сдувает сверху? Не может ли межведомственная комиссия заняться изучением этого явления и заодно найти способы его предотвращения?

●

«НЕМОЙ ТОВАР»

На что уж, казалось бы, скучная, в чем-то даже специальная проблема — маркировка товара, его этикетка, и то, что на этой этикетке написано. А вот отозвался читатель на журнальную публикацию («Огонек» № 41, 1985) «Немой товар», затронул его вопрос сохранения продуктов, которые подчас приходится выбрасывать только оттого, что проданы они уже постаревшими, порчеными, где-то пролежавшими сверх отпущенной им меры. А этикетка при этом стыдливо молчит. Вот появились на прилавке консервы, банки которых только что не распухли от долгого ожидания встречи с покупателем. Выкладывается на прилавок хлеб, зачерствевший настолько, что каждому ясно (кроме работников булочных!), что испечен он не сегодня, а может, и не вчера... Озабоченность автора заметок «Немой товар» Р. Галиной разделил Госстандарт СССР, который рассмотрел высказанное в журнале предложение: «...принял решение о проставлении на этикетках соответствующих информационных показателей» («Огонек» № 50, 1985).

На фоне этой озабоченности представляется излишне спокойным письмо из Упрмолпрома бывшего Министерства мясной и молочной промышленности СССР. Отметив, что в статье «Немой товар» затронуты актуальные вопросы, начальник Упрмолпрома Ю. Шильников пишет:

«Действительно, существующая маркировка упакованной молочной продукции не дает покупателю полную информацию о продукте. В настоящее время с целью ее совершенствования разрабатываются новые образцы этикеток, упаковочного материала для расфасовки молока и молочных продуктов в прямоугольные пакеты, на которых по согласованию с Институтом питания АМН СССР дополнительно указывается содержание белка, сахарозы, витаминов и калорийность продукта».

Затем в письме говорится о рекламных мероприятиях, о том, что «разрабатываются новые, более красочные этикетки для выпускаемых молочных продуктов». Сейчас на упаковке указывается дата конечного срока реализации молочных продуктов. Об этом, заверяет нас письмо, «своевременно были извещены покупатели путем информационных листов, которые вывешивались во всех магазинах, торгующих молочными продуктами».

А более подробная и более четкая информация? О ней в письме не сказано; видимо, по мнению Упрмолпрома, тут все в порядке.

«Создание датирующих устройств к имеющимся в промышленности автоматам, упаковывающим плавленый сыр в брикеты, намечается Минлегпищемашем только в конце XII пятилетки»,— сообщает тов. Шильников. Управление молочной промышленности, завершает свое письмо начальник управления, учтет в дальнейшей работе предложения по совершенствованию маркировки молочных продуктов, высказанные в статье «Немой товар».

Сохранность тысяч тонн продуктов зависит не только от того, где их хранят, но и как долго лежит тот же пакет молока или коробка конфет, пока доберется до покупателя. А вот известить об этих сроках может только ясная, броская, сразу заметная надпечатка на упаковке.

«Компьютерная болезнь» с ядерным исходом

Иногда они собираются небольшими группами, чаще проводят долгие часы перед домашним компьютером в одиночку. На диске телефона набирается один номер за другим. Делается это до тех пор, пока из трубки вдруг не послышится характерный гудок. Он означает, что на другом конце провода отозвался чужой компьютер. Теперь необходимо подключить трубку телефона к приемнику звуковых сигналов в собственной ЭВМ, и — связь установлена. Если теперь угадать код, то можно внедриться в чужую информационную систему.

Это хэккеры. Так называют на Западе компьютерных хулиганов и людей, одержимых «компьютерной болезнью», для которых самое большое удовольствие — проникать в чужие информационные сети. Хэккеры создают свои клубы — такие, как гамбургский клуб «Хаус-компьютер»,— распространяют свои бюллетени, обмениваются информацией через «электронные почтовые ящики».

Конечно, деятельность хэккеров касается главным образом той страны, где они проживают. Но если вспомнить, что ЭВМ некоторых стран связаны в громадные компьютерные сети, проблема хэккеров перестает быть чисто внутренней. Нельзя не задуматься и над тем, что в принципе несанкционированное подключение к компьютерам военных ведомств лишь немногим сложнее, чем к гражданским и частным.

Еще в 1973 году один любитель сумел подключиться к компьютерной сети министерства обороны США «АРПАНЕТ». Известен также случай, оказавшийся, правда, студенческой шуткой. Подключившись к ЭВМ одного западноевропейского военного ведомства, студенты получили возможность повышать людей в звании, назначать на новые должности с баснословным жалованьем и т. д. Но стоит познакомиться с проблемой поближе, как становится совсем не до шуток.

Несколько лет назад Пентагон объявил конкурс с целью выяснить, можно ли расшифровать военный код, который считался совершенно не поддающимся расшифровке. Довольно быстро один из студентов при помощи домашней ЭВМ этот код разгадал. После конкурса этой игрой увлеклась вся Америка, а группа подростков в Милуоки сумела даже обеспечить себе доступ к сверхсекретным данным. Дело группы, названной американскими средствами массовой информации «Клуб-414», получило столь широкую огласку, что вопрос слушался в одном из подкомитетов конгресса США.

Слушания начались весьма интригующе — был показан фрагмент нашумевшего фильма «Военные игры», в котором школьник чуть было не начал третью мировую войну, подключившись со своей домашней ЭВМ к компьютеру управления ракетами. Семеро членов «Клуба-414» начали свои «игры» за несколько месяцев до выхода фильма на экран, но поразительно, сколь тесно оказываются связаны выдумка и реальность. Посмотрев фильм, хэккеры «Клуба-414» решили использовать имя «Джошуа», как и их собрат в фильме, в качестве шифр-ключа и проникли в компьютер... ядерного центра в Лос-Аламосе. Именно это «высшее достижение» хэккеров и привело к ним агентов ФБР...

«Клуб-414» ограничивался тем, что, подключившись к чьему-либо компьютеру, исследовал заложенную в нем информацию. А что, если бы они пошли дальше?.. Впрочем, зачем гадать — уже есть ряд примеров. На слушаниях в другом подкомитете стало известно, что группа хэккеров, подключившись к компьютеру министерства обороны США и обнаружив гриф секретности, старалась встроить в программы «жучки» — своеобразные логические бомбы, которые, сработав однажды, могут, как признает журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», вызвать «запуск ракет или боевое использование другого оружия».

Никакие меры безопасности не удается сделать абсолютно надежными. Так называемые «тигровые команды», специальные правительственные группы экспертов, время от времени проникают в системы, которые считаются совершенно секретными. Им всегда удается прорвать каждую вновь изобретенную линию защиты компьютерных сетей.

интервью в номер по телефону

Когда оживает сердце

Настоящей сенсацией стало сообщение о том, что в декабре в гаванской больнице имени братьев Амейхейрас впервые в истории Кубы сделана операция по пересадке сердца. Когда состоялся этот телефонный разговор, пациент, 38-летний рабочий Хорхе Эрнандес, готовился встретить Новый год уже дома, в кругу родных и близких. В Москве был поздний вечер, а в Гаване начинался трудовой день. И вот «телефонный мост» между двумя столицами благодаря спутнику связи установлен. Трубку берет главный герой этого исторического события — заведующий отделом сердечно-сосудистой хирургии больницы Ноэль Гонсалес.

— Поздравляем вас, доктор Гонсалес и весь коллектив больницы с большим успехом! Хотелось бы узнать, как возникла необходимость проведения такой сложной операции.

— У нас, на Кубе, как, впрочем, и в любом уголке мира, есть много людей в очень плохом состоянии из-за заболеваний сердца, для которых исчерпаны все традиционные методы лечения. С другой стороны, в нашей стране имеется необходимая научная база, кадры, средства — словом, все возможности для проведения операций такого типа. Учитывая, что для иных пациентов другой альтернативы нет, мы решились пойти на этот шаг, непростой и ответственный.

— Кто ваш пациент, которому вы подарили жизнь? Как проходила операция?

— Это 38-летний рабочий Хорхе Эрнандес. Он перенес три инфаркта миокарда, последний был 28 октября. С того времени он уже не мог подняться, с каждым днем его состояние ухудшалось, и стало ясно: поможет Хорхе только пересадка сердца. Он человек мужественный и дал согласие на такую операцию. Оставалось только ждать случая, когда появится пациент-донор. В один из дней нам сообщили, что в результате несчастного случая в катастрофе погиб человек со здоровым сердцем. Операция длилась несколько часов. Когда приборы зарегистрировали биение нового, ожившего сердца, лично у меня было ни с чем не сравнимое состояние души.

— Не могли бы вы рассказать немного о себе?

— Я не так уж молод, мне около шестидесяти. Специальность врача получил еще до победы кубинской революции. Однако воплотить на практике многое из того, что умел, смог только после 1959 года благодаря помощи революционного правительства.

К настоящему времени кубинский народ выполнил основные задачи, поставленные Всемирной организацией здравоохранения в программе «Здоровье для всех к 2000 году». Таким образом, в области медицинской помощи населению Куба вступила в XXI век.

Вместе с коллегами я приезжал в Советский Союз, где советские хирурги делились с нами своим богатейшим опытом. Сейчас в больнице имени братьев Амейхейрас работают два советских врача: анестезиолог и иммунолог.

— Какова была реакция на сообщение о пересадке на Кубе, как отозвались о событии в мире?

— Тут были и удивление, и радость, ведь Куба — страна небольшая, не располагающая мощной экономикой. Многие в мире задавались вопросом: как кубинским врачам вообще все удалось? Те, кому, может, не по душе наши успехи, не учли главного — силы интернациональной солидарности, помощи многих стран, в первую очередь социалистических.

— Каково состояние пациента Хорхе Эрнандеса?

По свидетельству газеты «Лос-Анджелес Таймс», даже пентагоновская компьютерная система глобального военного командования и управления не является непроницаемой.

Однако по заключению экспертов Пентагона, опасность значительно большую, нежели подростки-хэккеры, представляют военнослужащие. Так, один из них систематически нарушал работу боевого компьютера. Опасным воздействиям равно подвержены и мощные системы ЭВМ, и небольшие одноцелевые компьютерные устройства, установленные на боеголовках ракет и даже на артиллерийских снарядах. Если проникнуть в любую из этих систем, то появляется возможность обойти устройства безопасности, раскрыв код, добраться до заложенных в памяти ЭВМ данных, установить «логическую бомбу». «Жучки» в бортовых компьютерах практически невозможно обнаружить обычной проверкой. Один из лучших экспертов США по компьютерной безопасности, полковник ВВС Роджер Шелл, признает возможность того, что компьютеры, контролирующие баллистическое оружие, могут перенацелить ракеты.

Так где же гарантия, что безответственные манипуляции с компьютерами самими военными или хэккерами не приведут в действие системы управления ракетно-ядерным оружием? Такой гарантии не существует. Простая забава — «компьютерная болезнь» — может закончиться ядерной смертью. Единственное лекарство — прекращение гонки вооружений.

Юрий БАТУРИН

— Хорхе в процессе активного выздоровления, он уже проходит пешком без чьей-либо помощи 25 метров, приступает к занятиям на велотренажере. А ведь почти три месяца находился без движения! Сейчас он рядом со мной, и я передаю ему трубку.

— Хорхе, от имени читателей журнала «Огонек» мы поздравляем вас с Новым годом! Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, очень хорошо. На днях я собираюсь домой, к родным.

— И далеко вам ехать?

— Да нет, живу здесь, в Гаване. Родом я из рабочей семьи. К сожалению, до революции мне довелось окончить только шесть классов. С ранних лет я работал, чтобы помочь встать на ноги младшим братьям и сестрам, а их у меня было шестеро. Последние восемнадцать лет работал на табачной фабрике в Гаване. Надеюсь, что после полного выздоровления смогу быть полезным моей стране, моему народу.

Прощаясь, Хорхе Эрнандес сказал:

— Передайте мои новогодние пожелания советским людям. Счастья и здоровья им! В своих сердцах мы, кубинцы, храним глубокую любовь к первой в мире стране социализма и безмерно благодарны ей за бескорыстную помощь и поддержку всем тем, кто в этой помощи нуждается.

Интервью вел В. КОВАЛЕВ.

Израильские солдаты в деревне Маарака на юге Ливана. Фото АФП — ТАСС

ЗИМА ТРЕВОГ И НАДЕЖД

●

Стрелка барометра жизни в Ливане вот уже на протяжении одиннадцати лет никак не установится на отметке «ясно». Причина тому — гражданская война и израильская агрессия со всеми их страшными последствиями.

С 1975 года в Ливане погибло 100 тысяч, ранено и искалечено 200 тысяч, потеряли кров и стали беженцами 500 тысяч человек (при населении страны чуть более 3 миллионов!). Эти печальные цифры привел президент страны Амин Жмайель в своем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Общий ущерб, причиненный стране, оценивается местными экономистами фантастической цифрой — 15—18 миллиардов долларов.

Серьезным дестабилизирующим фактором в Ливане является продолжающаяся израильская агрессия.

— Тель-Авив не случайно проводит политику «железного кулака» на юге нашей страны,— говорит главный редактор бейрутской газеты «Аль-Хакика» Насер Кандил.—Он стремился изгнать в глубь страны население южноливанских районов, в частности, из так называемого «пояса безопасности», где проживает свыше ста тысяч человек. Новая волна беженцев, по замыслам сионистов, будет способствовать ухудшению и без того тяжелого экономического положения в стране, нагнетанию нестабильности, особенно в Бейруте, а также разжиганию религиозной и межобщинной вражды. Население, которое не пожелает покинуть свои дома на юге, вынуждено будет, по замыслам сионистов, свыкнуться с перманентностью оккупации и пойти на сотрудничество с захватчиками. А сегодня израильские солдаты и их наемники разрушают дома, грабят, издеваются над местными жителями...

С помощью так называемой «армии южного Ливана» под командованием бывшего полковника ливанской армии Лахада, предателя, пошедшего в услужение к оккупантам, Тель-Авив пытается создать на юге Ливана «произраильский кантон» из коллаборационистов, некое «государство в государстве».

Повышенная активность Израиля на юге Ливана объясняется еще одним важным фактором. На протяжении последних месяцев представители ведущих сил Ливана — Прогрессивной социалистической партии, движения мусульман-шиитов «Амаль» и христианских «ливанских сил» вырабатывают «тройственное соглашение» по поводу государственного переустройства страны. В эти дни вырабатывается окончательная редакция соглашения, устраивающая все ведущие силы Ливана.

Однако это не устраивает Израиль. «Тель-Авиву невыгодно иметь под боком единое сильное арабское государство,— сказал мой приятель, журналист из газеты «Ас-Сафир».— Если ливанцы объединятся на демократической, патриотической основе, они, естественно, сделают все для того, чтобы покончить с израильской оккупацией юга страны».

Местные наблюдатели не случайно связывают продолжающиеся перестрелки на «зеленой линии», взрывы бомб в Бейруте с деятельностью агентов сионистов и произраильских элементов внутри страны.

«Под пятой агрессора остается еще значительная часть ливанской территории,— сказал мне один из лидеров ливанского национально-патриотического сопротивления, Мустафа Саад, возглавляющий Насеристскую народную организацию, одну из ведущих сил города Сайды и всего ливанского юга.— Наша борьба будет продолжаться до тех пор, пока оккупанты и наемники не покинут эти земли. Успешные боевые операции патриотов Ливана против захватчиков и их наемников свидетельствуют о стойкости и мужестве ливанского фронта сопротивления. Мы полны решимости довести борьбу за освобождение своей земли до победы».

...Когда проезжаешь по бейрутской набережной Рауша, бросается в глаза белая, потрескавшаяся в некоторых местах каменная стена с незатейливыми детскими рисунками. На ней — солнце и цветы, люди и звери. Но больше — пикирующих самолетов, стреляющих танков и пушек, взрывающихся бомб и ракет. Посередине стены крупными буквами выведена фраза: «Когда конец войне?»...

Евгений МИКИТЕНКО,
собкор АПН,
специально для «Огонька»

Бейрут.

Публикуя этот материал, редакция «Огонька» надеется, что первыми среди читателей отзовутся на него те, кому он прежде всего адресован: работники Госплана, Госснаба, Госстроя, Министерства финансов, проектировщики и машиностроители.

От вас, товарищи, в огромной степени зависит, чтобы строители нефтегазопроводов, и не только они, успешно справились со всеми задачами, которые ставит перед советским народом Коммунистическая партия Советского Союза в преддверии своего XXVII съезда.

Время не ждет. Двенадцатая пятилетка началась.

Валерий БОЛТРОМЕЮК,
специальный корреспондент «Огонька»

ФОРМУЛА ПОБЕДЫ

Это большое дело — найти нефть и газ. Но не доставленный потребителям, этот капитал еще, что называется, мертвый.

Если представить себе экономику живым организмом, жизнеспособность которого зависит от постоянства притока «крови» — нефти и газа,— строителей нефтегазопроводов можно с полным основанием назвать теми, в данном случае практически незаменимыми людьми, кто создает кровеносную систему экономики. От их труда зависит ритм биения экономического «сердца».

...Для кого как, а для «трубачей» погода в этих местах — «и бог, и царь, и воинский начальник». Ее непредсказуемости ставят в тупик, опрокидывают расчеты, а то, бывает, и сводят почти на нет усилия тысяч людей, осваивающих край, вот уже четверть века приковывающий к себе пристальное внимание всех.

Еще вчера над Сургутом стояло высокое спокойное небо. В ровном свете уже остывающего солнца березы вдоль улиц, голенастые, как девчонки-подростки, смягчали своею зеленью тона здешнего, суровых красок, пейзажа.

Ночью ударил первый короткий стремительный заморозок. Небо опустилось, стало прозрачно-льдистым. В его стынущей глубине, слабо подкрашенной голубым, явственно засквозили отсветы уже близких снегов. Ночной мороз облил березы холодным медным блеском — под выцветшим небом эта желтизна была пронзительна и тревожна.

Природа зажгла над болотистыми равнинами Среднего Приобья предупредительный сигнал «Кончай перекур!».

Осень для строителей нефтегазопроводов — пора начала работы. Самое горячее рабочее время — зима. Здесь, в Среднем Приобье, и дальше на север, где капитальные дороги-бетонки пока еще обходятся государству по миллиону за километр, а озера и болота, этот самый страшный для строителей бич, занимают до семидесяти процентов территории, только щедрая на стужу зима дает возможность продвигаться вперед: имеющаяся в распоряжении строителей техника в остальные времена года перед болотами пасует.

...Пока оттаявшие к лету болота сдерживают продвижение, и прокладка трубопроводов ведется ограниченными силами на ограниченных площадях, основные строительные подразделения приводят в порядок и ремонтируют технику, восполняют кадровую убыль. Снабженцы, те подтягивают «тылы». Главки, строительные «штабы», готовят проектную документацию — эти строительные «оперативные карты», без которых трубопроводчики не могут сделать и шага. Не нужно иметь особой фантазии для того, чтобы представить себе, что значит спланировать работу, скажем, для двадцати тысяч человек, пробивающихся практически, или чаще всего, по полному бездорожью. К часу начала нового наступления на необжитые районы линейные подразделения должны быть полностью укомплектованы, оснащены и обеспечены техникой, ресурсами, материалами, людьми и проектно-сметной документацией. Во «фронтовом» режиме работает служба главного механика главка. Начальника Главтюментрубопроводстроя Е. А. Лаврентьева уже теперь можно застать в кабинете без четверти восемь утра, а главный инженер, по наблюдениям секретарш, проницательных стражей приемных, похоже, опять начинает тайком маяться бессонницей, от которой было избавился за месяцы летней передышки.

Если коротко определить, чем конкретно заняты сейчас практически все без исключения инженерные службы главка, перечень будет выглядеть так: увязывают, согласовывают, корректируют, достают, договариваются, выбивают.

Печальный перечень, если учесть, что «достается» и «выбивается» на разных «уровнях» разных ведомств все то, чем строители должны быть, безусловно, обеспечены в соответствии с планом, а «увязывается» и «корректируется» то, что должно было быть снято с повестки дня еще на стадии окончательной отработки проектов.

«Пробивание» и «увязывание» ведутся по всей «технологической цепочке» обеспечения строительства.

Начало ее, та самая символическая «печка», от которой пляшут,— проектно-сметная документация. Проект организации строительства (ПОС) — многотомный свод, в котором должно быть тщательно просчитано и зафиксировано все: от перечня и объемов предстоящих работ до их стоимости в виде плановых и внеплановых затрат, заработной платы и премий.

Главк начинает нести потери уже на этом самом первом рубеже, задолго до начала собственно строительных работ.

Вот в подтверждение выписка из одной только «сводки потерь» — из заключения экспертизы главка по проекту обустройства Вать-Еганского нефтяного месторождения:

«Изыскания выполнены камерально. Принятые проектом технические решения настолько неоптимальны, что оптимизация их по предложениям подрядчика (главка.— Ред.) дает сокращение металлоемкости строительства по газопроводу на 1100 тонн, или на 75 процентов, по водоводу — на 430 тонн, или на 75 процентов от металловложений в водовод по проекту.

...В результате рассмотрения проекта обустройства первой очереди Вать-Еганского нефтяного месторождения выявлено неучтенных затрат на сумму 882 000 рублей.

Осуществление предложений подрядчика дает снижение сметной стоимости в размере 533 000 рублей».

Что значит «изыскания выполнены камерально»? Вот что это такое.

«Отметки точек трасс снимаются с устаревших топографических карт, рельефы на проектах часто выражаются условными линиями».

Это из записки начальника отдела капитального строительства главка А. Н. Панкова.

«...Ввиду постоянного запаздывания с разработкой и поставкой проектно-сметной документации большая часть объектов пока еще строится без надлежащей инженерной подготовки, на основании «льготного» финансирования. За ним стоят так хорошо знакомые всем печальной памяти «волевые решения», приводящие к неоправданным и часто необратимым потерям времени и средств, к срыву установленных сроков...

...Второй наш «враг» — климат. Год на год здесь не приходится, земля зимой, бывает, промерзает слабо — и тогда летят все наши планы из-за невозможности маневрировать техникой на трассах: техника у нас с большим собственным весом и, следовательно, большим удельным давлением на грунт...

...Здесь, в Среднем Приобье, местность озерно-болотистая. А на эту местность еще не выработано до сих пор ни наукой, ни практикой единой технологии производства строительных работ. Возникающие то и дело проблемы приходится решать самодеятельно, а самодеятельность в таких условиях обходится дорого...»

Это из беседы с заместителем начальника главка В. В. Постниковым.

А между тем не принять проект строители не имеют права: за ним стоит соответствующая строка государственного плана.

Общеизвестно: успех всякого наступления во многом решает техника.

Северу нужна техника в специальном северном исполнении.

Где-то, говорят, она есть. Хотя и редко, но все же время от времени проскальзывают сообщения об опытных ее образцах. Серийно, насколько известно, машиностроители такую технику сегодня почти не изготовляют.

По импортной технике вопросов, как говорится, у строителей нет. Но сколько раз, говоря с ними на эту щекотливую тему, я замечал в их глазах справедливое недоумение, а в голосах слышал обиду за отечественное машиностроение: неужто мы хуже?

Для работы в условиях тюмен-

Ю. Злыдень. Род. 1925. ЗИМА. ПЛОЩАДЬ СЛАВЫ 1985.

Н. Исаенок. Род. 1947. РАУБИЧИ. ПОЛЕТ. 1983.

ского севера нужна техника на болотном ходу. Все технологическое оборудование—экскаваторы, трубоукладчики, трубовозы—должно монтироваться на болотоходах. Истина, что называется, прописная. А положение дел... Полтора десятка отечественных болотоходов БТ-361, которые обошлись главку в 12 миллионов рублей, по словам главного механика, «почти стопроцентно стоят».

Практически ни один вид из имеющихся в распоряжении трассовиков строительных машин не приспособлен для работы в условиях здешних низких температур. Большой собственный вес машин невольно ставит трубопроводчиков в положение злостных нарушителей экологического равновесия. Помнится, несколько лет назад один журнал прямо вот так, без кавычек, назвал их врагами живой природы. Но одни ли строители повинны в тех смертных грехах, которые сегодня безоговорочно пишутся на их счет?

Тут бы нелишним было оглянуться на машиностроителей и конструкторов — на «науку».

«Пробить» в серию новую машину — дело, подчас требующее сегодня не меньше моральных, физических и прочих затрат, чем процесс ее создания. Оно и понятно: ставить на поток новинку— значит сверху донизу перестраивать всю технологию. А это — падение отчетных показателей. А спрос — по «валу». При желании машиностроители любую «научную» базу подведут, обосновывая отказ: отписываться умеем!

А что же наука?

Лет, пожалуй, с пятнадцать периодически слышно: опытные разработки ведутся. А техники северной все нет. И конца тем опытным изысканиям тоже не видно.

Может, с ученых мужей просто давно по-настоящему не спрашивали — и за деньги, ежегодно щедро отпускаемые государством на творческое горение, и за получаемую ими зарплату?

...А пока что начальник главка, хмуро поглядывая мимо меня, кладет передо мной на стол следующую сводку — по использованию техники в 1984 году.

«Бульдозеры (весь парк) — выработка в тысячах кубометров — 29,3 процента... Коэффициент использования грузовых машин — 0,58. Коэффициент использования пробега — 0,48, грузоподъемности —1,22».

...Хрипнут телефоны на столах снабженцев и комплектовщиков. Тоже вот «козлы отпущения». Кто только о них, о снабженцах, ноги не вытирал!

Есть за ними и грешки, и грехи — служба такая.

Но вот и снабженцы выкладывают шелестящие бумаги.

«Нарушение ГОСТов и технических условий поставок носит постоянный характер.

Трубы стальные должны поступать в пакетах — идут навалом. В результате — большой процент отбраковки из-за повреждений при перевозках и перескладировании.

Минеральная вата должна приходить в пакетах — идет навалом.

Известь, мел, гипс должны поступать в джутовых мешках — поставляются навалом.

Кирпич должен поставляться в пакетах — идет навалом.

В итоге только в 1984 году потери по главку составили:

Трубы — 21564 тонны, или 600 вагонов.

Минеральная вата — 148 вагонов.

Цемент — 338 вагонов.

Известь, мел — 5 вагонов.

Кирпич — 1 миллион штук, 62 вагона».

Так обеспечивают строителей базы Госснаба.

«Значительное отставание в передаче заказчиком технических проектов и документации, многочисленные поправки на ходу приводят к тому, что занарядка ресурсов проводится часто на глаз, по опыту и отчетам прошлых лет, защита проектов в Госплане и Минфине из-за отсутствия качественной документации производится условно, на уровне тех же прошлых лет, хотя проектируемые объекты часто значительно отличаются от ранее построенных. Все это ведет к серьезным просчетам в планировании и обеспечении объектов строительства материально-техническими ресурсами».

Думается, и здесь комментарии излишни. При таком положении дел по всей технологической цепочке обеспечения строительства «местные», усугубляющие обстановку просчеты и неувязки практически неизбежны. Ведомственные «снабы» в соответствии со «структурной организацией» не могут не копировать «снаба», что ни на есть самого главного...

...Просчеты в планировании — как следствие некачественно выполняемых проектных работ и обеспечения — или качество обеспечения как итог ошибок в планировании. Межведомственные «нестыковки». Все еще не изживший себя «волевой» стиль в управлении строительством, опирающийся на психологию «вала», девиз которого — «план любой ценой», а выведение показателей — «в среднем», позволяющее **приписывать** одному за счет другого и сохранять тем самым обезличку и уравниловку. Вместо четкого контроля — многоярусная управленческая опека, ущемляющая творческую инициативу и мешающая в полную силу проявиться Закону о трудовых коллективах...

Все это вместе оборачивается самой чувствительной, в особенности для северных строек, бедой — текучестью кадров.

Один из самых главных катализаторов этой беды — сложное явление с протокольным наименованием «соцкультбыт».

Север осваивается вахтовым способом. Из самых разных и на свежий взгляд неожиданных мест непрерывно везут самолеты два встречных потока буровиков, нефтедобытчиков, строителей, сменяющих друг друга в вахтовых полевых передвижных городках где через две недели, где через месяц или больше. Отработали положенное — и на отдых, к себе домой. В Ивано-Франковск и Львов, в Уфу и Куйбышев, в Баку и Грозный, Киев и Донецк... Даже москвичи среди вахтовиков есть.

Дорого, должно быть, обходятся и северу, и государству эти челночные операции — в сущности, вынужденная экономическая мера при сегодняшнем положении дел.

Соответственно методу и отдача от него, хотя, с точки зрения привычной для многих хозяйственников «сегодняшней» выгоды, все пока обстоит, в общем, благополучно: растет разведочное бурение, растет количество новых месторождений, растет километраж нефтегазопроводов.

Но ведь не хлебом единым, как сказано, жив человек. Север осваивается, а не обживается, а это далеко не одно и то же.

Спору нет, в подавляющем своем большинстве вахтовики — прекрасные люди и мастера своего дела, они — истинная палочка-выручалочка сегодняшней, и не только северной, экономики.

Но все-таки давайте говорить прямо, народ они на севере временный. А временный человек на земле не хозяин.

Выступая в Тюмени на партийно-хозяйственном активе Тюменской и Томской областей, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Каждый проект строительства новых объектов в Сибири и на Дальнем Востоке должен быть глубоко обоснован с точки зрения и экономической и социальной, предусматривать улучшение условий труда и жизни людей».

Обустраивать людей в самом широком смысле этого слова — так следует понимать эти слова.

Север нужно не осваивать — обживать. Это дано только хозяину, не временному человеку.

Чувство хозяина—сложное, многозначное, тонкое, организующее душу человеческую — не воспитать в общежитиях, пусть даже и построенных по самым модерновым проектам. Только чувство дома делает человека надежным работником на земле.

Но вот передо мной план социально-экономического развития Главтюментрубопроводстроя. И начальник главка Е. А. Лаврентьев говорит: «Твердым костяком коллектива можно считать только треть личного состава наших подразделений—трестов, управлений, бригад. Две трети — народ вахтовый, сменный». И я читаю в плане: обеспеченность главка капитальным жильем — только 20 процентов от объективно необходимого...

И я не беру на себя смелость упрекать молодого начальника главка в социальной неповоротливости. Я знаю, как знает и он, и практически каждый, откуда такое положение пошло. «План любой ценой», «все для плана» — вот это откуда и вот что это означало: 90 процентов средств — на получение отдачи, на прибыль, и только почти символические 10 процентов — на соцкультбыт.

Знает каждый хозяйственник: план делают люди. Да помнит об этом в силу разных причин не каждый. А не будет под рукой у хозяйственника, пусть даже и выдающегося по способностям, надежных, проверенных кадров — и плана никакого не будет.

Сегодня одной только зарплатой на трудном тюменском севере не удержишь.

А в плане социального развития главка читаю: за годы 12-й пятилетки ввести в строй общим числом 540 000 квадратных метров жилья, построить три спорткомплекса (а проще — спортзала) в трех поселках, восемь детских садов в восьми поселках — на 280 мест каждый, три школы, четыре стоместных санатория-профилактория, больничный комплекс в Уренгое на триста мест и поликлинику в Сургуте — и задаюсь вопросом: много это или мало? И Лаврентьеву задаю тот же вопрос. И мы оба вспоминаем: существующие школы работают здесь сегодня в три смены. Объем строительно-монтажных работ по главку в 12-й пятилетке должен быть увеличен втрое — значит, соответственно увеличится и численность работающих (их уже сегодня больше 20 000)... И оба не сговариваясь мы приходим к выводу: мало.

Но я не решаюсь сказать ему осуждающим тоном: мало, мол. Потому что на соцкультбыт ему больше министерство не даст. Потому что, наверное, и министерству больше не дадут «сверху» — те планирующие, финансирующие и обеспечивающие ведомства, под которыми все мы ходим.

А может, дали бы, сумей сначала главк, а потом и министерство толково свои требования обосновать?

Может, эта покорность — «не дадут больше» — оттого, что бог знает когда получившая прописку в управленческих органах система многоярусной, подавляющей инициативу опеки приучила, как говорится, «не возникать»? Может, тут все дело просто в безынициативности как результате этой плотной до мелочности опеки? Она, как и всякое брошенное в землю зерно, тоже дала свои плоды. «Сказать откровенно, не припоминается случая, чтобы какая-то партийная организация какого-то министерства в принципиальном плане поставила перед ЦК КПСС вопрос о положении дел в отрасли» — так оценил «вкус» этих «плодов» в докладе на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса Михаил Сергеевич Горбачев.

Ясен путь: всемерное ускорение научно-технического прогресса, неразделимое со всемерным повышением внимания к человеку труда.

Ясна цель: победа. Как результат решительного перехода на путь интенсивного развития народного хозяйства. Творческие силы и золотые рабочие руки для этого есть.

Ясна формула победы, ее основные слагаемые. Четкое планирование и обеспечение. Совершенное, очищенное от многолюдства и дублирования управление и контроль вместо громоздкой, не оправдавшей себя опеки. Высокая дисциплина труда на каждом рабочем месте — от рабочего до министра.

Коренная перестройка народнохозяйственного механизма — процесс непростой и небезболезненный.

Но иного пути у нас нет.

...Трассовики продолжают делать свое дело.

И перевыполняют планы. И ходит, вопреки всему, техника, которой здесь по всем прогнозам вроде бы и не положено ходить,— поставленная «на колеса» невероятной изобретательностью миннефтегазстроевских умельцев. Вот здесь, припомнив, в каких условиях они все это делают, можно со спокойной совестью оценить их труд как подлинно героический.

Но сколько же еще будут они расплачиваться за брак и бесхозяйственность, за промашки планирования и безалаберное обеспечение, в сущности, одни в конце концов отвечая за всю длинную цепочку смежников, так или иначе воедино связанных с трассами?

Я пишу это с чувством обиды за них. В ней есть доля и моей личной обиды. Я еще не забыл ни болот и грязи по горло, ни того, что такое ветер под тридцать метров при морозе в минус полста;

не забыл вкус болотной воды и вкус ожидания, когда по две недели нет вертолета.

...А на очереди у миннефтегазстроевцев — Ямбург, который они уже начали освоением.

Ямбург—это Заполярье, тундра, вечная мерзлота. 11-я пятилетка была пятилеткой Уренгоя. 12-я — это пятилетка Ямбурга. К концу ее Ямбург должен давать практически весь прирост газа.

Как-то все сложится там?

ОЧЕРК НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА КОММЕНТИРУЕТ ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА СТРОИТЕЛЬСТВА ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР Г. И. ШМАЛЬ:

— Суть остро стоящих сегодня перед нами вопросов схвачена верно. Мне остается сделать лишь несколько необходимых, на мой взгляд, дополнений.

Несовершенство проектов, неоптимальность предлагаемых строителям проектных решений — все это стало почти хроническим. Как болезнь. Во что обходится «лечение» на ходу, достаточно убедительно рассказали читателям «Огонька» В. В. Постников и А. Н. Панков. От себя добавлю: случай с проектом обустройства Вать-Еганского месторождения еще не самый, как говорится, печальный. «Могут озолотить, а могут по миру пустить» — в этом адресованном проектировщикам невеселом присловье содержится большая доля правды.

Причин, хотя и объясняющих, но не оправдывающих сложившуюся ситуацию, много. С ними еще предстоит разбираться. Я же сейчас назову две. Их отрицательное влияние на качество проектов и в конечном счете на результат работы наших строителей сказывается наиболее часто.

«Идеальный вариант» инженера-проектировщика — специалист не только с высокой теоретической общеинженерной подготовкой. Это инженер, пришедший к кульману с «поля», имеющий за плечами опыт работы на трассах. Человек, который не только по справкам и справочникам—на собственном практическом опыте знает, почем фунт северного лиха.

Требовать, чтобы таким опытом обладал каждый проектировщик, ясное дело, утопия. Но у главных инженеров проектов он должен обязательно быть. Уже это позволит существенно сократить и количество проектных ошибок, и траты на их исправление. К сожалению, специалистов с таким практическим опытом среди главных инженеров проектов сегодня пока меньше, чем хотелось бы видеть.

Прошу понять меня правильно. Способные молодые, конечно, должны расти. Но не только и не столько у кульманов, в тепличных, сравнительно с трассовыми, условиях проектных контор. Я, подчеркиваю это, говорю о конкретной категории инженеров — о тех, кто рождает проекты.

Вторая причина заключается в следующем.

В рамках сложившейся схемы управления межведомственными связями и отношениями — схемы громоздкой, сложно соподчиненной по множеству «уровней», — проектировщики сегодня стоят как бы в стороне и **над** теми, кто воплощает их решения в металл и бетон. Такое обособленное «пространственное положение» проектировщиков зачастую ограничивает их заинтересованность в конечном результате сроками сдачи заказчику договорной документации, практически лишая строителей рычагов воздействия на них.

Система взаимоотношений между проектировщиками и строителями давно и настоятельно требует пересмотра. Проектировщики должны быть звеном в общей цепи связанных единой ответственностью строительных подразделений, равно со всеми отвечая за качество выполняемой по их проектам работы и за ее конечный результат.

Этого требует логика развития НТР и ее главной движущей силы — научно-технического прогресса, важнейшего инструмента в деле коренной перестройки народно-хозяйственного механизма, к которой нас призывает в своей Программе Коммунистическая партия. На безотлагательную необходимость такой перестройки нацеливают нас Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

К сожалению, главные инстанции, от которых зависит эффективное решение нашей проблемы — Госплан, Госстрой и Министерство финансов,— пока что молчат.

Несовершенство проектов, неоптимальность заложенных в них инженерных решений — это, образно говоря, камень на склоне горы, находящийся в состоянии неустойчивого равновесия. Легко представить, что бывает, когда под воздействием иногда непредсказуемых сил такой камень срывается вниз.

Неоптимальные — по сути, приблизительные — проекты влекут за собой такое же иногда приблизительное планирование и урезанное обеспечение; причем в стремлении к «отчетному» удешевлению проектов их авторы то и дело исключают из смет и перечней многие виды работ, которые позже, в процессе строительства, все равно приходится выполнять. Только те, кому выпадает этим заниматься, в полном объеме знают, каких усилий стоит добиться «обратного включения» этих работ в уже утвержденные и профинансированные проекты, сколько времени и сил уходит на бесконечные корректировки, согласования и «увязывания»...

Прибавьте к этому набившую оскомину даже фельетонистам хроническую аритмичность в работе многочисленных снабженческих органов и организаций. Помножьте все это на северный коэффициент трудностей природного порядка.

Не ошибаться в таких условиях попросту невозможно. Ведь эти ошибки — срыв плановых сроков строительства, снижение качества и т. д., такой получается парадокс — в сущности, программируются уже в проектах и, значит, становятся «плановыми» изначально.

Фото Г. КОПОСОВА.

Сложное пока у нас и положение с техникой. Машин в северном исполнении еще мало. В опытных образцах многие ее виды существуют, но планового серийного производства пока нет. И здесь главная причина — межведомственность и нестыковки. Технику изготавливают заводы десятка разных министерств и ведомств — это, образно говоря, «монастыри», каждый из которых живет своим «уставом».

Для достижения успеха нужны не узко отраслевые, пусть даже и отлично проработанные, планы, а единая межведомственная программа разработок, изготовления и поставок «северной» техники на строительство нефтяных и газовых магистралей. Программ, так сказать, констатирующих достаточно. Эта научно обоснованная и рассчитанная программа должна иметь силу закона. Здесь решающее слово принадлежит Государственному комитету по науке и технике и Бюро Совета Министров СССР по машино-

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

строению, образование которого предусмотрено недавним Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Соглашаясь в принципе с точкой зрения «Огонька» на проблемы освоения Севера и вахтовый метод, должен, тем не менее, сказать, что вахтовый метод — явление гораздо более сложное, чем кажется, и, следовательно, отношение к нему не может быть однозначным. Лично я думаю о вахтовом методе несколько иначе.

Разумеется, самое эффективное в деле освоения Севера — базовые города и поселки, в которых можно создать необходимые для закрепления и нормальной жизни людей комплексы предприятий соцкультбыта.

Но для таких районов, как, скажем, Ямбург, вахтовый метод на обозримый период времени останется наиболее эффективным. Ни у кого же не возникает, например, мысли капитально обустраивать арктические дрейфующие станции. Ямбург, на мой взгляд, по возможностям для постоянного, оседлого пребывания там подходит так же мало, как арктический лед.

Закончить я хочу тем же, чем заканчивается и выступление «Огонька».

Есть у нас люди, способные решать задачи любой сложности. Есть необходимый творческий потенциал. О том, что это так, говорят хотя бы два следующих факта: газопровод Уренгой — Помары — Ужгород был сдан в эксплуатацию, несмотря ни на что, на полгода раньше намеченного срока. Одиннадцатую пятилетку по строительству объектов в районах Западной Сибири труженики отрасли выполнили еще в 1984 году.

К золотым бы этим рукам да еще современный инструмент: четкое планирование, высококачественные проекты, бесперебойное ритмичное обеспечение, безотказную технику — и можно не сомневаться: задачи, которые ставят перед нами партия и правительство, будут, безусловно, выполнены.

Люди у нас для этого, повторяю, есть.

КАМПУЧИЯ: ПРОШЛОЕ НЕ ВЕРНЕТСЯ!

В январе 1979 года была провозглашена Народная Республика Кампучия. Народ, сбросив ненавистное полпотовское иго, приступил к строительству новой жизни.

С помощью СССР, Вьетнама, других братских стран республика добилась огромных успехов, ликвидировав голод, разруху. Но эти успехи были бы еще более значительны, если б не продолжающиеся происки кхмерской реакции и ее покровителей. О том, что они собой представляют, рассказывает корреспондент ТАСС, недавно вернувшийся из этой страны.

Евгений ВЕРЛИН

44-месячное господство полпотовцев в Кампучии называют «эпохой правления смерти». Но смерть пришла на кампучийскую землю раньше—когда Соединенные Штаты предприняли открытую агрессию против народа этой страны.

Пятнадцать лет назад президент США Р. Никсон отдал приказ американским войскам и их сайгонским марионеткам вторгнуться со стороны Южного Вьетнама в глубь кампучийской территории и провести крупномасштабные «очистительные» операции по «пресечению северовьетнамской инфильтрации». Одновременно американские бомбардировщики «В-52» приступили к осуществлению «коврового бомбометания». По признанию Пентагона, на «наземные цели» в Кампучии только в 1969—1970 годах было совершено почти четыре тысячи воздушных налетов. Особенно интенсивными были бомбардировки 1973 года, начатые уже после подписания Парижского соглашения о прекращении войны во Вьетнаме.

Бомбежки последних месяцев агрессии — 250 тысяч тонн бомб — почти вдвое больше бомбового груза, сброшенного на Японию во вторую мировую войну. Это разрушение свыше двухсот мостов, уничтожение значительной части плантаций каучуконосов и заводов по переработке латекса — основной статьи экспорта страны и главного источника валюты. Это голод, вызванный подрывом сельского хозяйства.

Американская агрессия обернулась гибелью свыше 600 тысяч кампучийцев. Два миллиона человек остались без крова.

Сейчас Вашингтон, избавившись от «вьетнамского синдрома», открыто приступил к расширению своего вмешательства в Индокитае. Как и прежде, плацдармом для вмешательства избран Таиланд. Роль же «пушечного мяса», как видно, будут играть окопавшиеся на таиландской территории банды кхмерских реакционеров во главе с полпотовцами.

Принимая решение об оказании помощи полпотовцам, вашингтонская администрация руководствовалась сугубо стратегическими мотивами. Главный из них — любыми путями сохранить взрывоопасный очаг напряженности в Юго-Восточной Азии, помешать развитию стран Индокитая по социалистическому пути. Вот ради чего американцы стремятся сохранять нестабильность на таиландско-кампучийской границе. Вот ради чего США взялись поддерживать и вооружать орудующий там разномастный преступный сброд, в том числе и полпотовских бандитов.

В Свайриенге я беседовал с шестнадцатилетней Тум Сокха, сбежавшей из полпотовского лагеря в провинции Пурсат. После крушения в 1979 году режима Пол Пота она оказалась среди тех детей, которых угнали в труднодоступные лесные районы близ границы с Таиландом. Там полпотовцы стремились создать опорные базы для совершения бандитских вылазок в глубь территории НРК.

Полпотовские главари, объяснила мне Тум, полагают, что только из детей и подростков могут получиться послушные им головорезы: взрослые считаются «недостаточно чистым» для этого материалом. Поэтому еще в 1979 году отец и мать Тум были уничтожены вместе с другими взрослыми крестьянами.

— Главная задача, которую ставили нам командиры,— достать пропитание,— отвечает девушка на мой вопрос о характере действий ее недавних однополчан.— С этой целью и совершались нападения на деревни, где в данный момент не было правительственных войск. Более или менее зажиточных крестьян объявляли «богатеями» и, разграбив их дома, убивали вместе с членами семей. Немедленному уничтожению при налетах полпотовцев на населенные пункты подлежали представители народно-революционных властей. Но однажды,— сказала Тум,— этого сделать не удалось: крестьяне успели укрыть членов народно-революционного комитета.

Кого еще приказывали убивать? Оказавшихся слабыми детей и подростков из тех, кого забирали в деревнях для пополнения отряда. Был также приказ,— добавила Тум,— убивать белых людей, ибо все европейцы, находящиеся в Кампучии, считаются врагами, помогающими Пномпеню.

Кстати, и в годы правления полпотовцев (апрель 1975 года — январь 1979 года) геноцид распространялся не только на кхмеров и нацменьшинства, но и на проживавших в Кампучии иностранных подданных — торговцев, миссионеров, агрономов, учителей. Свидетельства об этом поступали еще до свержения террористического режима. После января 1979 года картина в значительной степени прояснилась. В обширном архиве концлагеря Туолсленг члены комиссии по расследованию полпотовских преступлений отыскали материалы о 110 иностранцах.

Запечатленные тюремными фотографиями лица выходцев почти из всех частей света смотрят сегодня со стен мемориального комплекса в Туолсленге. Конечно, их не много по сравнению с тысячами кампучийцев, казненных в концлагере. Но, естественно, я не мог не задержаться здесь. Запомнились фото Джеймса Уильяма Кларка — парня с внешностью киноактера из Миннеаполиса (штат Миннесота, США), Рональда Кейта Дина из Австралии, а также одного степенного бородатого пакистанца. Всего в Туолсленге сохранилась документация на казненных там 31 таиландца, 24 пакистанцев, 14 индийцев, пятерых американцев, четырех лаосцев, трех французов, двух австралийцев, новозеландца и англичанина. Это не считая двадцати пяти индийских детей, убитых вместе со своими родителями.

Я написал об иностранцах — жертвах полпотовского террора еще и для того, чтобы восполнить «пробел» в западной прессе, которая так любит отстаивать «права человека». Вспомним, как расписывает она малейшие юридические санкции, предпринимаемые в социалистических странах против разного рода отщепенцев. Но вот обнаруживаются доказательства геноцида полпотовцев в отношении иностранцев, в том числе западных граждан... Увы, шквала возмущения в прессе США и их союзников не последовало. Правда, западные газеты и информационные агентства не могли вовсе проигнорировать леденящие душу факты, но при их изложении неизменно употребляли оговорки типа: «по утверждению кампучийских властей...»—мол, хотите верьте, хотите нет. Что это — профессиональная некомпетентность или просто нежелание разоблачать полпотовцев? Ведь в Народной Кампучии, куда не заказан путь моим западным коллегам, можно при желании собрать массу свидетельств о беспрецедентном в истории геноциде.

Вернусь к беседе с Тум Сокха. Выполняя у полпотовцев функции связной и разведчицы, эта девушка неоднократно бывала на одной из их главных баз—Пномчхате, расположенной в провинции Баттамбанг на границе с Таиландом.

О моральном облике обитателей Пномчхата (уже, правда, бывших, так как база разгромлена вооруженными силами НРК при содействии вьетнамских добровольцев) наглядно свидетельствует жуткая картина, описанная моей собеседницей: один из полпотовских начальников Каеу Чантха отрезал тесаком от связанного пленного куски плоти, бросая их на глазах агонизирующей жертвы в кипящий котел, у которого суетился повар-людоед...

Несмотря на строгие меры безопасности в лагере и широко практикуемую круговую поруку, в последние месяцы существова-

Молодежь — надежда и будущее республики. **Фото Ю. Попова**

ния базы в Пурсате участились случаи дезертирства. Тум Сокха присутствовала при пяти показательных казнях — двух девушек и трех парней, пойманных при попытке к бегству.

— Там, в лагере,— рассказывает она,— все больше людей понимали бессмысленность борьбы против своего народа. К тому же многие, побывав в деревнях, видели, что люди живут счастливо, слышали о гуманной политике народной власти по отношению к добровольно сдавшимся контрреволюционерам.

Вместе с тем, беседы с Тум Сокха и другими кампучийцами, вырвавшимися из бандитских убежищ, убеждают в том, что полпотовцы, исходя из сугубо прагматичных соображений, постепенно отказались от методов тотального террора, когда они уничтожали всех, кто «представлял старое общество». 33-летний Пхо Пхан, сотрудник Комитета Единого фронта провинции Кампонгспы, а в недавнем прошлом командир роты 2-й полпотовской бригады, сказал мне, что установка последнего времени предусматривала уничтожение «вьетнамских врагов и их приспешников», а также всех, кто оказывает сопротивление диверсионным отрядам. Торговцев перестали приравнивать к «буржуазии» и истреблять. За товары полпотовцы им иногда даже платят (правда, чаще фальшивыми деньгами, выпускаемыми одной крупной азиатской страной с целью вызвать дезорганизацию народного хозяйства НРК). Но это вовсе не значит, что бандиты осознали порочность политики истребления собственного народа. Нет, они и сейчас приказывают уничтожать всех, кто даже потенциально может считаться врагом, хотя делать это теперь предпочитают более скрытно.

Прошлой зимой, а точнее в «сухой сезон», который длится в Индокитае с ноября по апрель, произошли качественные сдвиги на фронте борьбы с полпотовцами. Во-первых, разгромлены и взяты под контроль все диверсионные базы противника вдоль границы с Таиландом, с которых бандиты и их союзники по «коалиции» совершали вылазки в глубь территории НРК. Во-вторых,— и это крайне важно,— Народно-революционная армия Кампучии значительно увеличила свою мощь и боеспособность, что позволило ей проводить крупные самостоятельные операции. В ряде случаев при взятии баз противника кампучийцы обошлись без поддержки подразделений вьетнамских добровольцев.

В беседе со мной заместитель министра обороны НРК Миех Кроуть, подчеркнул, что все больше солдат и командиров реакционных группировок понимают бесполезность дальнейшего сопротивления и сами сдаются в плен. В 1984 году на сторону народно-революционной власти добровольно перешли 3228 человек, что втрое больше, чем в 1983 году. Процесс этот еще более усилился в истекшем году.

Нередко сдаются целыми подразделениями и частями члены сонсанновской группировки «Серейка» и сиануковской «Мулинаки». Среди них — командир полка сонсанновцев Уч Хенг, командир батальона Лам Во, ряд других батальонных и ротных. Убежал с базы в джунгли и журналист «Серейки» Сун Сон, которого американцы и прочие покровители бандитов использовали для стряпанья фото- и кинорепортажей о вымышленных «победах» контрреволюционеров.

Брожение затронуло и стан главных врагов кампучийского народа — полпотовцев. Есть добровольно сдавшиеся даже из хваленой «гвардии» Пол Пота, действовавшей с крупнейшей базы в районе таиландской границы — Пноммалай (разгромлена в начале февраля минувшего года).

— В некоторых полпотовских частях,— рассказал мне представитель главного политуправления НРАК Ким Сан,— начался настоящий разброд. Многие уже не верят в победу. Все больше рядовых узнают о чудовищных преступлениях Пол Пота против народа. Не выполняются приказы командиров. Часто случается так, что какой-то отряд посылают на диверсионное задание, а по дороге люди разбегаются целыми группами. На базах полпотовцев, с которых совершить побег очень трудно, нередки случаи самоубийств.

Народно-революционным властям активное содействие оказывают родственники людей, которые в разное время оказались, поддавшись на обман или угрозы, в бандитском лагере. Почти каждый второй сдавшийся принял это решение под влиянием близких и родственников. Так было, например, с радистом полпотовской базы в провинции Сиемреап. О его родителях полпотовцы говорили как о «жертвах вьетнамского террора», но те, как выяснилось, пребывают в полном здравии и, более того, являются активными членами народного ополчения провинции Кампот.

Народно-революционные власти великодушно относятся к оступившимся людям. Те из обитателей лесов, кому удается тайком навестить в деревне свои семьи, убеждаются в лживости утверждений о «репрессиях» против их родственников. Напротив, они видят, что близкие живут в достатке, не подвергаясь никакой дискриминации: жены наравне с односельчанами работают в сельских группах взаимопомощи, дети учатся в школе. Более того, эти люди узнают, что сдавшимся в плен членам реакционных группировок вовсе не «отрубают руки и ноги», как то утверждают полпотовские главари, а предоставляют возможность вернуться домой и честным трудом искупить свою вину перед народом. Естественно, что после таких посещений многие не возвращаются в джунгли.

Свежий пример: в начале декабря 1985 года, как сообщило информационное агентство Кампучии, только в провинции Кампонгспы явились с повинной полторы сотни бывших членов полпотовских банд.

Стремясь остановить дальнейшее падение морального духа своих солдат, полпотовское руководство прибегает к ужесточению наказаний, к нагнетанию атмосферы страха. Специальные подразделения денно и нощно заняты выявлением и уничтожением лиц, которые задумали побег.

* * *

Ежегодно 20 мая, в общенациональный день памяти жертв полпотовского террора, кампучийцы приходят к местам массовых захоронений. В большинстве случаев нельзя сказать, что это посещение могил близких, так как почти никто не знает, где именно их убили. Зато известно, кто убил. И это неоспоримая гарантия того, что полпотовцам никогда не удастся вернуться к власти.

Пномпень — Москва.

ЖАН-ЛУ КРЕТЬЕН О ПЕРСПЕКТИВАХ СОТРУДНИЧЕСТВА В КОСМОСЕ

В Париже в международной дипломатической академии состоялся коллоквиум на тему «Космос накануне двухтысячного года». Принимавший участие в коллоквиуме французский космонавт Жан-Лу Кретьен поделился с корреспондентом АПН А. Поскакухиным своими мыслями о перспективах сотрудничества СССР и Франции в космосе.

— Советско-французское сотрудничество в освоении космоса развивается превосходно,— сказал он,— Франция получает от него очень много полезного. Для Франции оно важнее, чем сотрудничество с США, которые могут предложить не так уж много тем и направлений, способных заинтересовать французских специалистов. Скажем, в результате полета в прошлом году французского космонавта на американском корабле многоразового использования «Шаттл» мы, конечно, провели интересные научные исследования. Но в то же время получили мало информации и практического опыта, необходимого для наших космических полетов.

В результате же поездок и работы наших специалистов в СССР, тренировок и обучения французских космонавтов в Звездном городке, моего совместного полета с советскими космонавтами в 1982 году мы обогатились очень ценными сведениями, на основе которых Франция смогла достаточно быстро определить технические критерии, которые будут предъявлены к французскому пилотируемому космическому кораблю «Гермес». Если бы не было советско-французского сотрудничества, то нам пришлось бы самим преодолевать те трудности, через которые советские космонавты уже прошли.

Чрезвычайно важным для подготовки будущего полета французского корабля «Гермес» будет участие нашего космонавта в предстоящем длительном полете на борту советской орбитальной станции «Салют». Этот эксперимент, безусловно, явится большим шагом вперед для Франции. Ведь длительные полеты советских экипажей — это самые сложные и насыщенные космические экспедиции с точки зрения технической и физической подготовки людей и проводимых в их ходе работ. Французские космонавты получат возможность пройти в СССР тренировку по усложненной программе, отличной от той, которая требуется при кратковременных полетах. Они смогут провести на орбитальной станции многочисленные новые эксперименты.

Уже состоялись неоднократные обсуждения с советскими специалистами и космонавтами возможности полета французского корабля «Гермес» к советской орбитальной станции и стыковки с ней. Как французская, так и советская сторона проявили заинтересованность в этом вопросе.

Отвечая на вопрос о своих планах на будущее, Жан-Лу Кретьен сказал, что надеется совершить в скором времени еще один космический полет, так как он входит в число кандидатов на участие в предстоящем через 2 — 3 года длительном советско-французском полете.

— Сейчас мне 47 лет,— сказал он,— и я думаю, что возраст мне не помешает, ведь многие космонавты летают в 55—56 лет. Я стараюсь поддерживать хорошую форму — занимаюсь спортом, часто летаю на самолетах. Я бы очень хотел вновь встретиться в космосе с советскими друзьями.

Во всех странах мира в настоящее время существует стремление народов к улучшению международных отношений. Я думаю, важно, чтобы решения, принимаемые правительствами, совпадали с этой волей народов. Поэтому, безусловно, представляло бы большую опасность размещение оружия в космосе. Лучше всего было бы вообще не размещать его там, чем сначала разместить, а потом договариваться о его ограничении и сокращении. Принимая во внимание стремление народов к миру, я надеюсь, что в космосе не появятся армады военных кораблей, что между теми, кто принимает решения, будет достигнуто взаимопонимание.

АПН — специально для «Огонька»

Париж.

премьера

Строить свои корабли

Сцена из спектакля. Матвей Журбин — заслуженный артист РСФСР В. Кривошеев. Илья Журбин — А. Балканский.

Новгородский театр драмы расположен на территории древнего кремля; всего в нескольких десятках метров высится памятник «Тысячелетие России». Проходя в ворота крепостной башни, я подумал, что этим путем каждый день спешат на службу и работники театра... Сознают ли они свою причастность к многовековой культуре Отечества, ощущают ли здесь особую ответственность своего труда? Величественное порой меркнет в привычном. Но памятники прошлого всегда хранят в себе деятельную силу, оживляя наше историческое сознание и помогая соотнести повседневную работу с размахом свершений эпохи...

Спектакль по роману Всеволода Кочетова «Журбины», посвященный театром XXVII съезду нашей партии, имеет жанровое определение «рабочая поэма». Оно оправдывается не только романтической символикой постановочных решений, но и особым эмоциональным строем действия, открытостью монологов, обращенных в зрительный зал, контрастным распределением добрых и дурных черт в персонажах, публицистичной ясностью. Инсценировка, предложенная постановщиком, главным режиссером театра Юрием Зайцевым, сознательно оставляет в стороне многие сюжетные линии романа, укрупняя те его коллизии, которые особенно созвучны нашему времени.

Спектакль современен. Настолько, что, слушая со сцены споры о реконструкции завода, о внедрении прогрессивной технологии, о необходимости внутренней перестройки каждого человека, хочется перечитать страницы романа: неужели и в самом деле это написано было в начале 50-х годов? Да, все так. И в то же время при очевидной актуальности спектакль не приближен искусственно к нашим дням. Нравственный максимализм, внутренняя цельность героев воспринимаются сегодня как прекрасный идеал — увы! — столь редкий гость в сегодняшнем театральном репертуаре. Но дистанция времени дает спектаклю особое внутреннее напряжение, потому что звучит в нем прямой вопрос к зрителю: а сумели ли вы, люди 80-х, продолжить начатое нами дело? Ведь роман Вс. Кочетова свидетельствует о том, что многие злободневные проблемы возникли не вдруг и что литература уже стремилась к их художественному осмыслению.

В этом — иная, острая современность постановки Юрия Зайцева. Герои Кочетова — оптимисты. Они уверенно смотрят вперед, передавая из поколения в поколение рабочую свою гордость: их корабли всегда плывут в будущее. Этот оптимизм заразителен, он оправдан исторически. Но тридцатилетний срок, отделяющий нас от показанных на сцене событий, не может не заронить тревогу: почему же откладывалось осуществление дел, насущность которых была ясна уже давно? Почему проблемы, которые вполне могло снять время, сегодня все еще остро стоят перед нами? С учетом всех объективных трудностей каждый должен спросить и себя: всегда ли брал ношу по плечу, не стремился ли выбрать груз полегче, дорогу поспокойней?

Тревога эта мобилизующая. Ведь при звуках тревоги прячутся только трусливые. Настоящие бойцы становятся в строй плечом к плечу. Именно так, плечом к плечу, стоят герои спектакля в заключительной сцене. Они глядят в зрительный зал, как в свой завтрашний день. Они строили этот день. Достойны ли мы их борьбы, их труда?

Передавая напряжение большого завода, режиссер с помощью сценографа Игоря Шумилова насыщает спектакль звуком, переплетением металла, цветовыми пятнами. Но среди хаотичности неодушевленных конструкций как бы самостоятельно живет в глубине сцены мягкое, полупрозрачное веретено ткани, то мерцая спокойным голубым светом, то озаряясь нервными алыми сполохами. Эта ткань завораживает, тревожит вопросом, который разрешается лишь в самом финале. Вытягиваясь вдоль невидимой струны, полотно устремляется через весь зал — как мечта, как цель, как смысл — и обретает контуры корабельных корпусов...

Юрий АРГЕЕВ

Иван — Иван Иваныч

Радость и беда — два сапога. Достанется человеку такая пара — век не сносить. Так всю жизнь и проходит, проживет. И маяться ему, и каяться, и смеяться, и горевать. Все пополам, но не поровну. Счастливая эта жизнь получается — светлая, добрая, не пресная, людям необходимая.

Признаться, нечасто балуют нас театры такими народными героями. Может быть, утешают себя открытиями некоей новой бесконфликтности? А мимо истинных героев проходят. Чураются, чего греха таить, нос воротят. «Искренность и простота,— писал К. С. Станиславский,— дорогие свойства таланта». Их-то как раз и не хватает ныне многим «пышным» героям и спектаклям.

Премьера Московского драматического театра имени А. С. Пушкина «Иван и мадонна» по пьесе белорусского драматурга Анатолия Кудрявцева выделяется именно своим главным героем. Практически и сам спектакль — монолог души Ивана Климова, исповедь жизни, судьбы; история его несмирения, нравственного максимализма. И все это раскрывается Георгием Бурковым — исполнителем главной роли — без ложного пафоса, убедительно, просто. Но простота — не от бедности, а от щедрости. Пожалуй, в творчестве самого актера это одна из самых ярких, глубоких работ последних лет, принципиально важный рубеж в раскрытии народного характера.

Существенно и то, что эта роль сыграна так, что нельзя понять, расписать, как она сделана. Куда чаще в театре мы встречаемся с тем, что актер непременно «выпячивает», акцентирует внимание на всех своих находках. На том, что называется актерским ремеслом. Игра Буркова незаметна, но ощутима. Будто бы сам собой Иван становится объединяющим, притягивающим центром спектакля. Он выделяется из народа и в народе живет, растворяется...

Торжества будут завтра, а сегодня — будни, простое, спокойное течение жизни. Но неспокойны эти будни для Ивана. Сколько раз его просили — оставь в покое Гришку, а он пройти мимо, не задеть не может. Да и как успокоишься, когда ребята на Синявинских болотах полегли, а этот в полицейских холуях отсиживался. Гришка и сегодня своих холуйских привычек не бросил. Как заноза сидит в нем кулацкая жилка. Забор повыше, дом покрепче, а сено-то колхозное ворует. Да все тайком, по ночам. Вот и встретились, схлестнулись. Эта сцена — поединок врагов, и ничем тут не оправдаешься. Рукопашная.

Здесь и настигли Ивана радость и беда: Гришка в суд подал, а секретарь райкома партии орден привез. Хошь плачь, хошь смейся: «Был Иван, а стал Иван Иваныч!..»

Театр шел к этому спектаклю последовательно и целеустремленно. Достаточно вспомнить такие постановки Бориса Морозова, как «Мотивы», «Я женщина», «День Победы среди войны». Вспомнить и отметить одно их достоинство, которое от спектакля к спектаклю все больше обретает контуры недостатков. Речь идет о «музыкальном» режиссерском мышлении, мелодической партитуре спектакля. Она органична и оправдана в «Дне Победы...», спектакле, рассказывающем о первом исполнении Седьмой симфонии Шостаковича. Но «Иван и мадонна» — пьеса камерная, требующая трагической тишины. Даже финал — гибель героя — решен автором и актером как субкульминация, используя музыкальный термин. То есть когда самая важная, напряженная часть произведения звучит очень и очень тихо. Такой психологический перепад потрясает зрителей гораздо сильнее, чем «патетически-трагическая» музыкальная фраза, добавленная режиссером в этом месте...

Б. ПЕТРОВ

Поверим в музыку

В последнее время много спорят о том, каким должен быть музыкальный фильм. Одни требуют от него чистой развлекательности, другие — остроты сюжета и глубины мысли, третьи — органичной связи текста и музыки, а есть еще четвертые, пятые и так далее: сколько людей — столько мнений. Отсутствие единодушия у критиков и киноведов объясняется, думается, тем, что за долгое время своего экранного существования музыкальный фильм претерпел немало изменений, и приверженцы «Веселых ребят», например, не во всем принимают стилистику «Мелодий Верийского квартала»... Но почему отнимать у жанра музыкального кино права на поиск? У каждого времени — свои ритмы, своя музыка, а значит, свое кинематографическое видение этой музыки, свои режиссерские решения. И, пожалуй, лучше всего это понимают сами зрители, заполняя кинозалы, в которых демонстрируются те же «Веселые ребята» или «Цирк» Григория Александрова, «Карнавал» Татьяны Лиозновой, «Мы из джаза» Карена Шахназарова — список легко можно продолжить.

Мы ведем речь о новом музыкальном фильме «Сезон чудес», снятом на Одесской киностудии режиссером Георгием Юнгвальд-Хилькевичем по сценарию Сергея Абрамова. Фильм этот тоже с большим успехом идет на экранах страны, но выбрали мы его для разговора отнюдь не по принципу «кассового показателя», а потому, что авторы попытались здесь поновому подойти к образному воплощению на экране музыки, песни, не только ввести музыкальные номера в смысловую ткань, но и дать им собственную драматургию, точно соответствующую общему стилю ленты.

Повесть Сергея Абрамова, положенная в основу фильма, называлась «Мелодия раннего утра»: в ней словно бы звучали музыкальные темы юности и зрелости, жизненной мудрости и по-детски наивной веры в чудо. На пути к киноварианту, естественно, авторами многое было изменено, но именно названные музыкальные темы диктовали стилистику картины, ее веселую лиричность, ее грустное озорство.

Герой фильма — некий художник (его роль исполняет А. Старпирштиц), умудренный опытом и обремененный славой, уставший от того и другого, растерявший уверенность в себе, в своем таланте, стоящий, как принято говорить, на творческом распутье. Ему надо было вновь попасть в волшебную страну детства, чтобы увидеть жизнь во всей ее красоте, чистоте, многогранности — ж и в у ю жизнь. Она ему поначалу мешает, раздражает, не укладывается в жесткие рамки математически холодно выверенных полотен. Но, как и в каждом художнике, живет в нем ребенок, умеющий удивиться обыденному, обрадоваться привычному. И именно дети — их много в фильме! — заставляют его вновь поверить в себя, вдохнуть душу в творчество, а может быть, и обрести любовь.

Если говорить о художественном решении темы, то ему во многом способствуют музыкальные номера. В их основу положен метод ассоциативности, столь характерный для восприятия музыки вообще. Герой слышит песни, записанные на магнитофонную ленту, и они рождают в его воображении фантастический мир, который тем не менее очень точно отражает его мысли, переживания, надежды. И если говорить о нравственном возрождении героя, то каждая песня становится как бы ступенькой к нему. Не случайно в финальном эпизоде этот фантастический музыкальный мир ломает границы и врывается в реальную жизнь, становится явью. Давно сказано: сказка — ложь, да в ней намек...

Несмотря на вроде бы «солидный» тридцатилетний возраст главного героя, фильм этот — о юных и для юных. Композитор Юрий Чернавский (это его дебют в кинематографе) отлично знает музыкальные интересы молодежи: не случайно песни из фильма быстро обрели вторую жизнь на радио и телевидении, их охотно запели те, кому и адресована лента. И в этом тоже — одна из причин ее зрительского успеха. Но главная причина, думается, в том, что авторами найдено слияние развлекательности и остроты сюжета, серьезности мысли и органичной связи музыки с драматургией.

С. НИКОЛАЕВ

Кадр из фильма «Сезон чудес».

ПЕСНЯ НАБИРАЕТ СИЛУ

Поет Мария Иткина.

Когда певица Мария Иткина стала рассказывать о себе, она заговорила о Ленинграде, хотя родилась в Москве. Бабушка и мать, тогда еще совсем девочка, пережили блокаду. От родных Маша много слышала о героизме и мужестве жителей города. Так запали в душу их рассказы, что не может спокойно идти там, где надпись гласит: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна» — сердце болью сжимает. В этом городе к ней пришел успех: на творческом вечере композитора М. Минкова она исполнила его цикл «Плач гитары» на стихи Федерико Гарсиа Лорки для голоса и фортепиано. Он понравился зрителям, был показан ленинградским телевидением.

С гитарой и песней Мария Иткина была дружна с детства, но специально музыкой не занималась, училась в художественной школе. Сомнения начались уже после ее окончания. Она поставила себе вопрос: зачем же мучиться, если так хочется петь? — и поступила в Государственное училище циркового и эстрадного искусства. Училась у педагога Г. А. Грановской, которая умеет заметить творческую индивидуальность воспитанника и развить ее. Потом попала в добрые руки Е. Н. Носковой, содружество с которой продолжается и по сей день.

Она выступает со студенческой скамьи: на предприятиях столицы, на сцене Театра эстрады — в составе концертных бригад; сольных концертов было пока немного. Поет старинные русские романсы, любит современные советские песни.

Среди ставшего уже привычным грохота и шума ВИА любители музыки начинают примечать исполнителей, которые умеют разговаривать с залом, как со своим собеседником, умеют донести до слушателя свое ощущение и понимание произведения, теплоту своего сердца. К таким певцам, на мой взгляд, можно отнести и М. Иткину. Каждой песне она придает свою, свежую окраску.

Год назад ее пригласили в Драматический театр имени К. С. Станиславского и после прослушивания утвердили на роль Певицы в антивоенной пьесе-притче Ю. Михайлова «Ной и его сыновья». Персонаж этот «сквозной». По сюжету ей приходится появляться во всех сценах и многократно перевоплощаться: меняется музыкальный и сценический образ — то маркитантка марширует под звуки бравурной песни, то нежная женщина в белом поет о своей любви, то мать баюкает младенца...

Песенные герои молодой певицы жизнелюбивы, стойки и мужественны. И когда звучит в ее исполнении «Марсельеза», песня с каждым куплетом набирает силу, и вдруг явственно ощутилась в зале твердая поступь уверенных в своей правоте людей.

Л. НАТОЧАННАЯ

К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ДЕНЬ — И ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Юрий ОСИПОВ

Фото А. ГОСТЕВА

СИБИРСКИМИ ДОРОГАМИ ДЕКАБРИСТОВ

Настоящее житейское поприще наше началось со вступлением в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили.

М. С. Лунин

1

Летом 1830 года из Читы в Петровский Завод двигалась странная процессия. В голове и хвосте ее равнодушно пылило по взводу солдат, а в середине шагали люди, в которых трудно было признать блестящих «детей двенадцатого года».

Шли они в новую тюрьму. Останавливаться в деревнях запрещалось, на ночлег и дневки устраивались в юртах. Подводчиками и провожатыми тоже наняли бурятов. Трогаясь до рассвета, обычно отмеряли за день 20—25 верст. Однако 600 километров — путь неблизкий, и шли месяц с лишком, забыв про усталость при виде вольного простора, по которому так стосковались в казематах. И природа, словно чувствуя это, дарила им суровое великолепие забайкальских ландшафтов, ароматы степных трав и цветов.

Первым шагал Завалишин, в огромной шляпе и черном квакерском плаще собственного изобретения. В одной руке — палка выше головы (он был мал ростом), в другой — раскрытая книга. Далее следовали Якушкин в нелепой курточке, Волконский в женской кацавейке и остальные: кто в долгополых пономарских сюртуках, кто в испанских мантиях, иные в блузах.

Начальство боялось контактов «государственных преступников» с местным населением, и подобный горестный маскарад его вполне устраивал. Однако и тогда, и раньше, и потом все меры предосторожности оказались напрасны. И если на Сенатской площади декабристам, по мысли Герцена, «не хватало народа», то они нашли к нему дорогу в Сибири, оставив здесь щедрое наследство петрашевцам, народовольцам, большевикам.

«Декабристы явились вкладчиками в русское общественное движение и русскую культурную жизнь и в последекабристское время»,— указывает академик М. Нечкина. «А при более внимательном и глубоком рассмотрении хозяйственной, научной, просветительской и другой деятельности декабристов в Сибири,— пишет другой современный исследователь, С. Коваль,—...неизменно присутствует антикрепостническая и антисамодержавная направленность, утверждение передовых экономических и политических тенденций развития».

2

Следствие. Приговор. Казнь. Каторга. Поселение. Точка отсчета — Сенатская площадь, хотя по воле случая встать на ней под картечь довелось едва ли половине из осужденных.

День на Сенатской и тридцать лет в Сибири! День — и целая жизнь...

Они вступали в нее подавленные, страшась неизвестности, гибельной «тюрьмы без стен», куда под похоронный звон колокольцев везли их скованными летом двадцать шестого жандармские кибитки.

Увы, не было с ними тогда двух «сибиряков», влюбленных в этот край и способных открыть им глаза на его истинную сущность. Один, Гавриил Степанович Батеньков, правитель дел Сибирского комитета при Сперанском и Аракчееве, даровитый военный инженер, бесстрашно воевавший с Наполеоном, всесторонне образованный философ, знаток египетских древностей, соединился со своими товарищами в Сибири лишь спустя двадцать лет после суда над декабристами, «забытый» в одиночке Алексеевского равелина, где он почти разучился говорить. В случайно сохранившейся толстой тюремной тетради узника, среди обрывков религиозных, философских и исторических мыслей можно прочесть о влиянии народных масс на развитие революционной идеологии в России, отставшей «лет на тысячу» от европейских стран, о необходимости «учреждения советов», то есть усиления коллегиального начала, в управлении страной. И часто снилось Батенькову, что сбылась заветная мечта его молодости и он плывет с Шелиховым вдоль северо-восточного побережья Сибири...

Земляк Батенькова Владимир Иванович Штейнгель мичманом участвовал в освоении северных рубежей России, открытии русской Америки, водил знакомство с Крузенштерном, Беллинсгаузеном, Резановым, мужественно выступал против произвола сибирских сатрапов и за сравнительно короткий срок пребывания на посту начальника Иркутского адмиралтейства заслужил любовное прозвище «байкальского адмирала». Теперь его привезли сюда в цепях с Аланских островов. К своим он «запоздал» на два года и уже не смог быть свидетелем того, как провожала их Центральная Россия и встречала Сибирь.

Но и без этих двоих очень скоро, еще в Нерчинских рудниках, пришел к декабристам иной взгляд на вещи. «И в Сибири есть солнце»,— скажет незадолго до мучительной смерти Иван Сухинов, участник восстания Черниговского полка, которого вместе с товарищами более полутора лет гнали на каторгу в партии уголовных пешими этапами, «по канату», на железной палке вместо наручников и который, поклявшись «всеми средствами вредить правительству», попытается организовать в рудниках массовый вооруженный побег, вернее, новое восстание, воспользовавшись творившейся повально неразберихой.

А она была такая, что для водворения декабристов в Сибири потребовался созданный по высочайшему повелению специальный секретный комитет. Ссылали ведь, не ведая толком даже сибирской географии, путая Олекминск с Омском. Под любым пунктом на карте разумели город, когда там, случалось, не было и десятка изб. Местные власти совершенно не готовы были принять разом столь многочисленных «бунтовщиков» и не поспевали со строительством новых острогов...

Тем временем первая из жен и сестер декабристов — Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль,— на другой день после отбытия мужа отправляется вослед за ним. Начинается воспетая Некрасовым героическая сибирская эпопея одиннадцати русских женщин, разных по социальному положению и материальной обеспеченности, по характеру и уровню культуры, но навек уравнявшихся в завидном звании декабристок, снискав благодарную любовь и уважение Отечества.

3

Из «Воспоминаний Бестужевых»:

«Всех семерых заперли в темную, грязную, вонючую конуру... Три рода насекомых, питающихся кровью и плотью несчастных заключенников, буквально покрывали их с головы до ног.., лишали сна, лишали сил, необходимых для тяжелой работы в глубоких рудниках, так что они, промыслив скипидару, натирали им все тело, и несмотря на то, что их тело горело, как в огне, что их кожа сходила лоскутками,— голодные тунеядцы не оставляли своих жертв. О их пище, о их жизни, о грубом, унизительном обращении с ними я уже не говорю...»

Из «Записок» М. Н. Волконской:

«По окончании свидания я пошла устроиться в крестьянской избе, где поместилась Каташа (Е. И. Трубецкая.— Ю. О.); она была до того тесна, что, когда я ложилась на полу на своем матраце, голова касалась стены, а ноги упирались в дверь. Печь дымила, и ее нельзя было топить, когда на дворе бывало ветрено; окна были без стекол, их заменяла слюда».

Время избирательно. Оно не сохранило нам «каторжных нор» декабристов, подробно запечатленных рядом с портретной галереей «соузников-друзей» на рисунках и акварелях Николая Бестужева. Единственное здание в Чите, помнящее этих людей,— старинная Михайло-Архангельская церковь с некогда чешуйчатыми куполами. В конце прошлого века ее обшили раскрашенными под кирпич досками, видоизменяли еще неоднократными ремонтами внутри и снаружи. Однако уже первый беглый взгляд, брошенный на потемневшие бревенчатые стены, позволяет воочию представить торопившихся по праздникам к высоким вратам мужчин из близлежащего острога и женщин — с «Дамской улицы» напротив. При желании можно вообразить и то, как в 1828 году венчались в «церкви декабристов» Анненковы, а в 1839-м — вышедший на поселение Завалишин и дочь горного чиновника Смольянинова. Могила Аполлинарии Завалишиной — также в ограде церкви, подле могилы дочери Волконских Софьи.

«Заключенники» болели, у некоторых началось кровохарканье, открылись полученные в сражениях раны. Страшная скученность и постоянный кандальный звон (оковы снимали с них лишь в церкви и в бане) доводили измученных людей до умопомрачения. Но было и другое. «Каземат нас соединил вместе, дал нам опору друг в друге и, наконец, через наших ангелов-спасителей, дам, соединил нас с тем миром, от которого навсегда мы были оторваны политической смертью... дал нам охоту жить.., материальные средства к существованию и доставил моральную пищу для духовной нашей жизни». Это слова Михаила Бестужева.

Они с честью выдержали первое и оттого самое трудное испытание каторгой, выработали

Петровский Завод. Акварель Ник. Бестужева, 1834 год. Справа художник изобразил себя. Рядом с ним — конвойный (Всесоюзный музей А. С. Пушкина) * Мемориальная стела на декабристском кладбище в Петровском * И. И. Горбачевский. Акварель Ник. Бестужева. Петровская тюрьма. 1837 год. Собрание И. С. Зильберштейна (Музей личных коллекций, Москва).

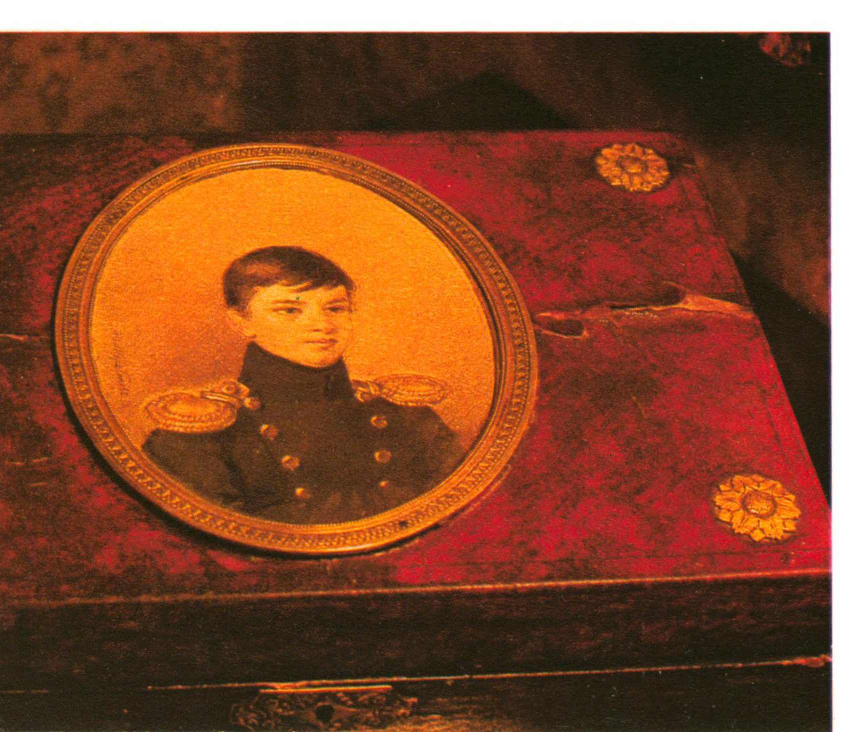
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Дом Трубецких, музей декабристов в Иркутске * Бывший рудник в окрестностях Петровска-Забайкальского * Гостиная в доме Трубецких * Шкатулка Д. И. Завалишина с его портретом (Иркутский музей декабристов) * «Дамская улица» в Чите. Копия выполнена декабристом В. П. Ивашевым с акварели Ник. Бестужева. Первая половина 30-х годов XIX века. Государственный литературный музей * Пресс-бювар Е. И. Трубецкой (Иркутский музей декабристов) * «Церковь декабристов» в Чите.

Петровский железный завод за Байкалом
снял и рисовал Николай Бестужев
в 1834 году. Барон Андрей Розен

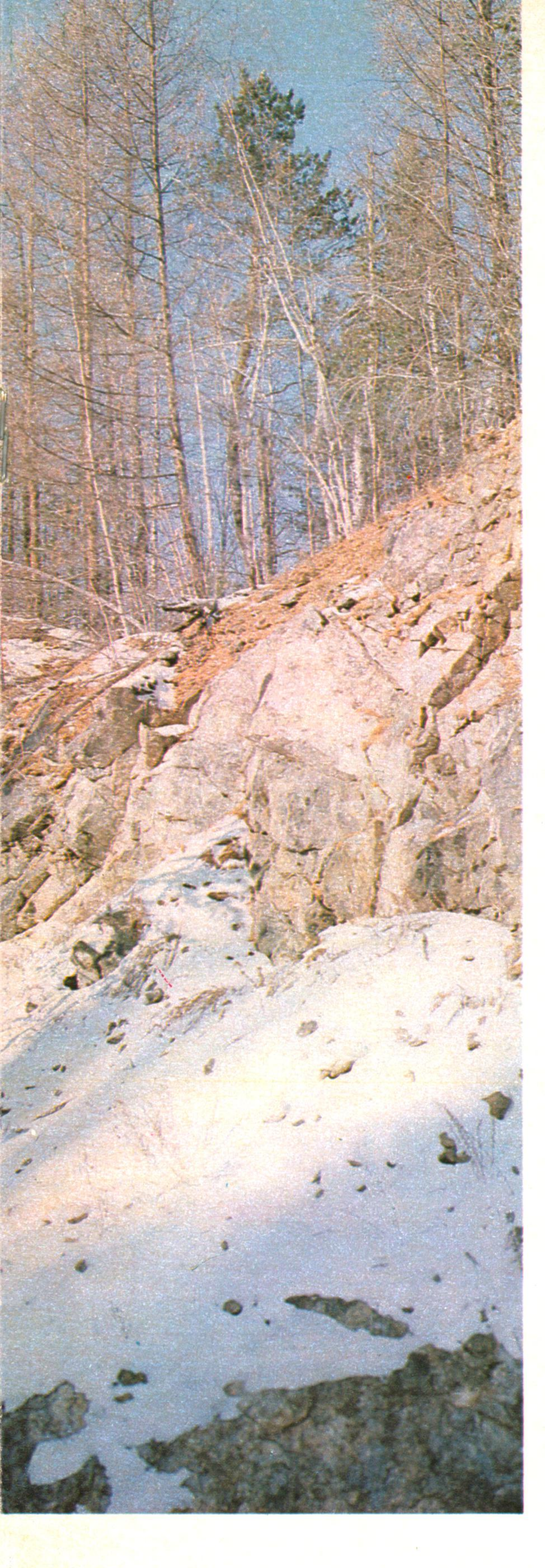

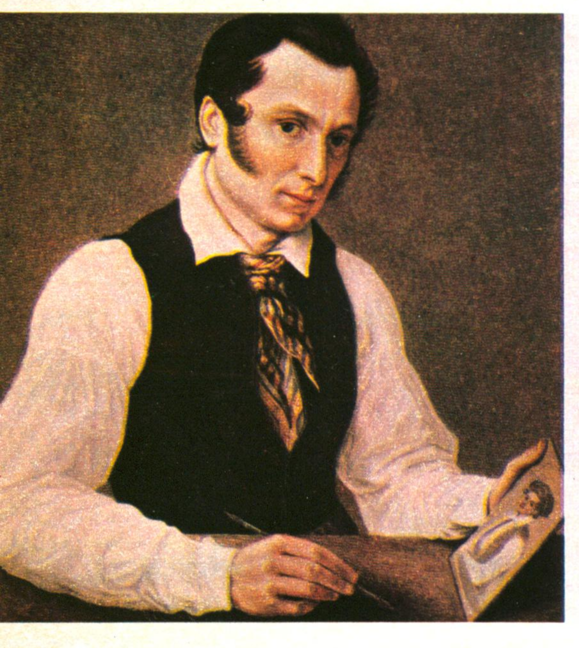

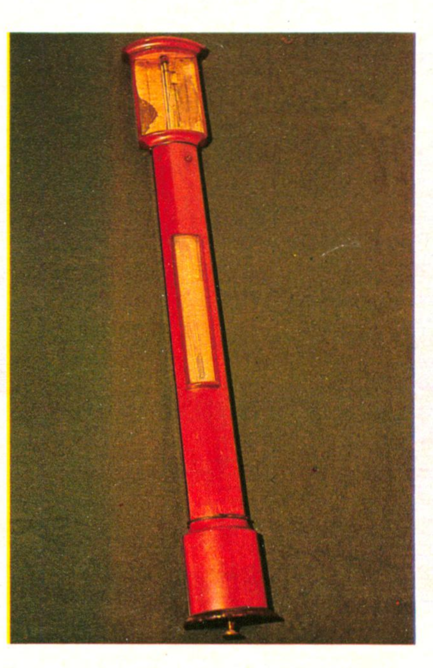

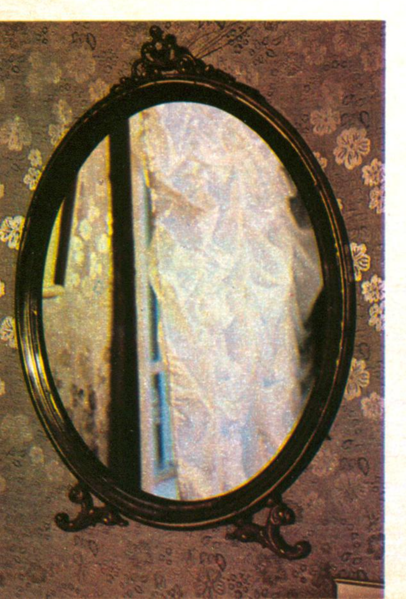

там особый нравственный климат и кодекс поведения, от которых не отступят потом. И имели право подписаться под ответом Александра Одоевского Пушкину: «Но будь спокоен, бард: цепями, своей судьбой гордимся мы...»

Новый, 1828 год в Читинском остроге встречали уже свыше восьмидесяти человек (в Забайкалье отбывали наказание 93 декабриста, всего же сибирскую каторгу, поселение либо службу в крепостных батальонах прошли около 115 осужденных по делу 14 декабря). Страх рассредоточения опасных «заговорщиков» сыграл с царем злую шутку, ибо в казематах Читы собрались вместе члены всех тайных обществ. Вчерашние аристократы, генералы, полковники и бедные армейские офицеры слились в одну семью, делились поровну продуктами, одеждой, по очереди читали появившиеся книги. Выжить можно было только на артельных началах, и в остроге образовались свои мастерские: столярная, слесарная, сапожная, швейная. А. П. Беляев сообщает, что лучшим закройщиком оказался Бобрищев-Пушкин, усвоивший эту специальность по математическим расчетам. Нашлись также свои искусные повара, парикмахеры. Верно служили товарищам золотые руки братьев Бестужевых. Плодоносил тюремный огород, прообраз будущих сельскохозяйственных начинаний декабристов в Сибири. Непрерывно пополнявшаяся касса Малой артели обеспечивала каждому вне зависимости от размеров его паевого взноса относительно сносную жизнь на весь срок поселения....

Они знали минуты отчаяния и тоски, сомнения не раз закрадывались к ним в сердце, однако они умели бороться с собственными слабостями, не пуская их дальше бумаги, чтобы, по выражению бессменного казначея Малой артели И. И. Пущина, держать себя, как «гвардия между ссыльными».

Принудительные работы постепенно принимали формальный характер, увеличивая часы досуга, а вот право писать по-прежнему приходилось завоевывать с боем. Завалишин упоминает, что «вынужден был писать каким-то кусочком свинца на бумажках от содовых порошков и прятать их за корешок переплета книг». Эти-то «бумажки» и разрастутся затем в глубокую, разностороннюю сибирскую публицистику декабристов.

Не возбранялись музыкальные занятия; и казематские концерты — хоровые, струнным квартетом и при участии гитар, флейты, чекана — привлекали к частоколу острога толпу читинцев. Необычное это, должно быть, было зрелище: пурга, голые сопки, вечерний мрак, сонные часовые инвалидной команды и — пленительные мелодии, льющиеся на окоченевших слушателей из-под покатой крыши тюремного барака (за отсутствием просторного помещения музицировали обыкновенно на чердаке).

Протоптанными в траве и в снегу «тропинками любви» приходили сюда послушать концерты декабристов дамы, предварительно наколов дома дров и натаскав воды из проруби. Правда, благодаря артелям, им теперь уже реже надо было кормить, обшивать, обстирывать и лечить своих мужей, их товарищей — и все с неизменно ободряющей улыбкой,— однако осталась необходимость писать за узников по семь — десять писем на дню и воевать с властями, добиваясь улучшения тюремных условий. Вскоре жен разрешили допускать на занятия каторжной «академии», где образованнейшие специалисты в военных и гражданских областях читали доклады, лекции, обучали друг друга и всех желающих наукам и навыкам, которые пригодились бы в последующей долгой поселенческой жизни.

По этим первым коллективным формам тюремного быта ориентировали свое существование на каторге и в ссылке поколения преемников дворянских революционеров. Декабристы же, оказавшись «в полном составе», конечно, прежде всего обратились к урокам движения, получив, наконец, счастливую возможность все проанализировать и сопоставить, разобраться в ошибках и предательствах, обсудить стратегию и тактику тайных обществ, поведение каждого на допросах.

Сколько отважных сердец освободилось в этих доверительных беседах от бремени стыда за колебания и растерянность, проявленные в ответственные моменты восстания, в ходе затяжного следствия! И, наверное, только после Читы несостоявшийся «диктатор» князь Трубецкой впервые с того рокового дня почувствовал некоторое облегчение...

Решающий день их жизни, день великих надежд и великих потерь, они совместными усилиями восстанавливали в памяти до мельчайших деталей, снова и снова переносясь на заснеженную петербургскую площадь. И опять им виделось, как бестрепетной рукой раздает Щепин-Ростовский сабельные удары командирам, пытающимся удержать в казармах мятежный Московский полк. Как медленно валится с лошади сраженный пулей Каховского генерал-губернатор Северной Пальмиры граф Милорадович. Как летит из толпы полено в спину второму «умиротворителю» московцев, генералу Воинову. И как бледный Николай I молча подается назад перед недвусмысленными угрозами «черни», тучами скапливающейся в тылу и на флангах правительственных войск...

«Веселый час свободы!» — воскликнул по другому поводу их поэт Вильгельм Кюхельбекер. Но тогда, на площади, этот час наступил. И пусть он был краток, декабристы прожили с ним десятилетия сибирского заточения — и победили. А пока они сообща рассказывали тем, кому не довелось выйти с ними на Сенатскую, про бесшабашную браваду Александра Бестужева, на ледяном ветру, в одном парадном мундире точившего саблю о гранит Медного всадника. Вспоминали беглый огонь четкого каре по атакующей конной гвардии и перебежчиков, просивших их продержаться до вечера...

4

Летом в Петровск-Забайкальский приезжает много туристов. И уже на перроне станции, сохранившей прежнее название — Петровский Завод, встречают барельефы декабристов.

— И в самом городе, и в рабочих поселках далеко в тайге у нас сегодня нет проблемы школ, больниц, клубов, библиотек, и это тоже своеобразное продолжение декабристских традиций,— говорил нам первый секретарь горкома партии А. П. Островский.

Да, память декабристов жива здесь, причем не только в мозаичном панно на новом здании вокзала и художественной выставке — в старом, не только в красивой стеле на декабристском кладбище и добротном музее в реконструированном доме Трубецкой (еще десять лет назад всего этого здесь не было), но и в городском профтехучилище, основанном Иваном Ивановичем Горбачевским. Тогда оно называлось народным и открылось на доходы от первой в России потребительской кооперации, созданной в 1864 году Горбачевским, который по истечении срока ссылки не вернулся на родину, где у него никого не осталось, а предпочел доживать свои дни в Петровском.

Этот одинокий, задумчивый человек, бывший подпоручик артиллерии, один из организаторов и руководителей Общества соединенных славян, чтобы заработать на пропитание, взялся за извоз, мыловарение, мельничное дело и притом неустанно помогал всем нуждающимся, построил несколько домов и отдал их беднякам. Окрестные крестьяне и заводские рабочие шли к нему за советом, защитой. Авторитет Горбачевского был настолько высок, что его назначили мировым посредником Петровского горного округа.

Еще в остроге он с товарищами устроил казематскую школу для детей местных жителей и ссыльных. Одних детей учили грамоте, других готовили к поступлению в уездные училища и даже в высшие учебные заведения Петербурга. Всех детей приобщали к труду и ремеслам, кормили их в тюрьме, покупали им одежду и обувь. Когда декабристы разъехались в разные стороны на поселение, Иван Иванович продолжал вести занятия в школе.

Из книг, оставленных ему перед отъездом товарищами, Горбачевский составил единственную тогда в Петровском Заводе публичную библиотеку и сам стал ее первым библиотекарем. Слава о ней распространилась по всему Забайкалью, чего, к сожалению, нельзя сказать о той библиотеке, что располагается сейчас в доме Горбачевского и носит его имя,— зимой она закрыта, поскольку дом нуждается в паровом отоплении и капитальном ремонте.

Пока был жив Горбачевский, в склепе Александрины Муравьевой, «первой жертвы» Петровского Завода, которая привезла декабристам пушкинское послание «В Сибирь», 37 лет не гасла свеча. Сегодня декабристский некрополь в Петровском выглядит запущенным. Впрочем, не в лучшем состоянии сохраняются могилы декабристов на бывшем Амурском кладбище в Иркутске, куда перенесены из зоны затопления останки Артамона Муравьева и Юшневского. В Чите, в ограде «церкви декабристов», служившей одно время то складом, то ссыпным пунктом, то студенческим общежитием, разбили тогда же так до конца и не починенную плиту на могиле дочери Волконских. Без каких-либо опознавательных знаков зарастают сорной травой на косогоре потрескавшиеся, полустершиеся могильные плиты В. Ф. Раевского, его жены и сына в деревне Олонки под Иркутском...

Но вернемся в Петровск-Забайкальский. Современный город давно уже обтекает некогда окраинное кладбище, откуда друзья чуть ли не силой увели в один день поседевшего от горя Никиту Муравьева. С Лунинской сопки пробую подыскать на территории сегодняшнего завода место допотопной домне, которую Н. Бестужев с декабристом К. Торсоном сумели перевести с ручного дутья на механизированное и вдвое повысить ее суточную производительность, а до этого за два дня восстановили не работавшую более десяти лет водяную пильную мельницу.

«...Фабрика, где плавят железо,— совершенный ад. Тут ни днем, ни ночью нет покоя, монотонный, постоянный стук молотка никогда не прекращается, кругом черная пыль от железа». Таким предстал Петровский Завод декабристам. И почему бы не увековечить их память также и за заводскими воротами, в почти музейном уголке старинного литейного цеха, в котором они, забывая о собственных страданиях, всячески старались облегчить изнурительный труд сотен каторжан?

Страдания же декабристов в Петровском были, пожалуй, как нигде, велики. Более просторная тюрьма оказалась «в тысячу раз хуже, нежели в Чите». Возведенная на болоте, она не успела просохнуть, плесень и сырость гнездились в деревянных стенах. Печи не давали тепла уже в сентябре. Вдобавок в комнатах «забыли» прорубить окна.

И все же не только и не столько потому их последний каземат подействовал на «соузников» особенно удручающе. Тяготы и лишения они привыкли сносить стоически. Хоть и крохотные, под потолком, окна в результате самоотверженных усилий жен в конце концов прорубят. На четвертом году заключения с декабристов снимут цепи, и Николай Бестужев сделает из них кольца на память каждому. Он будет продолжать совершенствовать изобретенный им оригинальный морской хронометр и с помощью простейших инструментов мастерить хитроумные часы в подарок друзьям и дамам, игрушки — детям. Еще шире развернет здесь свою легендарную врачебную деятельность Ф. Б. Вольф, обзаведясь добросовестными фельдшерами в лице А. Муравьева, Александрины и М. Н. Волконской, а затем примется за химический анализ окрестных минеральных источников.

Словом, всяк будет при деле. Расставание, и со многими навсегда,— вот что окажется тяжелее всего. Последние декабристы уедут из Петровского в 1839 году, и ровно через тридцать лет никто из них не сможет опустить в могилу прах Ивана Горбачевского. Его похоронят над обрывом у пруда, как он просил, чтобы был виден дом, в котором Горбачевский жил и умер. Преданный друг и ученик водрузит на могиле большой чугунный крест, и поныне открывающийся взгляду со всех концов старого города.

...На поселении они будут писать друг другу трогательные письма, интересуясь подробностями жизни товарищей и даже прилагая к письмам рисунки своих скромных пристанищ. Эти путеводные нити сквозь толщу времени оказывают неоценимую услугу, когда, постояв в Урике у могилы Никиты Муравьева, расхлябанной поселковой улицей выходишь к предполагаемому дому Лунина с цифрой «1836» на фронтоне. Или когда, продравшись сквозь заросли дикой желтой акации на месте знаменитого «камчатника» Волконских в Усть-Куде, присядешь на скамью, вырубленную Сергеем Григорьевичем в песчанике над Ангарой...

Есть, однако, и другие следы декабристов — то, что перешло от них в Сибири на пользу людям: не известные здесь ранее цветники, палисадники, научное хлебопашество и агротехника, бестужевская компания по разведению мериносов, бечасновские маслобойни, глиняные и песчаные промыслы Вадковского, которые тот безвозмездно передал крестьянской общине, но без права личного обогащения ее членов. Разглядывая в школьном музее декабристов в Олонках собственноручно снятую Владимиром Федосеевичем Раевским карту его земельных угодий — 40 десятин, думаешь о тех сокровенных проектах развития экономики и сельского хозяйства Сибири, разумного использования ее несметных богатств и охраны природы, что держал он под спудом, подобно прочим ссыльным декабристам, выполняя по просьбе односельчан обязанности подрядчика и, помимо всего остального, исправно снабжая Иркутск арбузами. Точно так же, как Никита Муравьев, обрабатывавший на поселении 50 десятин земли и вкладывавший душу в рыболовные артели. Все это были конкретные примеры рационального хозяйствования, свободного от капиталистической эксплуатации и вместе с тем выгодного.

Берег Ангары в центре Иркутска * Ник. Бестужев. Акварельный автопортрет. Петровская тюрьма. 1837—1839 годы. Собрание И. С. Зильберштейна (Музей личных коллекций, Москва) * Вещи декабристов из сибирских музеев и дом И. И. Горбачевского в Петровске.

5

Изгибы бывшей Володимирской, затем Ланинской, а ныне улицы Декабрьских Событий еще хранят кое-где приметы старого Иркутска. Вот только давно уж разобрали за ветхостью Московские ворота, через которые въезжали этой улицей в столицу Восточной Сибири Радищев, декабристы, Чехов.

.Неподалеку отсюда блестит на солнце застекленный балкон «фонариком» мемориального дома Трубецких. За ним голубеет свежей краской бережно собранный по бревнышку дом Волконских, новый филиал Иркутского музея декабристов.

Этот классический деревянный ампир в окружении почти «задевающих» окнами тротуар закопченных строений, это «пламя» благородной мебели, перенесенной из петербургских и московских гостиных, эти изящные вышивки Екатерины Ивановны Трубецкой и барственный чубук Сергея Григорьевича Волконского являют при ближайшем рассмотрении свой особый смысл, чуждый обывательским пересудам.

Здесь не просто жили большие семьи двух ссыльных князей, с помощью богатства и влияния знатной родни устроившиеся сообразно собственным вкусам и привычкам. Здесь наперекор тягостным обстоятельствам находились центры притяжения рассеянных в таежной глухомани декабристов, которые, пользуясь любым предлогом, чтобы наведаться в Иркутск, душой отогревались в домах Трубецких и Волконских, получали через них письма родных, книги, лекарства, деньги, узнавали последние новости. Эти дома стали также центрами притяжения либеральной интеллигенции края, подлинными очагами культуры.

Задумав возродить в наши дни музыкально-литературные салоны Трубецких и Волконских, сотрудники Дома-музея волновались: приживутся ли, пойдет ли молодежь на эти вечера без танцев? Теперь подобные сомнения позади. Раз в месяц в гостиной гаснет электрический свет, зажигаются свечи, и, пробравшись между тесно сидящими и стоящими, преподаватели городского училища искусств, солисты Иркутской филармонии выходят к роялю, который Мария Николаевна Волконская доставила в рыбацком баркасе через неспокойный Байкал. И вновь, как тогда, звучат здесь произведения Верди, Шопена, Алябьева, Глинки...

А еще на этих вечерах встречаются поэты, прозаики, историки. Однажды собравшиеся в гостиной услышали рассказ местного коллекционера о рядовом Московского полка Попрядухе, участнике восстания на Сенатской площади, сосланном в Сибирь. Там он познакомился с Трубецким и получил от него в подарок парные вазы и зеркало. Потомки солдата-декабриста сберегли их, и вот под аплодисменты гостей «ваза Трубецкого» заняла свое место в экспозиции музея.

Поиск вещей ссыльных декабристов, начатый еще на заре Советской власти, не прекращается. Известный ленинградский собиратель В. Груcланов не остался глух и к письмам из Иркутска. Нелегко было ему расстаться с книгами, на которых автографы С. Г. Волконского, тем более что обнаружил он их в Берлине 45-го, в бункере среди награбленных гитлеровцами на оккупированных территориях ценностей и проследил затем их судьбу: книги эти сопровождали семью декабриста в сибирском изгнании, а впоследствии попали в украинское имение Волконских-Кочубеев...

Из Ленинграда поступила шкатулка Дмитрия Завалишина с его эмалевым портретом на крышке работы художника Теребенева, которая в 1823 году проделала в каюте смелого морского офицера кругосветное плавание. Шкатулка эта — дар внука декабриста Б. Еропкина. Он не забыл также Читу, где его дед томился в каземате, жил на поселении и откуда в 1863 году — случай беспрецедентный — был выслан (!) как «слишком опасный для Сибири»... в Москву. С собой Дмитрий Иринархович увозил медальон, в котором переплелись двумя колечками волосы его рано умершей жены и первенца-сына.

Вещи декабристов. Как много говорят иные из них нашей памяти и воображению! Два стула сибирской березы в доме Трубецких рядом с мебелью красного дерева. На спинках — резьба местного мастера в виде рожка. Не того ли, фельдъегерского, который расчищал путь несущимся вскачь тройкам с «государственными преступниками»? Вышитая подушечка Камиллы Ивашевой — ее спасли в ленинградскую блокаду, когда в «буржуйках» горело все, что могло дать замерзающим людям хоть каплю тепла. Набивку — жалкие клочки войлока — и те пришлось сжечь, а чехол уберегли... Еще одна фамильная шкатулка, на сей раз Волконских. Она принадлежала Л. Н. Толстому и была подарена иркутскому Дому-музею декабристов писательницей Л. Либединской.

...Крутая, поскрипывающая лесенка ведет в мезонин, где традиционное нагромождение фондовых материалов теснит за столами научных сотрудников музея. Его новый директор, Евгений Александрович Ячменев, молод, энергичен и скрывает под корректной сдержанностью страсть подлинного энтузиаста. Дом этот он полюбил еще в студенческую пору, а когда служил в армии здесь же, в Иркутске, весьма своеобразно использовал заветные увольнительные — являлся прямо в солдатской форме в музей и водил экскурсии.

Студентом Ячменев натолкнулся на старую подшивку «Огонька» и в номере от 10 января 1926 года прочел короткую заметку безымянного спецкора о том, что комиссией по подготовке юбилея декабристов приобретены у сибиряка-старожила два стула и картина из бывшего дома Трубецких. На фотографии в журнале стояли у стены знакомые стулья с резными спинками, намекая на что-то символическими рожкáми, а над ними висел небольшой, плохо различимый пейзаж в раме.

В музее его не было. Неужели исчез бесследно? По выцветшей фотографии, которую он увеличил, Ячменев довольно точно «вычислил» размеры картины. Несколько прояснился и изображенный на полотне вид. Переписка декабристов и архивные документы помогли установить: это работа дочери Трубецкого Александры, способной художницы-любительницы, выразившей в ней свое восприятие Забайкалья. Шли годы. Ячменев не бросал поисков утраченной картины и нашел-таки ее в запасниках Иркутского художественного музея, где она значилась как неизвестный «Пейзаж с озерком».

Более полутора лет длилась реставрация осыпавшегося, потускневшего полотна. И вот накануне нынешнего юбилея в Доме Трубецких произошло торжественное событие: красочный пейзаж дочери декабриста вновь, как и век назад, украсил стену гостиной.

* * *

Каждая годовщина 14 декабря, в особенности круглая дата, со всей очевидностью показывает, что память декабристов сейчас откочевала преимущественно за Урал. Этот факт можно объяснить, однако он не оправдывает отсутствия декабристских мемориалов в Москве и Ленинграде. Ведь, помимо исторических зданий, непосредственно связанных с жизнью и деятельностью декабристов, здесь сосредоточены богатейшие материалы их эпохи, личные вещи, работают ведущие специалисты.

Будем надеяться, очередной юбилей сдвинет наконец дело с мертвой точки.

Лев Толстой замечательно просто сказал о первых русских революционерах: «Декабристы всегда интересны и вызывают самые серьезные мысли и чувства». Абсолютное бескорыстие и благородный идеализм тех, кого В. И. Ленин называл «лучшими людьми из дворян», а Герцен —«рыцарями с головы до ног, кованными из чистой стали, воинами-сподвижниками», не перестают привлекать нас. И все, написанное об этих людях и ими самими, только усиливает наше желание проникнуть в их тайну, понять, какими они были.

В Сибири это начинаешь понимать лучше, как начинаешь лучше понимать там и то, что привело на холодную Сенатскую площадь великих граждан России.

Иркутск — Чита — Петровск-Забайкальский.

ИМЕНИ ВЕЛИКОГО КЛИНИЦИСТА

Москвичи самого старшего поколения называют ее «солдатенковской», более позднего — «народной», а как больница имени С. П. Боткина, или просто Боткинская, она имеет известность всесоюзную.

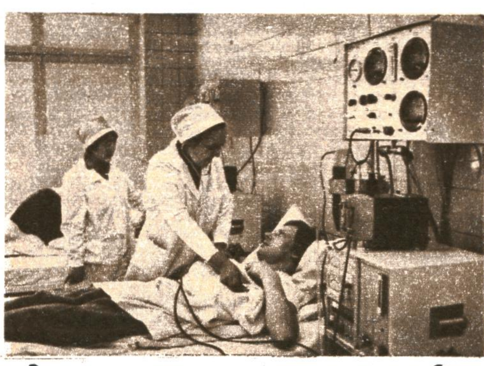
Больница учреждена и построена 75 лет тому назад на средства коммерции советника Солдатенкова — отсюда бытовавшее когда-то ее название. Солдатенков по совету выдающегося врача Ф. А. Гетье, впоследствии первого главного врача Боткинской, завещал два миллиона рублей на ее создание «для всех бедных, находящихся в городе Москве, без различия званий, сословий и религий». Первоначально здесь имелось 245 коек. Сейчас на стационарном лечении могут одновременно находиться 2300 человек.

У входа на территорию больницы стоит памятник С. П. Боткину — знаменитому клиницисту и общественному деятелю, имя которого она носит. Сергей Петрович внес огромный вклад для дела народного здравоохранения, был председателем комиссии по вопросу об оздоровлении России. Однако непосредственно к больнице он отношения не имел, открылась она спустя более чем через 20 лет после его смерти.

Все дело в уникальной многопрофильности больницы. Здесь несут помощь больным специалисты буквально всех направлений медицины. Так что имя, которое носит лечебница, не только дань памяти выдающемуся клиницисту, но и отражение методов и традиций, впервые введенных в медицину Сергеем Петровичем, в частности клинический разбор больных.

Обо всем этом я узнал из беседы с главным врачом больницы Э. В. Мартыновым.

— Наша больница является базой клиник Центрального ордена Ленина института усовершенствования (ЦОЛИУ) врачей,— рассказывает Эдуард Васильевич.— Каждое наше отделение: урологическое, гемодиализа, то есть искусственной почки, травматологическое и так далее — это еще и клиника соответствующей кафедры института, а их восемнадцать. Так что Боткинская больница — это крупнейший научно-педагогический центр. Кроме ЦОЛИУ врачей, на нашей базе работают: НИИ уха, горла и носа Министерства здравоохранения РСФСР; отпочковавшиеся от нас в разное время, ставшие самостоятельными научными учреждениями, но не порвавшие узы сотрудничества Центральный институт травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова и Центральный ордена Ленина институт гематологии и переливания крови; лаборатория общей реаниматологии АМН СССР, возглавляет которую отец реанимации А. Н. Неговский.

Заведующая отделением гемодиализа больницы имени Боткина О. М. Меликян и медсестра Р. М. Козлова.

Фото Л. Шерстенникова

Такой масштаб, всеохватность не просто повышают престиж больницы, но в первую очередь служат благу самих больных.

— Скажем, поступает к нам пациент с тяжелым заболеванием почек,— продолжает Эдуард Васильевич,— а оно протекает на фоне болезни сердца, легких или сосудов, а иногда бывает и все вместе. Кто, какой специалист должен этим больным заняться? По идее нефролог, но ведь те средства, которые он должен назначить, могут отрицательно сказаться на других больных органах... А если к тому же необходима срочная операция?.. В таких случаях к нам привозят даже из специализированных научно-исследовательских институтов: нам «легче», у нас имеются буквально все отделения, и тогда у постели больного быстро собираются необходимые ему специалисты...

Как выглядит это на деле, я узнал, познакомившись с работой гинекологических отделений, они же клиники кафедры акушерства и гинекологии ЦОЛИУ врачей. Здесь буквально на днях спасали женщину, доставленную санавиацией из союзной республики. Случай внематочной беременности был осложнен целой обоймой заболеваний, каждое из которых способно было убить роженицу, и потребовал совместных действий врачей из пяти отделений. Сейчас ее жизнь вне опасности.

Здесь, как и в других отделениях, бок о бок работают врачи и ученые. Институтский коллектив возглавляет заведующая кафедрой профессор Лидия Павловна Бакулева, коллективы двух гинекологических отделений больницы возглавляют хирург-гинеколог П. А. Загорулько и врач высшей категории В. Ф. Михальский.

— Не тесно двум коллективам на одном поприще? — спрашиваю я Владимира Францевича.

— Напротив! Участие научных сотрудников в лечебном процессе дает в результате то, что и должно давать: совершенствование методов лечения, а в этом (может быть, вам покажется странным) врач заинтересован даже больше, чем больной, хотя, конечно, первая забота — о нем. Но главное то, что внедрение этих усовершенствований проходит без промежуточных инстанций. Разумеется, все новые предложения тут же выносятся на суд коллег, обсуждаются, может быть, что-то уточняется, дополняется, пусть даже отвергается или возвращается для доработки, но само включение новшеств в лечебный процесс проходит очень органично и, что не менее важно, быстро.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

В октябре 1985 года в шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН, изучающем правовые вопросы, состоялась весьма интересная и злободневная дискуссия о целесообразности заключения международной конвенции, которая запретила бы вербовку, финансирование и использование наемников, приносящих столько горя и слез народам многих стран, являющихся жертвами подрывной деятельности США и некоторых их союзников.

Дебаты по этому вопросу носили острый и порою драматический характер, и можно только сожалеть, что наши средства массовой информации их не осветили. Развивающиеся государства и поддерживавшие их социалистические страны добивались принятия такого международного документа, который поставил бы вне закона деятельность наемников. Преступный характер их действий разоблачали делегаты Анголы, ГДР, Мозамбика, Никарагуа, Сирии и многих других стран.

— Те силы, которым выгодно использовать наемников, в частности США, во все более широких масштабах прибегают к услугам «псов войны», как их иногда называют,— сказал в частности представитель Лесото Тван Тондер.— В США лицемерно именуют наемников «борцами за свободу». Однако эти «борцы» убивают женщин и детей в Никарагуа, творят тяжкие преступления в Анголе и Мозамбике, они используются в попытках расчленить Ливан. Будущая конвенция призвана эффективно защитить развивающиеся страны от грубого империалистического вмешательства. Одним из важнейших положений проекта должно стать обязательство государств не финансировать и не обучать наемников.

Как и следовало ожидать, США и их западные союзники выступили против такого подхода. Представитель США пытался свести на нет усилия международного сообщества, направленные на ликвидацию института наемничества. Но в защиту законных требований развивающихся стран активно выступили делегаты социалистических государств. Советская делегация, используя богатый фактический материал о зверской деятельности «псов войны», состоящих в услужении у ЦРУ и входящих в состав создаваемых им подрывных группировок, пытающихся свергнуть избранные народами законные правительства, разоблачила попытки западных стран во главе с США снять с себя ответственность за причастность к наемничеству.

— Советская делегация, как и большинство делегаций, выступивших в комитете, считает, что практика использования наемников представляет собой преступление против мира и безопасности человечества,— заявил представитель СССР Б. Н. Нечаев.— СССР выступает за скорейшее принятие важного международного документа, который возложил бы на государства конкретные обязательства по пресечению наемничества!

Когда будет выработана и подписана конвенция, которая покончила бы с этим позорным явлением, свидетельствующим о полной деградации буржуазного общества, все еще пытающегося изображать себя как защитника свободы, демократии и гуманизма, и будет ли она заключена вообще, сказать трудно.

Вопрос этот обсуждается в ООН давно, там был создан даже специальный комитет по разработке международной конвенции, запрещающей вербовку, использование, финансирование и обучение наемников. В мае 1985 года состоялась уже пятая сессия этого комитета. Но ни там, ни в юридическом комитете Генеральной Ассамблеи пока не удалось добиться принятия конструктивных решений по столь важному вопросу. Крючкотворцы из юридических ведомств США и союзных с ними стран делали и делают все, чтобы помешать этому. Оно и понятно: ведь использование «псов войны», как назвал наемников делегат африканской страны Лесото, играет немаловажную роль в планах секретных служб иностранных государств.

Тем важнее, как мне представляется, сейчас внимательнее приглядеться к этой стороне агрессивной деятельности США и их союзников. В моем журналистском досье накопилось немало любопытных сведений на тему о том, как готовятся и используются спецслужбами этих стран наемники, и я решил поделиться ими с читателями «Огонька».

●

ЛАНДСКНЕХТЫ XX ВЕКА

нимаю с книжной полки второй том Энциклопедического словаря, изданного в 1954 году, и читаю: **«Наемные армии** — воинские формирования, укомплектованные наемниками (кондотьеры, ландскнехты и др.), чаще всего из других стран. Наемные армии имели большое распространение в Западной Европе до XIX века».

Читаю и думаю: куда ландскнехтам, состоявшим в найме у средневековых князей, которые использовали их для грабежа народов своих и соседних владений, до нынешних наемников, ведущих необъявленные войны против Афганистана, Никарагуа, Анголы и других государств!

Во второй половине XX века деятельность наемных армий приобрела поистине широчайшие масштабы. Плачевный опыт проигранных в шестидесятые и семидесятые годы вооруженными силами Соединенных Штатов, Франции, Бельгии, Португалии военных акций колониального типа в странах Азии и Африки побудил их руководителей прибегнуть к стратегии самых настоящих, хотя и не объявленных войн против освободившихся народов, создавших свои независимые государства, причем для ведения этих войн используются исключительно наемные войска.

Началось это в 1960 году, когда Африка была буквально потрясена охватившими ее национально-освободительными революциями во французских, английских, бельгийских и португальских колониях.

В том году мне довелось близко наблюдать события, разразившиеся в бывшем Бельгийском Конго. Я прилетел тогда в Леопольдвилль для встречи с руководителем победоносно завершившего свою борьбу за национальное освобождение народа этой страны Патрисом Лумумбой. Он был полон надежд на лучшее будущее своего народа и строил широкие планы социального и культурного развития страны. Но колонизаторы, не примирившиеся со своим поражением, уже вынашивали преступные замыслы, готовя расправу с этим благородным и смелым человеком.

В ход было пущено все — интриги, подкуп, насилие. За кулисами шла борьба между разведками и агентурными службами крупнейших империалистических держав, каждая из которых рассчитывала захватить несметные природные богатства этой страны, и в то же время они все вместе, единодушно, не жалея средств, делали все возможное и даже невозможное, чтобы свергнуть молодую народную власть.

Вот тогда-то и был испробован в широких масштабах метод вербовки наемников из числа отставных офицеров, парашютистов, разведчиков, солдат войск западноевропейских государств и США, а то и просто бандитов, готовых убивать за деньги кого угодно. С их помощью неоколонизаторам удалось довольно быстро отстранить от власти, а затем и физически ликвидировать Патриса Лумумбу и других прогрессивных руководителей и заменить их теми конголезскими деятелями, которые согласились — разумеется, не даром — служить монополиям, которые после первого испуга, вызванного победой национально-освободительного движения, начали контрнаступление, рассчитывая укрепить свои пошатнувшиеся позиции.

Одни наемники поддерживали ставленника бельгийских колонизаторов Чомбе, который вначале пытался отторгнуть от страны и превратить в «независимое государство» ее самую большую провинцию, Катангу, впоследствии названную Шабой, а затем стал претендовать на руководство всем Конго. Другие выступали на стороне генерала Мобуту, к поддержке которого склонялись Соединенные Штаты. Но и те, и другие решали общую задачу: не допустить развития этой огромной страны, равной по площади всей Западной Европе, по пути свободы и независимости.

В заголовках газет той поры то и дело появлялись имена организаторов найма «псов войны», которым было все равно, кому служить,— лишь бы за убийства хорошо платили. В роли вожаков этих ландскнехтов выступали представитель подставной американо-бельгийской службы, укрывавшейся под расплывчатым названием «Америкэн уорлд трэвелс энд сервисез» («Американские всемирные путешествия и услуги»), некий Тьерри де Боннэ, выдававший себя за генерала; полковник вооруженных сил США Джордж Холмквист, которого, как писала 25 сентября 1966 года газета «Юманите диманш», «хорошо знали французские службы контрразведки», бывший британский майор Майкл Хор, который был известен под кличкой «бешеный Майк» — даже среди «псов войны» он выделялся особой жестокостью.

В шестидесятые годы имя «бешеного Майка» буквально не сходило со страниц буржуазной печати. Этого специалиста по «мокрым делам» превозносили до небес, как некоего рыцаря без страха и упрека, рискующего своей жизнью ради борьбы с коммунизмом.

Что же представляет собой этот зверь в образе человеческом? До второй мировой войны он тянул лямку в британской армии как обычный офицер. В годы войны находился в Индии — участие в боях с фашизмом его не прельщало. В 1946 году демобилизовался. Начал заниматься бухгалтерским учетом, но к этой работе у него призвания не было. Поэтому, когда было объявлено, что в бывшем Бельгийском Конго требуются наемники, он сразу же умчался туда.

Вот там-то и развернулся во всю ширь «бешеный Майк». Чомбе сразу же пожаловал ему чин полковника. Вместе с эсэсовцем Мюллером и французским авантюристом Бобом Деннаром он создал скандально-знаменитое соединение наемников, известное под названием «Коммандо-5», и они начали проливать кровь африканцев, служа попеременно то одним, то другим соперничавшим между собой марионеткам колонизаторов. Своему бандитскому соединению Майкл Хор дал наименование «Дикие гуси».

В одном из своих широковещательных интервью в 1966 году этот предводитель «Диких гусей» сделал такое циничное откровение: «Теперь настал золотой век для солдат-наемников. Тридцать—сорок вооруженных до зубов и беспощадных (!) людей могут самым буквальным образом свергнуть правительство, имеющее прочную позицию. Мы видали такое в Африке за последнее время».

Деяниям «Коммандо-5» был посвящен фильм под названием «Дикие гуси», в котором снимались такие известные актеры того времени, как Ричард Бартон и Ричард Харрис. Была опубликована книга Майкла Хора под названием «Конголезский наемник». Но в Конго его карьера отнюдь не закончилась. Ниже я расскажу о его дальнейших авантюрах на службе расистских правителей Южно-Африканской Республики.

Когда после долгой кровавой междоусобицы в бывшем Бельгийском Конго борьба за власть стихла, Чомбе был уничтожен и в Леопольдвилле у власти утвердился Мобуту, переименовавший страну в Заир, а ее столицу—в Киншасу, «псы войны» там оказались не у дел. Однако спрос на наемных убийц не снижался, а, наоборот, возрастал. Их услуги требовались мастерам ведения грязных необъявленных войн в Нигерии, в Бенине, в Анголе, на Коморских островах, в Родезии (ныне Зимбабве).

«За горсть долларов они будут убивать или погибнут сами,— писал в марте 1982 года журнал «Нью-Африка», издающийся в Лондоне.— Таков смысл игры. Деньги — вот язык, который они понимают лучше всего. Именно наемники решающим образом определили развитие событий в Конго в шестидесятых годах и посадили в седло Мобуту. Но это еще не вся их отвратительная история. Ведь, помимо того, что это платные убийцы, многие «псы войны» являются также политиканами, стремящимися сохранить Африку для Запада».

И не только Африку — добавлю я от себя. Чем дальше развивается всемирно-исторический процесс национально-освободительной борьбы, тем больше становится в столицах капиталистических государств, и прежде всего в Вашингтоне, спрос на профессионалов, способных лить человеческую кровь, как воду.

Кто же идет на эту подлую и грязную, но зато необычайно высоко оплачиваемую работу? В первые десятилетия после второй мировой войны ряды наемников щедро пополнялись остатками недобитых гитлеровцев, прежде всего из войск СС. Чего стоит хотя бы работавший на Чомбе в бывшем Бельгийском Конго тот же приятель «бешеного Майка» эсэсовец Зигфрид Мюллер, пользовавшийся страшной славой палача!

«Я горжусь моим железным крестом. Я сражаюсь за идеалы Запада»,— говорил он, красуясь перед объективами фотоаппаратов репортеров буржуазной прессы, описывавших события в этой африканской стране. (Впоследствии след Мюллера, как и многих других наемников, орудовавших в Бельгийском Конго, отыскался в Южно-Африканской Республике, где для наемников всегда находится работа.)

Потом к ландскнехтам из Западной Германии примкнули отставники из французского иностранного легиона, битые в Алжире офицеры и солдаты французских войск, образовавшие террористическую организацию ОАС. В дальнейшем вербовщики наемников обратились к новому огромному источнику пополнения — к тем американским участникам грязной войны во Вьетнаме, которые вернулись оттуда морально и политически растленными людьми. Не гнушаются вербовщики и уголовными преступниками, бандитами, ищущими наживы на крови...

Чем дальше, тем больше вербовка, обучение и использование наемников превращаются в организованный бизнес, тем более что те, кому требуются ландскнехты, не скупятся на расходы. Возникли центры, поставляющие наемников, которые действуют совершенно открыто, пользуясь защитой своих влиятельных покровителей, главным из которых является ЦРУ.

ФИРМА ПОЛКОВНИКА БРАУНА

Одним из наиболее шумно рекламируемых центров этой подлой деятельности является процветающая ныне американская организация, деятельность которой освещает принадлежащий ей журнал с длинным, но зато с исчерпывающей полнотой отражающим его суть названием «Солджер оф форчун: джорнэл оф профешнл эдвэнчерерс», что порусски означает: «Солдат удачи. Журнал профессиональных авантюристов».

Летом 1985 года этот журнал отмечал уже десятую годовщину своего существования, и реакционная парижская газета «Фигаро» следующим образом отметила этот юбилей своего собрата по перу, восхищаясь его успехами:

«Десятая годовщина журнала «Солджер оф форчун» является событием, поскольку его тираж, составлявший в 1975 году всего восемь с половиной тысяч экземпляров, сегодня колеблется между 180 и 210 тысячами, из которых 15 тысяч продаются за границей. Доходы «Солджер оф форчун» в 1984 году достигли солидной суммы в 6,9 миллиона долларов благодаря повышению тиража и публикации объявлений, прославляющих достоинства оружия».

Сообщения об этом весьма своеобразном и типично американском органе печати довольно часто мелькают на страницах мировой прессы. Впрочем, он давно уже не является монополистом. Как писал орган американских биржевиков «Уолл-стрит джорнэл», в журнальных киосках США, «где десять лет назад лежал только «Солджер оф форчун», сейчас продается не менее пяти журналов, сверкающих глянцем своих обложек, рассчитанных на запросы людей с загримированными лицами, в маскировочной одежде, общим тиражом около полумиллиона (!) экземпляров».

Из публикаций, посвященных десятилетию журнала «Солджер оф форчун», мы узнали, что деятельность этого старейшего из американских органов профессиональных авантюристов отнюдь не ограничивается рекламой постыдной деятельности наемных убийц. Его руководители — полковник американских специальных войск, именуемых «зеленые береты», Роберт К. Браун и сотрудник ЦРУ Джордж Бейкон — не только публикуют материалы, славящие их кровавую деятельность за рубежом, но и организуют их вербовку и отправку на фронт необъявленных войн.

На страницах журнала «Солдат удачи» публикуется великое множество объявлений, отражающих спрос и предложение услуг наемных убийц. Вот некоторые из них:

«Ищу работу в качестве наемника; согласен на работу полный рабочий день или неполный рабочий день в любом районе мира. Тэрнсвил, штат Нью-Джерси».

«Бывший связист американской армии — специалист по системам Морзе ищет работу в качестве наемника. Грег Ковертон, Элктон, Мэрилэнд».

«Мэш, 30 лет, десять лет прослужил в морской пехоте; ищу работу в качестве наемника, желательно в отдаленных районах. Фэрбенкс, штат Арканзас».

«Предлагаю свои услуги в качестве наемника. Если работа опасная, требуется хорошо оплачивать. Джон Чэпел Хилл, Северная Каролина».

«Бывший солдат морской пехоты (Вьетнам, 1966—1969 гг.) хотел бы служить в отряде наемников».

«Женщина (!) 28 лет, умеющая держать язык за зубами, с твердым характером, владеющая сложным оружием, предлагает свои услуги в качестве наемника. Мисс К. Холмс, Джерси-Сити, штат Нью-Джерси».

«Специальные услуги: наемники, вооруженные курьеры, телохранители, подпольные операции, налеты, любые рискованные миссии. Мы профессионалы, готовые служить вам. Пейнтер, Рокфорд, штат Иллинойс».

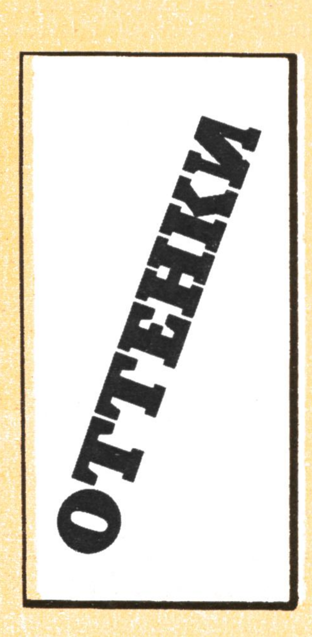
И это еще не все. Чего стоит, к примеру, такое объявление, которое, согласно сообщению «Фигаро», недавно было опубликовано в журнале: «Миллион долларов тому, кто добудет советский вертолет МИ-24 в хорошем состоянии». «Солдат удачи»— многозначительно заявляет «Фигаро», комментируя это объявление,— журнал не такой, как другие».

«Редактор», который ставит перед читателями своего журнала задачи такого рода, и сам является профессиональным авантюристом, смертельно ненавидящим коммунизм. Он вполне откровенно декларирует свой символ веры: **«Я чувствовал бы себя наилучшим образом, если бы мне было поручено убивать коммунистов».**

Под стать Брауну и его сотрудники, большинство из которых, как и он, воевали во Вьетнаме, были изгнаны оттуда и теперь посвящают свои усилия все той же грязной цели — любыми средствами душить народы, не желающие жить в рабстве у капиталистов и осмеливающиеся мечтать о новой, свободной жизни. Еще в 1981 году американский жур-

Бахтияр
ВАГАБЗАДЕ

●

Я в юности
        с душой еще незрелой,
Во всем, казалось, разбирался смело.
Тогда легко я выносил сужденья
И принимал немедленно решенья:
«Вот это хорошо, а это плохо».
Я сразу видел доброго и злого,
И очень часто истину притом
Я разбивал легко, как молотком.
Под ясными, как юность, небесами
Я не метался между полюсами...
И мир,
    хотя он многоцветным был,
На «черное» и «белое» делил...
Сегодня я
Решаюсь осторожно
Судить о том, что правда,
А что ложно,
И на земле
        перед добром и злом
Не ставлю я теперь вопрос ребром,
Но, «черное» и «белое» встречая,
В них многие оттенки различаю.
Все, что на разных было полюсах,
Сближается порой в моих глазах.
Не потеряв меж ними четкость граней,
Я отказался от суждений крайних,
И сам теперь я думаю в сомненье —
Утрата это?
Иль приобретенье?..

ГОРЬКАЯ ЖАЛОБА

Где ты, мама?
        С тоскою сыновьей
Я сегодня зову тебя вновь.
Как младенец, хотел бы я снова
Испытать твою, мама, любовь.
Что мне славы минутной сиянье,
Я в твоем вновь нуждаюсь дыханье.

Я дорогу теряю в тумане.
День пылает мой, сердце слепя.
В снах,
    где жизни разрушены грани,

Мама, я призываю тебя...
Что с того, что я сед головою?
Я хочу быть обласкан тобою.
Осени меня светлой рукою,
Охрани от печалей и бед.
Снова в детство я двери открою,
Где сияет твой ласковый свет.

И друзья мои не помогут,
Не спасут от незримой беды,
Мои тайные боли не могут
Они видеть, как видела ты.

Появись, успокой мою душу
Тихой лаской своею, без слов.
Пусть все тайное выйдет наружу,
Укажи мне друзей и врагов.
Ты и в небытии существуешь,
Ты мне мир в этом мире даруешь.

В твоем имени — светлая сила,
Что спасает от бед и потерь...
Той любви, что ты сердцу дарила,
От детей ожидаю теперь.

Ласку дети не мне возвращают —
Пусть ласкают детишек своих.
С горькой жалобой все им прощаю,
Так устроено в судьбах земных.

●

Легко ль проникнуть в бытие земное?
Любовь все тайны мира озарит.
Граница есть между землей и морем,
Меж днем и ночью есть рубеж зари.

Начало одного — конец другого,
Постигнуть это нам легко суметь.
Но где найти нам мудреца такого,
Кто объяснит, что делит жизнь и смерть?

●

В сердце — тысяча желаний,
Мысль
Одна волнует грудь.
К одному я шел желанью,
Раздвоился только путь.

И стою я на распутье,
Раздвоилось все в глазах.
И ни белым стал, ни черным,—
Посерел, как небеса.

«Нет»,— желаниям сказал я.
Сердце смолкло, вдруг устав,
Поумнело мое сердце,
Но мой ум смелей не стал.

САМОУБИЙЦЫ

Волна самоубийств среди молодежи прокатилась по Соединенным Штатам Америки.
Из газет.

Такой-то,
говорят,
в году таком-то —
Об этом объявляла и печать —
Убил себя...
Возможно, так.
Но только
Убийцу с жертвой надо различать.
Так
с белым светом
распрощаться просто?
С самим собой
войти в такой разлад?
В самоубийстве множество вопросов,
Но самый главный: кто в нем виноват?

Мгновенна жизнь.
Не может надивиться
На мир,
кто доживает и до ста.
Кому дано на белый свет явиться,
Не может с ним расстаться
так спроста.
Убил себя...
Природе человека
Противоречит
результат такой.
Жестокость дней,
бесчеловечность века
Руководят
самоубийц рукой!

ОРЕЛ

Охотник
Прицельное пламя ствола
Навел на парящего в небе орла...
Стрелок не жалел о содеянном зле,
Когда оказался орел на земле.
И видел все это чабан издали.
К орлу подбежал он
И поднял с земли
Несчастную птицу.
Орел еще жил,
И раны бальзамом чабан обложил,
И перья расправил на сильных крылах.
И слезы блеснули в глазах у орла.

Охотник спустился с горы к чабану.
Не чувствовал он никакую вину,
Он горд был,
Как будто победой в бою,
И требовал птицу — добычу свою.
Набросился гневно чабан на него,
Поднялся скандал — не понять ничего...
Орел, удивленно взирая на них,
Казалось,
Почувствовал что-то,
Постиг.
Постиг не как люди,
Сомнений полны,
А кратко и ясно, как могут орлы:

«Единый характер и лик у орлов,
Друзей они знают и знают врагов.
Но разнятся люди душою своей,
Различны дела и поступки людей.
Один меня выстрелом наземь свалил,
Другой мне на раны бальзам наложил.
И это мне — птице неясно вовек:
Стрелок — человек и чабан — человек...»

Перевел с азербайджанского
Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ.

нал «Ньюсуик» без обиняков сообщил, что фирма полковника Брауна используется ЦРУ для организации подпольных операций.

При журнале «Солджер оф форчун» созданы «ассоциации», которые собирают средства для оплаты наемников, желающих воевать в Афганистане, Никарагуа и Лаосе. Более того, сотрудники Брауна не только рекламируют похождения «солдат удачи» в дальних странах, но и организуют их обучение и выезд в эти страны.

Ежегодно Браун и его сотрудники проводят встречи американских «псов войны», вернувшихся из походов в чужие страны. В октябре 1981 года такой съезд — второй по счету — был проведен в городе Финикс (штат Аризона). Участники съезда, похвастaвшись своими успехами, объявили тогда, что они готовы снова отправиться воевать «против коммунизма» в Анголу, Афганистан, Южную Африку и Сальвадор.

Этот съезд широко освещался в прессе и по телевидению. У меня сохранился отчет о нем, опубликованный во французском журнале «Экспресс», посылавшем туда своего специального корреспондента Энрико Франческини. Приведу пространные выдержки из этого отчета, весьма красочно рисующего нравы «псов войны» и их хозяев.

«В баре солдаты пьют охлажденное пиво и не спускают глаз с ног официанток в мини-юбках. Сегодня утром они совершили продолжительный марш-бросок, затем несколько часов подряд тренировались в стрельбе. Некоторые из них — ветераны, другие — полицейские, телохранители, специалисты по каратэ, мускулистые повесы или парни, нарядившиеся солдатами. Все они приехали сюда для участия во втором ежегодном слете, организуемом журналом «Солджер оф форчун», издаваемом для «солдат удачи», ветеранов, будущих солдат и для тех, кто никогда не скажет: «Прощай, оружие».

— Я приехал на этот слет, потому что я служил в армии 27 лет,— говорит нам Уильям Т. Лакетт по кличке Билл (у всех ветеранов есть боевые клички).— Это мой мир. Я был подполковником американских военно-воздушных сил. Я сражался против коммунистов во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе.— Лакетт носит в петлице яркий значок с надписью: «Я бы предпочел быть там, где убивают коммунистов». Какой-то солдат, обритый наголо, спрашивает у него почти с отчаянием в голосе, где он купил такой значок.

У Роберта Брауна, издателя журнала «Солджер оф форчун», тоже есть такой значок.

— Я ношу его, потому что он отражает мой образ мыслей. Мне нравится убивать коммунистов,— продолжает Лакетт.— Я считаю, что это справедливо: коммунизм угрожает отбросить мир назад. И я готов сражаться против него в одиночку, даже на пороге своего дома.

Рэнди Фудала провел в «чудесном Сайгоне» всего шесть месяцев, последние для американцев шесть месяцев. Сейчас он служит полицейским в Лос-Анджелесе. Именно поэтому он приехал на слет, при котором организовано столько необычайно полезных курсов усовершенствования. Почему? «Мы как врачи, никогда не перестаем учиться»,— признает он.

Далее корреспондент журнала «Экспресс» приводит высказывания одного из наиболее опытных, матерых «солдат удачи». Это Джон Эрли, прослуживший двенадцать лет офицером в американских войсках специального назначения, а затем командовавший подразделениями наемников в Анголе, Мозамбике, Родезии.

— В теории мир — дело хорошее,— сказал он.— Но он невозможен, неосуществим...

Джон Эрли признался, что он испытывает страх «с первой до последней минуты» от каждой операции, в какой ему приходится участвовать. «Но в то же время,— сказал он,— то, что я делаю, мне нравится, и поэтому я не позволяю страху меня парализовать». По его словам, вербовать наемников — дело не слишком трудное. «После войны во Вьетнаме,— пояснил он,— у нас в стране много ветеранов, которые чувствуют себя безработными». Надо лишь, чтобы те, кому нужны наемники, не скупились на деньги.

— Знаете, сколько денег нужно для того, чтобы отправить на два месяца в Африку двадцать пять хорошо вооруженных наемников? — продолжал Джон Эрли.— По крайней мере два миллиона долларов. Но с двадцатью пятью солдатами уже можно кое-что сделать в стране третьего мира.

Я готов сражаться за каждого, кто мне заплатит, за исключением коммунистов,— продолжал Эрли.— Это объясняется тем, как вас воспитывают в этой стране: мы и они; мы хорошие, они плохие, мы американцы, они русские. Эти идеи прочно укоренились во мне.

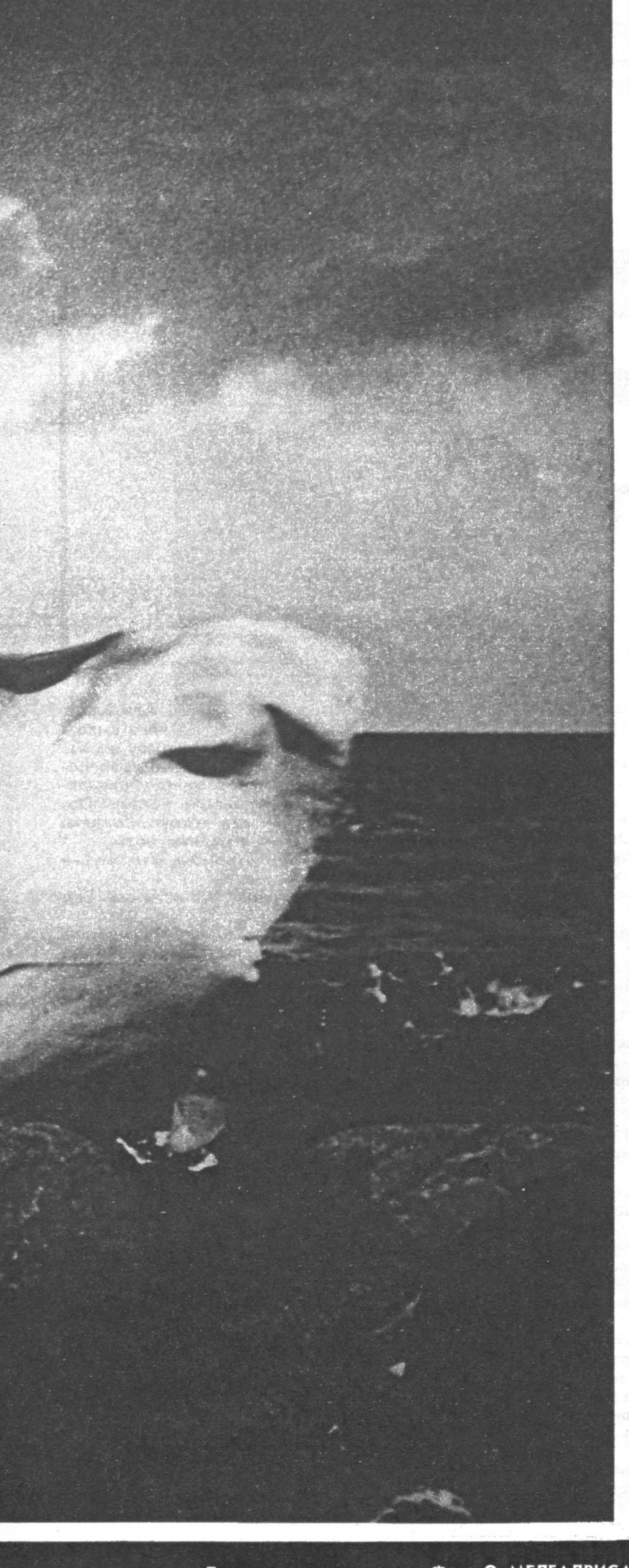
И специальный корреспондент «Экспресс» так завершил свой репортаж:

— В баре осталось немного людей: в большом конференц-зале идет семинар по Афганистану. На прилавки, где продают майки и значки, организаторы слета положили стопку экземпляров книги о наемниках. На первой странице с гордостью приведена фраза президента Теодора Рузвельта: «Все люди, которые чувствуют радость битвы, знают, что это значит, когда волк просыпается в твоем сердце».

(Продолжение следует).

мир прекрасен

Диалог с морем. Фото О. МЕЛГАЛВИСА

Алексей БАДАЕВ

Притча о любви

●

Родилась любовь однажды,
говорят, на белый свет —
так цветок рождался каждый
или песенки куплет.
Беззащитнее младенца,
слабым, тоненьким ростком
пробивала тропку к сердцу,
душу трогала листком.
Чуть намеченным мотивом
пролетала меж полей —
степь, как нянька, терпеливо
колыбель качала ей.
Миловала, укрывала
теплой, мягкою травой,
и росою умывала,
и водою дождевой.
Подарил Байкал ей силу,
глубину и чистоту,
звезды дали путь счастливый,
горы — стать и высоту.
Солнце дочке ненаглядной
светлый лучик отдало,
и под куполом громадным
стало девочке тепло.
Древней речью трав и леса,
языком зверей и птиц
овладела, став чудесной,
лучшею из учениц!
Запах молока и меда
в свой веночек заплела,
радугу в полнебосвода,
дождь лазурного стекла.
Так любовь похорошела,
повзрослела — не узнать!
И пошла по свету белу
души в сети завлекать.
Чтоб сердца, соединившись,
выстроили города,
у природы в тайной нише
взяли силы и года.
Чтобы бренный мир беспечный
продолжаться в детях мог,
стал незыблемым и вечным,
как любви высокий слог!

Перевела с бурятского Людмила БУКИНА.

●

О слава, слава, ты—как то светило,
к какому тянутся с дубами наравне
былинки слабые, которым бы
хватило
и солнечного зайчика вполне!

●

Учитель-жизнь! Не сладок
твой урок:
трудна тому наука восхожденья,
кто испытал полета наслажденье,
а удержать той высоты не смог.

Иду вперед, стремясь тебя понять,
держусь тропы, что с каждым
шагом круче,
но, старыми ошибками научен,
я новых не умею избегать...

Перевела Надежда ГЛЕБОВА.

БАЙКАЛУ

О тебе мы наслышаны были!
Кочевий седло
сохранило дыхание
свежести острой.
И, как стрелы в колчаны,
в глубинную память вошло:
баргузин — это ветер,
Ольхон — это остров.
В нас гудели названья твои
Инхалук и Давша,
омуля, соболя
наши зоркие взгляды пленили.
И, как вал крутогривый,
кипела восторгом душа.
Ржали кони
и воду прозрачную пили.
Мой народ в добрый путь
твоим именем благословлял,
в нем дыхание бури,
и лепет ребенка,
и солнца свеченье.
Мы, еще не увидев тебя,
сознавали, что есть ты, Байкал,
вкус воды твоей чистой
хранили в полынных кочевьях.

Перевел Михаил ВИШНЯКОВ.

СЕРДЦЕ

Течет, бурля,
столетия подряд
метафор
зарифмованный поток:
рисунком, формой
сердце, говорят,
похоже
на березовый листок.

А если глянуть
под иным углом,
опять же,
как отмечено давно,
на солнце
излучаемым теплом
похоже
неустанное
оно.

А кто-то
заявил уже всерьез,
чертеж нехитрый
выложив на стол:
похоже сердце
на простой насос,
которым воду
гоним мы в котел!

Наш век спешит стремительно
вперед
и часто
человеческим сердцам
нагрузки непосильные дает,
а после
их оплакивает сам.
— Недоглядели!..
— Не уберегли!..—
мы говорим при этом
каждый раз.
А, может быть,
у матери Земли
такое точно сердце,
как у нас...

Перевел Илья ФОНЯКОВ.

Игорь РОСТОВЦЕВ,
Александр МУРАШКИН

В основе повествования — реальная судьба палестинского юноши Ахмеда Акаба из города Акка, который после зверской расправы израильских оккупантов над его родными примкнул к бойцам палестинского Сопротивления. За проявленные в боях с сионистскими агрессорами отвагу и мужество боевые товарищи назвали его Абу Фахд, то есть Пантера.

История палестинского патриота стала известна авторам от председателя «Клуба советской литературы» в сирийском городе Латакия Яхьи Раи.

Последний прыжок пантеры

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

Смахнув пушистым перьевым веничком пыль с лобового стекла, молодой человек обошел вокруг автомобиля, попробовал ногой скаты, затем открыл дверь и сел за руль. Включил зажигание и напряженно вслушался в работу двигателя. «Машина что надо,— с удовлетворением подумал юноша.— Такая не подведет».

Часы показывали четверть седьмого. Закурив, молодой человек повернулся назад и стал развязывать большой сверток, который с трудом умещался на заднем сиденье. Узел не поддавался. «Неужели волнуюсь?» — с горькой усмешкой подумал он. Несколько раз сильно дернул веревку и стал наматывать ее на согнутую в локте руку. Потом вышел из машины и выволок сверток. Юноша потянул его за край, и разноцветное одеяло стало послушно разматываться.

— Привет, Тони!— С этими словами он поднял с земли манекен, одетый в модный светлый костюм.— Сейчас мы тебя чуток отряхнем, поправим галстук — и чем не преуспевающий бизнесмен, отправившийся в деловой вояж?! Ну, а я вполне сойду за шофера.— Юноша несколько раз провел щеткой по костюму, а затем и по пышной шевелюре манекена.— Ты уж прости меня, старина. Я не взял бы тебя с собой. Но что поделаешь, если эти подонки открывают огонь без предупреждения, когда видят в машине одного человека[1]. Не робей, полезай!

Юноша ловко усадил манекен на заднее сиденье.

— Ну вот, теперь порядок,— сказал он.— Можно ехать.

Дорога была отвратительная. То и дело приходилось объезжать завалы, разбитые и брошенные повозки, груды щебня, исковерканные балки и куски арматуры. Солнце уже стояло высоко в голубом небе, но над небольшой южноливанской деревушкой Базурия оно было грязно-серого цвета. Над развалинами домов поднимались черные клубы дыма. Обезумевшие от горя и страха люди куда-то тащили детей, спасали от огня нехитрый скарб.

«И здесь они уже успели побывать,— с ненавистью подумал юноша.— Ничего, я им напомню, кто хозяева на этой земле!» И он нажал на педаль газа, стремясь скорее покинуть страшное место.

[1] Согласно «правилам поведения» на оккупированных территориях, израильтяне в целях безопасности требовали, чтобы с водителем ехал в машине еще как минимум один пассажир.

— Ахмед! Ахмед! Ну куда запропастился этот негодный мальчишка? — кричала, выглядывая из-за невысокого забора, женщина.— Отец, чувствует мое сердце неладное.

— Успокойся, Лейла. Никуда он не денется,— раздался в ответ из глубины дома грубоватый мужской голос. На пороге появился высокий мужчина лет пятидесяти. Он медленно пересек небольшой дворик, поеживаясь от вечерней прохлады, и подошел к жене.— Не волнуйся, я тебе говорю. Сейчас они оба явятся.

— Как, ты и девочку послал за ним?

— А кто же лучше Варды может знать, где ее брат? Иди-иди.— Он ласково подтолкнул жену к дому.— Пора ужинать. Вскипяти-ка чай и разогрей лепешки. Дети придут и наверняка захотят есть.

Мужчина вытащил из кармана кисет и, не торопясь, набил трубку. Но и ему, видно, было тревожно. Несколько раз глубоко затянувшись, он подошел к забору и стал нетерпеливо вглядываться в темноту.

Вдруг где-то недалеко прозвучало несколько выстрелов, послышался противный вой сирены полицейского автомобиля.

— Отец, ты слышал? Опять стреляют. О аллах, да где же они? — В дверном проеме стояла Лейла.

— Ты опять за свое! С чего ты взяла, что дети обязательно должны быть там, где выстрелы?

Но в словах мужчины чувствовались нотки беспокойства.

— Как к этому привыкнешь? — чуть слышно проговорила женщина.— Только вчера наша соседка Ум-Хасан рассказывала, как ее племянника ни с того ни с сего схватил на улице израильский патруль. Отобрали бидон с молоком, вылили в грязь и заставили пить прямо из лужи. А потом избили.

— Кончай причитать. Вон они идут.

В комнату вбежали паренек лет четырнадцати и девушка чуть постарше его. Оба с трудом переводили дыхание.

— Я так и думала,— снимая с головы черный платок, быстро заговорила девушка,— он был у дядюшки Али. Вместе с другими ребятами помогал ему собирать уцелевший виноград.

— Какой еще виноград? — вскричал отец.— Хотите, чтобы вас схватили эти подонки?! Мать себе места не находит, а ты мне каким-то виноградом голову морочишь.

— Но, папа, послушай,— робко начал юноша, не отрывая глаз от пола.— Вчера мы с ребятами играли рядом с домом дядюшки Али. Вдруг подкатил израильский «джип». Из него вылезли солдаты и вошли в дом. Почти сразу же мы услышали шум и крики. Израильтяне выволокли дядюшку из дома во двор, ударом приклада свалили на землю, избивали ногами. Потом дубинками крушили все вокруг. Солдаты покалечили почти все виноградные лозы.

— И вы решили пойти помочь старику? — прервала Ахмеда мать.

— Да, но только там мало что осталось. Сад погиб.

— Просто бандиты какие-то! — заплакала Варда.— Все поганят, рушат, жгут. Сколько же можно терпеть?

— Успокойся, дочка.— Отец подошел к ней и прижал ее голову к своей груди.— Не стоят они твоих слез. Эти шакалы готовы растерзать тех, кто слабее. Но придет час...

— Ладно, давайте ужинать,— прервала его мать.— Лепешки не очень свежие, зато вкусные. Садитесь.

Дорога будто вымерла. «Вот всегда так,— с раздражением думал Ахмед,— когда не надо, они тут как тут, а когда сам ищешь встречи, словно сквозь землю проваливаются». Управляя одной рукой и не сводя глаз с дороги, он дотянулся до ящичка справа на панельной доске, открыл его и достал магнитофонную кассету.

— Ну что, Тони,— глядя через зеркало на своего неподвижного спутника, сказал он,— ты, я вижу, совсем заскучал. А как насчет музыки? Давай послушаем Марселя[2].

Щелкнул тумблер, и из динамиков полились первые аккорды знакомой до боли песни «Ансар».

...Ансар, колючая проволока, палатки,
прожектора,

Сторожевые вышки и охранники,
Это город, в котором живут
тысячи узников.
Город угнетения, страха и жажды.
Его имя — лагерь Ансар...

Марсель Халифа пел, а Ахмед негромко вторил ему и переживал недавнее прошлое...

— Эй, ты, собака, на выход!

[2] Марсель Халифа — известный ливанский композитор и исполнитель песен борьбы.

Г. Ларишев. Род. 1929. СНЕГУРОЧКА.

Федоскино,

М. Чижов. Род. 1923.

ПРАЗДНИК РУССКОЙ ЗИМЫ.

В. Антонов. Род. 1936. ПРЯХИ.

Федоскино.

ПРАЗДНИК В ФЕДОСКИНО.

Дверь одиночной камеры со скрипом открылась, чьи-то руки схватили Ахмеда за шиворот и выволокли в коридор. По глазам резанул свет. Тусклые лампочки лагерного барака после многочасовой темноты слепили юношу, как маленькие солнца.

— Ну же, держись на ногах! Что, коленки дрожат? Сейчас немного разомнешься.— И израильский охранник громко захохотал.

Понукаемый охранником, Ахмед вышел из барака. Прямо перед собой он увидел небольшую квадратную площадку, окруженную вытянутыми, приземистыми постройками. В проемах между ними виднелись высокие бетонные рогатки с колючей проволокой, а за ними, насколько хватало взгляда, тянулись ровные ряды палаток. Ахмед чуть поднял глаза и увидел высокие сторожевые вышки с торчащими стволами крупнокалиберных пулеметов. Солнечные лучи отражались в выпуклых зрачках больших прожекторов.

«Да, отсюда не убежишь»,— с тоской подумал юноша.

Охранник подвел его к противоположному зданию, которое отличалось от соседних разве что более широкими проемами окон, хотя и на них были решетки, и сдал с рук на руки другому солдату.

— Еще одну птичку привел? — осклабился тот.— Сейчас мы послушаем, как она поет.— И гаркнул Ахмеду в лицо: — Чего ждешь? Входи!

Израильский следователь не спешил начинать допрос. Когда Ахмеда ввели, он даже не поднял глаз от бумаг и продолжал что-то писать. Услышав доклад охранника, коротко бросил: «Свободен!» Дверь захлопнулась. Юноша с ненавистью рассматривал израильского офицера. Большие залысины на лбу, несколько приплюснутый нос, тяжелый подбородок, тонкие, нервные губы под узкой полоской черных усиков.

— Имя?.. Ты что, плохо слышишь? — Офицер впервые поднял на него глаза.

Ахмед назвал себя. На него, не мигая, смотрели бесцветные, ничего не выражающие маленькие глазки-буравчики.

— Откуда?

— Из Акки.

— Как же тебя занесло в Ливан?

— Попутным ветром.

— Не советую шутить. Хочешь жить — говори правду.— Голос следователя становился все громче.— Хотя ты и не имеешь на это права, грязный террорист. Тебя спасет только чистосердечное раскаяние. Понял? Для начала скажи, где расположена ваша база.

Ахмед предполагал, что его об этом спросят, и, не задумываясь, ответил:

— У нас нет постоянного места. Кочевали, как бедуины, по разным районам.

— Ложь! — Следователь еще больше повысил голос.— Ты думаешь, мы не знаем вашей тактики? Хорошо, я спрошу тебя о другом. Где вы брали оружие? С кем поддерживали связь в городе? Ваши явки? Ну!

Молчание Ахмеда все сильнее распаляло его. Он вскочил с места и забегал по комнате.

— Будешь говорить, сволочь? Будешь?!— С этими словами офицер подбежал к юноше и ударил его по лицу. Потом еще и еще....

Ахмед упал. Один из ударов пришелся по больному плечу, и юноша, не в силах сдержаться, закричал.

— А, гаденыш, проняло! — как будто издалека услышал он злорадный голос израильтянина.— Ты у меня все равно заговоришь!

Посыпались новые удары. Увидев, что жертва лежит неподвижно, следователь вызвал двух охранников.

— Приведите его в чувство! А потом пускай понежится в «баньке». Только смотрите не переусердствуйте. Он мне нужен живым.

Израильтяне выволокли его на улицу и окатили водой из ведра. Увидев, что юноша зашевелился, один из охранников злобно прошипел: — Очухался, щенок! Тогда топай сам. Здесь недалеко.

Ахмед с трудом поднялся на ноги и, слегка пошатываясь, пошел.

— Стоп! — услышал он окрик и, опустив глаза, увидел, что стоит на краю узкой глубокой ямы, похожей на окоп для одиночного стрелка. Такие он сам рыл во время партизанских засад.

— Что смотришь? Полезай! Здесь тебе будет удобно! — Охранник злобно засмеялся.

Ахмед неловко спрыгнул на дно ямы — боялся задеть больное плечо. И сразу же сверху стал сыпаться раскаленный песок. Он забивал глаза, нос, уши, рот, вызывал нестерпимую боль. Солдаты, быстро орудуя лопатами, засыпали его с двух сторон.

«Неужели они хотят закопать меня живым?!» Он дернулся всем телом, пытаясь вырваться.

— Не рыпайся! — послышался голос охранника.— Мы не собираемся закапывать у себя под носом всякую падаль.

Теперь над землей торчала лишь одна голова. Подбородок Ахмеда упирался в песок— он мог лишь слегка повернуть голову.

Охранники отбросили лопаты и, закурив, стали удаляться к баракам. Вдруг один из них вернулся. Прямо перед своим лицом Ахмед увидел высокие, на толстой подошве ботинки охранника. Через секунду юноша почувствовал, как на него полилась моча. Ахмед завертел головой, напрягая все силы, рванулся, но еще глубже погрузился в горячий песок.

Охранник ушел. По щекам Ахмеда катились слезы бессилия. «Я все выдержу,— твердил он,— все перенесу. Только бы вырваться отсюда и отомстить...»

Лишь теперь он почувствовал, как нестерпимо горячи солнечные лучи. «Отвлечься, во что бы то ни стало отвлечься,— подумал он.— Иначе не выдержу».

Как хорошо все начиналось! Они с Хасаном и Халедом скрытно подобрались к дороге Тир—Сайда, по которой регулярно курсировали израильские танки и бронетранспортеры, заложили мину и двинулись в обратный путь, в отряд. Кто же первый предложил завернуть в эту проклятую деревушку? А, впрочем, какая разница! Все равно никто не возражал. После тяжелой лагерной жизни кому не хотелось отдохнуть на нормальной кровати, поесть домашней пищи! Хозяин, казалось, с радушием принял трех вооруженных бойцов. Сам принес воды умыться, усадил за стол, сытно накормил. Постелил всем троим в одной комнате, пожелал спокойной ночи и плотно затворил за собой дверь.

Пробуждение было ужасным.

— Выходите, палестинские бандиты! — загремел как будто над самым ухом усиленный мегафоном голос.— Сопротивление бесполезно, вы окружены!..

Ахмед первым подскочил к окну и сквозь листву фруктовых деревьев ясно увидел фигуры людей в ненавистной форме.

— Выходите или будем стрелять,— повторил все тот же голос.

Щелкнул затвор. К окну подошел Халед, стволом автомата высадил стекло и приготовился открыть огонь.

— Постой! Может, удастся все же выбраться.

Ахмед подбежал к двери и толкнул. Она не поддавалась.

— Этот гад, видимо, подпер дверь снаружи чем-то тяжелым. Вот и попались. Мышеловка захлопнулась. Будем...— Слова Ахмеда прервала пулеметная очередь.— Будем пробиваться! — сказал Ахмед.— Приготовиться к бою! За мной!

Ахмед проскользнул сквозь узкий проем окна, упал и мигом откатился в сторону. И сразу же ударил по врагам короткими очередями. Через мгновение рядом застрочили еще два автомата.

В это время раздался взрыв. Ахмед почувствовал, как чудовищная сила отрывает его от земли, и потерял сознание...

Солнце, казалось, с каждой минутой жжет все сильнее. Хотелось пить. Во рту все пересохло, и распухший язык затруднял дыхание. Перед глазами плыли оранжевые круги. Все чаще и чаще Ахмед терял сознание. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног, ни тела. В короткие минуты просветления ему чудилось, что живет одна голова, которая словно бы разбухает. «Воды! Воды!» — помимо воли хотел закричать он, но из пересохшего горла вырывался едва слышный хрип.

Очнулся в камере. Не веря, что жив, Ахмед попробовал пошевелить рукой, потом другой. Осторожно, опираясь на стену, стал медленно подниматься. Колени еще до конца не разогнулись, а голова уже уперлась в неровный потолок.

— Ну вот, я опять в могиле,— тихо проговорил он. Инстинктивно хотел испытать, не отказал ли голос.

Ахмед невольно вздрогнул, когда до него донеслись приглушенные стенами душеразди-

Федоскино

Русские художественные лаки. Таинственный, загадочный Палех с его золотым сиянием штриха, картинные миниатюры Холуя, светлые тона Мстеры с непременным кантом-орнаментом, жемчужные переливы Федоскина. Все здесь чудо, сказка. Всё Русь с ее народными старинными и современными обычаями.

Федоскино — старейший из промыслов. Поблизости от этого подмосковного села, в тридцати пяти километрах к северу от столицы, в самом конце XVIII века было основано небольшое мануфактурное производство лакированных вещиц из папье-маше. Выпускались в основном табакерки — круглые, прямоугольные, овальные. Нарядные изделия пришлись по душе в широких кругах общества. Были они в разную цену, и все же спрос оказался велик: в 1804 году, например, произвели и распродали тринадцать с половиной тысяч табакерок. В сочинении «Москва и москвичи», изданном в 1842 году, М. Загоскин писал, что табакерки, работанные в России, «по своей отличной отделке, изящной форме, живописи, а особенно по необычайной прочности своего лака решительно превосходят знаменитые браунвейгские».

Мода на табак проходила, и лаковая живопись появилась на чайницах, обложках альбомов, подносах, даже на небольших инкрустированных столешницах, стульях.

Поначалу оформление было не очень самостоятельно: наклеивали и залакировывали гравюры, делали робкие росписи, все больше копии, писали галантные сценки, роскошных дам в декольте, портреты знатных особ. Но чужеродное постепенно отторглось, и возникли родные пейзажи, виды Москвы и Петербурга, изображения славных мужей Отечества: Суворова, Кутузова, героев 1812 года.

А когда стали делать подкладку из перламутра и фольги да расписывать их по-сквозному — тонкими слоями-лессировками, и без того привлекательная поверхность радужно засветилась, заиграла будто алмазными гранями. Темпераментный художник увидел в новом материале созвучие искрящемуся снегу в ясный морозный день, и вот уже помчались по крышкам ларцов и музыкальных шкатулок лихие зимние тройки, завьюжил снег из-под копыт. А нежная кисть другого мастера, с лирическим складом души, искала тающие краски молочно-голубых далей и мягкое свечение предрассветного неба.

Художники-ремесленники из крестьян, из трудового городского люда пользовались приемами, заимствованными у народного искусства. Они охотно, хотя и с наивностью, воплощали популярные мотивы басен Крылова, делали цветные копии с распространенных лубков и трогательных сюжетов станковой живописи. Изображали опоэтизированные сценки крестьянского быта, чаепития. Писали нехитрые сельские праздники, удалые пляски и миловидные девичьи лица, головки, убранные кокошниками, лентами,— задумчивых, тихих дочерей России.

Были у этого промысла свои взлеты и спады, периоды расцвета и почти полного исчезновения — к началу двадцатого столетия. Но прошли годы, он ожил вновь стараниями теперь уже получивших специальное образование профессиональных мастеров, которые любят это искусство и оберегают его самобытность. На небольшой поверхности в десять, пятнадцать, двадцать, редко за тридцать квадратных сантиметров возникают целые повествования с десятками действующих лиц. Все это живет, взаимодействует, движется, вызывая в нашем восприятии яркий, запоминающийся образ уникального художества — русских лаков.

О. НЕМИРОВСКАЯ

рающие крики. «Что меня ждет? Неужели может быть что-то страшнее ямы?..»

Юноша прилег на грязный пол. Вспомнился отряд. Конечно же, их давно хватились и теперь разыскивают. Да что толку! Ансар — это не полицейский участок. Штурмовать такой огромный лагерь с многочисленной и хорошо вооруженной охраной нашим явно не по зубам.

Постепенно сон сморил юношу.

— Ну что, очухался?

Ахмед вздрогнул и открыл глаза. Он даже не слышал скрипа отпираемой двери. Перед ним стоял тот же охранник.

— Долго я буду ждать? Или тебе особое приглашение требуется? Встать! — заорал он.

По размерам комната, в которую его привели, была точной копией предыдущей. Такой же большой стол, табурет. Только там была еще одна дверь. За столом рядом с уже знакомым следователем сидел еще один человек, одетый в израильскую военную форму без знаков отличия. Он внимательно разглядывал Ахмеда. Следователь жестом указал юноше на табурет.

— Ты думал, что я так просто дам тебе окочуриться? — злобно начал он.— Не надейся. Хотя это от тебя не уйдет, если будешь запираться.

Опять градом посыпались вопросы. Юноша упорно молчал.

— Может, это развяжет тебе язык? — Следователь достал из ящика и бросил на стол толстую пачку зеленоватых купюр.— Смотри, это не ваши паршивые лиры, а настоящие американские доллары. На них ты сможешь неплохо пожить. Собственный дом, лучшие рестораны, шикарные девочки. Что скажешь?

— Я ничего не знаю и на вопросы отвечать не буду.

— Как это не знаешь, голубчик? — вкрадчиво проговорил следователь.— Разве не ты стрелял в наших солдат? Твои дружки оказались умнее. Тоже запирались вначале, но быстро поняли свою выгоду и все выложили.

— Тогда что вам от меня надо?

— Подтверждения,— заюлил следователь.— Подтверждения, и только. И не задаром.— Он еще раз указал рукой на деньги.

Ахмед все понял. Израильтянин явно переигрывал. Отвалить кучу денег за известные уже факты — чушь. «Значит... Значит, ребята погибли,— с горечью решил он.— И теперь из меня хотят сделать предателя. Никогда».

— Ну же, ну же,— понукал следователь.— Я жду.

— Я все сказал.

Израильтянин сорвался с места, подскочил к юноше и взмахнул дубинкой. У израильтянина, видно, был немалый опыт в таких делах. Ахмед отлетел к стене, сполз на пол и, поджав колени, подготовился к новой порции ударов. Но их не последовало. Неожиданно заговорил до сих пор равнодушно наблюдавший за избиением второй израильтянин. Но что это? Обычно друг с другом они говорили на иврите, который Ахмед хорошо понимал. А тут английская речь с характерным американским произношением. На мгновение он даже забыл о боли. «Американец? Откуда?» — пытался понять он. Еще недавно этот язык доставлял ему столько хлопот. Без английского нечего было и думать поступить в Бейрутский университет на факультет журналистики.

— Из этого парня так ничего не выколотишь,— услышал он.— На таких фанатиков я насмотрелся еще во Вьетнаме. У них не так-то просто развязываются языки. Прикажи-ка его привязать к табурету.

Солдаты схватили Ахмеда, рывком усадили на табурет и крепко прикрутили к нему веревками. Американец не смотрел на юношу. Ленивым движением он взял со стола пачку сигарет, достал одну, щелкнул зажигалкой и несколько раз глубоко затянулся. Наконец встал и подошел к Ахмеду. Указательным пальцем ловко сбил пепел и вдруг молниеносным движением прикоснулся горящей сигаретой к шее юноши. От нестерпимой боли тот дернулся и закричал.

— Говори,— на ломаном арабском потребовал американец.— Иначе я продырявлю твою шкуру.

— А-а-а! — Дикий крик вырвался из груди юноши, когда сигарета коснулась лба.

— Я вижу, ты упрямая скотина,— услышал он злобный голос своего палача.— Подумай, пока не поздно. Ведь ты еще так мало видел в жизни, а в ней столько прекрасного!

Как зачарованный, следил Ахмед за красным огоньком, который, как бы он ни вертел головой, все время оказывался на уровне глаз. Вот он все ближе, ближе...

— На сегодня хватит,— вдруг неожиданно сказал американец и затушил сигарету в услужливо протянутой следователем пепельнице.— Теперь пусть поразмыслит и решит, что запирательство бесполезно...

В камеру впервые за последние несколько суток принесли воды и миску какого-то пойла.

На следующий день Ахмеда, как он и ожидал, опять вызвали на допрос. На этот раз дверь в смежную комнату была приоткрыта, и он увидел, как американец возится возле какого-то большого кресла.

— Ну, ты хочешь жить или нет? — отвлек его вопрос следователя.

— Хочу, но не предателем.

— Глупый ишак! — заорал израильтянин.— Неужели ты не понимаешь, что это твой последний шанс?

— О'кей. На нем и испробуем,— раздался из соседней комнаты голос американца.

По его приказу охранник с какой-то нерешительностью и опаской подвел Ахмеда к креслу и толчком в грудь усадил его.

— Ноги на подножку, руки на подлокотники! — скомандовал американец.

Он сидел за столом перед прибором со множеством кнопок и лампочек. Нетерпеливым жестом он подозвал следователя.

— Запоминай.

С шипящим звуком шея, руки и ноги Ахмеда оказались намертво прижаты к креслу стальными захватами.

— Теперь пациент готов к снятию электрокардиограммы,— услышал он довольный смех американца.

На глазах у Ахмеда он передвинул какой-то рычажок и нажал кнопку. Дикая, ни с чем не сравнимая боль пронзила все тело юноши. Не в силах сдержаться, он закричал и забился в конвульсиях.

— Ну что же, приступим.— Следователь удовлетворенно потер руки.— Итак, где расположена ваша база?

Молчание. Разряд тока. Дикий крик.

Скоро смысл вопросов уже не доходил до помутившегося сознания юноши. Очередной удар тока — и все кануло в небытие...

— Абу Фахд! Абу Фахд! [3]

Кто-то осторожно тряс его за плечо. «Неуже-

[3] Абу Фахд — пантера (арабск.).

ли они узнали мою боевую кличку? Ведь так меня звали только в отряде». Юноша с трудом открыл глаза.

— Юсеф, ты? — От неожиданности Ахмед хотел приподняться, но сразу же со стоном откинулся назад на подложенное под голову одеяло.— Откуда?

— Я, я, Абу Фахд! — радостно ответил друг.— А мы уже боялись, что ты так и не придешь в себя.

Только теперь юноша увидел склоненные участливые лица еще двух боевых товарищей.

— Керим! Хусейн! Друзья, значит, вы отбили меня у израильтян?

— Нет, Абу Фахд,— ответил за всех Керим.— Мы, как и ты, узники Ансара. Но теперь мы вместе, а это — главное.

Становилось все жарче. Открытые окна машины почти не спасали от летнего зноя. Но Абу Фахд, казалось, не замечал его. Он напряженно всматривался вдаль, пытаясь увидеть пыльный шлейф израильской колонны. Но его все не было.

— Может, ты все же не пойдешь? —Варда с мольбой смотрела на отца.— Ведь они способны на все.

— Если мы будем отсиживаться по домам, то тогда эти собаки совсем перестанут с нами считаться. Пора показать, что мы не намерены терпеть постоянные издевательства и по праву хотим, чтобы наши дети жили счастливо на земле своих предков.

— Но они же будут стрелять!

— Ничего. У нас тоже есть оружие — ненависть к захватчикам. А еще родная палестинская земля, на которой так много камней,— сказал он, подбрасывая на ладони внушительных размеров булыжник.

Уже пятые сутки в городе продолжались выступления палестинского населения против произвола сионистов. Демонстрации протеста превращались в жестокие схватки с полицией.

Поздно ночью послышался скрип калитки. Лейла выбежала во двор, держа перед собой керосиновую лампу. Прямо на нее, пошатываясь и держась обеими руками за голову, шел муж. Все его лицо и одежда были залиты кровью.

— О аллах! Что они с тобой сделали! — громко запричитала Лейла.— Дети, скорее сюда!

Брат и сестра бережно подхватили отца и ввели в дом.

— Воды, дайте воды,— разбитыми губами прошептал отец.— Ничего, им тоже досталось. Сволочи!

Ахмед подал воды и помог отцу раздеться. Варда осторожно стянула с его ног старые, поношенные башмаки. А мать тем временем стала протирать влажным полотенцем кровоподтеки на лице мужа. Он изредка сквозь зубы стонал.

Вскоре он заснул. А рано утром прибежала соседка Ум-Хасан и рассказала Лейле, что минувшей ночью израильтяне устроили погромы в нескольких кварталах города, убили многих жителей, еще больше арестовали, а их дома снесли бульдозерами.

— А сейчас, ты только взгляни, два грузовика с солдатами остановились на нашей улице.— Ум-Хасан схватила Лейлу за рукав и почти потащила к калитке.— Смотри, видишь вон там, у мастерской Фариси, столпились солдаты?

— Вижу, вижу. О аллах, что же это творится?!

Ответом были два сильных взрыва, раздавшихся почти одновременно. На месте только что стоявших мастерских поднимался высокий столб черного дыма. Точно такой же столб виднелся и над одним из домов. Насмерть перепуганная соседка, громко всхлипывая, убежала к себе. Грузовики с солдатами развернулись и уехали. А Лейла все стояла, не двигаясь, и только ее пальцы судорожно теребили край фартука.

В себя ее привело ласковое прикосновение дочери.

— Мама, пойдем домой.

— Пойдем. Отцу надо дать лекарство и приготовить что-нибудь поесть...

Вскоре завтрак был готов, и мать начала разливать по чашкам чай, как вдруг совсем рядом раздался шум подъехавшей машины. С чайником в руке она подошла к двери, приоткрыла ее и тут же захлопнула.

— Они... это они,— сдавленным голосом проговорила мать.

— Ну вот, пришла и наша очередь,— как-то неестественно спокойно сказал отец.— Дочка! Живо в комнату, а оттуда через окно и в сад!

Но девушка не успела сделать и двух шагов, как дверь распахнулась от сильного удара. На пороге стоял израильский солдат с автоматом наперевес. Угрожающе молча он переступил порог. За ним вошли офицер и еще трое солдат.

— Ну что, палестинская собака! — смотря прямо на отца, заговорил офицер.— Может, и ты скажешь, что не участвовал в беспорядках?

— Я болен и все эти дни находился дома.

— Встать! — срываясь на визг, заорал израильтянин.

По приказу офицера двое солдат подскочили к стулу, на котором сидел отец. Один грубо оттолкнул стоящую за его спиной Варду, а другой с размаху ударил его прикладом. К упавшему мужу с воплем бросилась Лейла. Но солдат, стоящий рядом, успел подставить ей ногу, и бедная женщина упала на пол.

Ахмед, который все это время возился на чердаке, услышав странный шум в доме, подошел к вентиляционному отверстию и заглянул внутрь комнаты. То, что он увидел, заставило его побледнеть от страха.

— Что вы делаете?! — закричала Варда. Забыв обо всем на свете, она наскочила на офицера и стала бить его кулаками по лицу. Один из солдат схватил Варду за волосы и рывком отбросил назад.

— Даю тебе, грязная скотина, десять секунд. Или ты признаешься в терроризме, или...

Ахмед не слышал этих слов, но видел, как отец с трудом поднялся с пола, выпрямился и плюнул офицеру в лицо. От ужаса юноша зажмурил глаза. Снизу донеслись тяжелые удары, и все стихло. Он заставил себя посмотреть.

Израильский офицер сидел на стуле и платком брезгливо вытирал лицо. Рядом на полу без движения в луже крови лежал отец. В истерике билась мать. Ахмед заметил, что глаза офицера были неотступно обращены на его сестру. Варда, как затравленный зверек, забилась в угол и широко раскрытыми от страха глазами наблюдала за происходящим. Офицер сделал знак одному из своих солдат, что-то тихо сказал ему. Тот, ухмыльнувшись, поставил автомат рядом с дверью и двинулся к девушке. Одной рукой он схватил Варду за волосы, а другой начал срывать одежду. Она что было сил отбивалась и кричала. Потом, изловчившись, сильно ударила его головой прямо в лицо. Солдат схватился за разбитый нос, из которого хлестала кровь. Этого мгновения девушке было достаточно, чтобы вырваться. Она кинулась к столу, схватила нож и с криком: «Прощайте, родные! Брат, отомсти за нас!» — вонзила его себе в грудь.

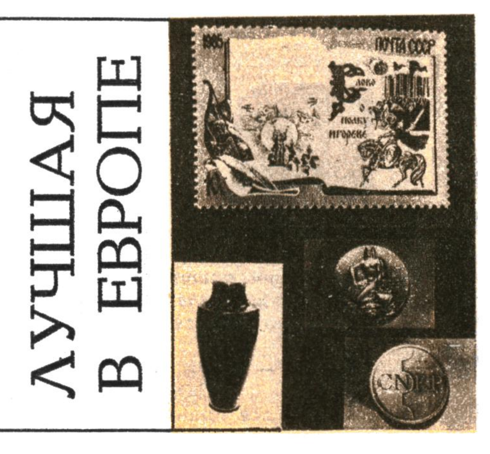
Ахмед в ужасе отпрянул от вентиляционной решетки. Ничего не соображая, выбрался через чердачное окно на крышу, спрыгнул на землю, пробежал через сад и прижался к земле за забором соседнего дома. Происходящее медленно доходило до его сознания. Паренек поднял голову и сквозь щель в заборе увидел выходящих из его дома израильтян. Двое из них подошли к «джипу» и почти сразу же вернулись, сгибаясь под тяжестью большого ящика. Они занесли его в дом. Офицер с другими солдатами уселись в машину и, судя по напряженным лицам, с нетерпением ждали отсутствующих. Вскоре те выбежали из дома, прыгнули в уже отъезжавший «джип».

Ахмед было привстал, как вдруг какая-то неведомая сила вновь бросила его на землю. На его глазах дом стал оседать и через мгновение превратился в груду дымящихся развалин...

...Все ближе и ближе израильская автоколонна. Сквозь неплотную завесу пыли уже отчетливо видны хищный ствол и вгрызающиеся в асфальт гусеницы переднего танка. Абу Фахд все сильнее жал на педаль газа. «Брат, отомсти за нас!» — слышался ему предсмертный крик сестры.

На огромной скорости машина врезалась в середину автоколонны. Раздался мощный взрыв. Большой заряд взрывчатки, спрятанный в багажнике, сделал свое дело. Последний прыжок Пантеры был неотразим.

Лучшая в Европе

СОВЕТСКАЯ ПОЧТОВАЯ МАРКА «800 ЛЕТ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» ПРИЗНАНА ЛУЧШЕЙ В ЕВРОПЕ.

Парижские филателистические салоны — авторитетные и представительные собрания знатоков почтовой марки. И тем приятнее сообщение о том, что 39-й осенний салон признал советскую марку «800 лет «Слова о полку Игореве» лучшей в Европе в 1985 году.

Мы беседуем с руководителем делегации советских филателистов заместителем министра связи СССР **Леонидом Дмитриевичем Барашенковым.** Он показывает марку и завоеванный ею почетный приз, учрежденный президентом Франции,— вазу севрского фарфора.

— Осенние парижские филателистические салоны отличают широта, представительность, высокий личный авторитет и глубокие знания членов жюри. Салоны проводит «Палата негоциантов и экспертов», а также Федерация филателистических союзов Франции. И на этот раз работа салона была отмечена обстановкой деловой доброжелательности, четкостью выдвинутых критериев и оценок.

Представленный нами годовой комплект советских марок 1985 года вызвал неподдельный интерес собравшихся и был весьма высоко оценен ими. Уже в первые часы работы салона выявилась марка-лидер. Отмечались ее изящество, точное и образное воплощение непростой темы...

— Расскажите, пожалуйста, о процедуре присуждения первенства...

— Двадцать пять членов жюри ответственно обсудили все, что полагается обсудить, выявляя лучшую европейскую марку года. Двадцать два голоса свидетельствовали: марку «800 лет «Слова о полку Игореве» признать лучшей. Автор марки — художник-постановщик «Мосфильма» Александр Толкачев. Это не первая его работа в жанре почтовой миниатюры.

Мы преподнесли лучшую марку года Министерству связи Франции, президенту филателистического салона, Союзу филателистов страны и Музею почты.

— Есть и такой?

— Музей открыт много лет назад, и, как говорили мне, никто еще не пожалел об этом. Этот музей охотно посещается не только филателистами. Почтовая марка — это и отражение истории, это свидетельство времени, это биографии выдающихся людей, это памятные даты и события. Словом, марка позволяет познакомиться с разными сторонами жизни нашей планеты. В парижском музее собраны многие марки — и когда-то признанные лучшими, и редкие; но и обычные, серийные, потому что без такой марки нет почтовой связи, нет филателии.

Подтверждением тому стали и тематические коллекции, которые наши филателисты показали в дни работы салона. Здесь были рассказы о Симбирске — Ульяновске, о Сталинградской битве, о героях Великой Отечественной войны, о Москве и Архангельске... Было приятно увидеть и узнать, что и в Музее и в Академии филателии (есть и такая!) неплохо знают советскую почтовую миниатюру, с уважением и пониманием к ней относятся.

К. БАРЫКИН

...С ОДИНАКОВОЙ ЛЕГКОСТЬЮ КАПАЦЫН ОСВОБОЖДАЛ ОТ НАКАЗАНИЯ МЕЛКИХ ВОРИШЕК И КРУПНЫХ РАСХИТИТЕЛЕЙ, ХУЛИГАНОВ И МАТЕРЫХ ПРЕСТУПНИКОВ. ВСЕ ВИДЕЛИ ЭТО. И МОЛЧАЛИ...

«ЦЕНА» ПРИГОВОРА

Виктор ПОДКОВА

Вот как это было... Звонок не работал, в дверь постучали. Тушин пошел открывать. В комнату вступила женщина и нерешительно остановилась у стола.

— Прошу! — Тушин пододвинул ей стул.

— Вот... я все принесла.— Женщина поспешно достала из сумки два бумажных пакета.

— А-а,— равнодушно кивнул Тушин и приоткрыл дверцу бара.— Сюда, пожалуйста. — Захлопнул дверцу, так и не дотронувшись до пакетов.

Проводив гостью, вернулся в комнату.

И тут в дверь постучали снова. «Забыла чего-нибудь?»

В дверь не вошли, а скорее протиснулись, слегка даже оттолкнув хозяина, несколько человек. Тушин сразу и не разобрал, кто это, а когда пришел в себя, по спине пополз неприятный холодок. Перед ним стоял начальник городского ОБХСС Пирожников и с ним еще несколько сотрудников милиции...

Конечно, он их знал в лицо. Впрочем, здесь, в маленьком городке Лабытнанги, расположенном на самом севере Тюменской области, близ Салехарда, центра Ямало-Ненецкого национального округа, все друг друга знают. Тем более он, адвокат, постоянно встречался с сотрудниками милиции по работе, случалось и в одной компании бывать. Но чего это вдруг они без предупреждения ввалились всей оравой?..

— Вот ордер на обыск, гражданин Тушин,— протянул бумагу Пирожников.— Ознакомьтесь.— И пока тот, не успев еще испугаться, читал документ, продолжил: — Предлагаю вам добровольно выдать деньги и ценности, приобретенные преступным путем.

— Ничего подобного у меня нет...

...Обыск продолжался долго. Когда, наконец, открыли бар и спросили, что это там за пакеты лежат, Тушин криво усмехнулся:

— Очевидно, это то самое, что вы искали...

В пакетах оказалось восемь тысяч рублей. Деньги были помечены люминесцентным карандашом: «Взятка. БХСС». Операция по задержанию с поличным адвоката Тюменской областной коллегии адвокатов Ю. И. Тушина закончилась.

* * *

...Человек совершил преступление. И каким бы ни было оно отвратительным, близкие его воспринимают это как несчастье, случившееся именно с ним, с преступником, подчас даже не задумываясь, какой вред он нанес другому человеку, обществу. И, уж конечно, всеми силами пытаются помочь ему, порою даже в обход закона норовя облегчить неотвратимое наказание. Плохо это или хорошо, но так уж устроен человек, тут ничего не поделаешь. Работникам правоохранительных органов надо иметь воистину железные нервы, чтобы выдержать натиск, слезные просьбы, мольбы, а то, случается, и угрозы.

В особенности это касается судей. Ведь в конечном итоге именно за судом остается последнее слово. И дело даже не только в том, что практически в каждой статье закона есть пределы «от» и «до». Судья может вообще не согласиться с выводами предварительного следствия, квалифицировать действия обвиняемого по другой статье, ужесточить или, наоборот, назначить наказание, не связанное с лишением свободы. Словом, наш закон очень много оставляет на совести судьи, может быть, даже слишком много. Недаром должность народного судьи у нас выборная, что, по идее, должно исключать утверждение на этом ответственном посту недобросовестных людей.

И тем не менее случается всякое.

...Сейчас уже вряд ли кто упомнит, когда по Лабытнангам впервые пополз слух о том, что к председателю городского суда Капацыну можно «подъехать», заплатив приличную сумму. Во всяком случае, довольно скоро это стало известно многим. В маленьком городке вообще трудно что-либо скрыть, а уж такое и подавно.

И вот к Капацыну стали обращаться за помощью. У одной сын арестован за хулиганство, у второго жена работала в магазине да «проторговалась»... Капацын не брезговал ничем, если, конечно, его устраивала цена.

Делалось все просто. Родственники обвиняемого искали кого-нибудь из близких знакомых Капацына и просили «походатайствовать» перед председателем суда. Ну, а если общих знакомых не находилось, тогда обращались к адвокату Тушину. Иной раз и сам Капацын, выслушав ходатая, переадресовывал его к Тушину. Ну, а уж тот умел заломить цену.

Проворачивая крупные дела в компании с Капацыным, Тушин не брезговал и «мелочами». Когда к нему обращались с просьбой о юридической консультации или защите в суде, он заламывал суммы, несообразные с установленными законом расценками. Люди доверчиво платили, не требуя квитанций. И в целом переплаты выглядели далеко не мелочью.

ИЗ ПРИГОВОРА: «Преступными действиями Тушина причинен материальный ущерб Ковалеву — 940 рублей, Ивановой — 150 рублей, Федоровскому — 789 рублей, Лукиной — 824 рубля, Губиной — 523 рубля, Клесовой — 275 рублей, Фогелю — 747 рублей, Митюковой — 222 рубля...»

Все факты, конечно, до суда не дошли. Остается лишь предполагать действительный размах махинаций. Золотой дождь сыпался на Тушина с двух сторон: ведь простаков на свете немало. Бывали случаи, когда, получив деньги за участие в процессе, он даже не являлся в суд.

Удивительно, но факт: в небольшом городке, где все видят и слышат, фирма «Капацын и Тушин» тем не менее благополучно процветала несколько лет. Компаньоны не утруждали себя придумыванием детективных «ходов», не запутывали следов, орудовали почти в открытую. Что касается Капацына, то он действовал еще наглее сообщника.

ИЗ ПРИГОВОРА: «Сестра обвиняемого Протасова, боясь, что приговором суда брата лишат свободы, и зная, что ее сожитель Колобанов знаком с председателем суда Капацыным, стала просить Колобанова путем дачи взятки Капацыну договориться с последним назначить меру наказания, не связанную с лишением свободы. После этого Колобанов встретился с Капацыным в его служебном кабинете и пообещал ему деньги. Капацын согласился. ...За несколько дней до суда Колобанов опять пришел в служебный кабинет и передал ему 1000 рублей. Народный суд под председательством Капацына вынес Протасову приговор, где ему было назначено наказание в виде исправительных работ. Протасов был освобожден из-под стражи».

Вот так, прямо в служебном кабинете, без опаски и без оглядки вершились гнусные дела. Впрочем, есть и более циничный пример. В тот раз обвиняемых было двое — Воронин и Шилишпанов. Насчет Воронина смекнула «подсуетиться» жена, выложила Капацыну 800 рублей. За Шилишпанова никто не хлопотал. В итоге Воронин получил один год исправительных работ, а Шилишпанов — два года лишения свободы.

А что же народные заседатели? Ведь это происходило на их глазах! Пусть они люди, как правило, не очень искушенные в юриспруденции. Но упорные слухи о том, что судья берет взятки, постоянные переквалификации на более мягкие статьи, явная нелогичность некоторых решений могли бы их насторожить. Увы, никто этого не заметил, не попытался хотя бы задним числом выяснить, насколько решения судьи согласуются с законами. Так что приходится говорить не столько о юридическом невежестве, сколько о недостатке чувства гражданского долга.

Когда мы видим рядом с судьей народных заседателей, это укрепляет нашу уверенность в справедливости приговора. Как бы там ни было, но судья тоже человек и не застрахован от ошибки. Его могут (и должны!) поправить заседатели, у которых не так уж мало прав. Но часто ли они ими пользуются? Увы, иной раз услышишь и такое: меня, мол, вызвали из моей «глубинки» в суд на две недели — заседать. То-то хорошо! Отдохну, истории всякие послушаю.

А вот фельдшер Лабытнангского медвытрезвителя Медведева в бытность свою народным заседателем, судя по всему, не только слушала «занимательные» истории. Она попутно набиралась опыта. И когда ее сын в компании с другими молодыми людьми попал под суд за хулиганство, «творчески» этот опыт применила. Недолго думая, собрала с родственников всех шести обвиняемых по 500 рублей и преподнесла их Капацыну. Он, конечно же, освободил хулиганов из-под стражи, назначив им наказания, не связанные с лишением свободы.

Чувствую закономерное возмущенное удивление читателя: а куда же смотрела прокуратура? Ведь в каждом процессе участвует прокурор! Уж он-то обязательно должен был заметить неладное!

Что ж, если бы не эти вопросы, может, вообще не стоило бы ворошить прошлое. Капацына, Тушина и иже с ними осудили, они получили по заслугам. Но удивительно, что в приговоре областного суда, который рассматривал дело, ничего не сказано ни о народных заседателях, ни о прокурорах, на глазах у которых Капацын совершал преступления. Можно подумать, что они вообще не участвовали в процессах. И потом, как же насчет надзора за рассмотрением дел в судах? Несколько лет Капацын выносил заведомо неправосудные приговоры, а надзорные инстанции, как говорится, и ухом не вели. Только когда Капацын был арестован, окружной суд начал лихорадочно отменять

сфабрикованные преступником приговоры.

Конечно, эта история потрясла маленький городок Лабытнанги. Для его жителей она была скорее страшной, чем странной. Действительно страшно, когда такой вот Капацын именем РСФСР вершит человеческие судьбы.

Но, увы, совсем непохоже, чтобы история эта стала хорошим уроком для местных властей. Ее не восприняли всерьез, к ней отнеслись как к досадной случайности, а не как к катастрофе, после которой необходимо сделать серьезные выводы. Ну, выявили преступление, ну, осудили преступников и... постарались поскорее обо всем забыть.

Конечно, такое вспоминать неприятно. Но ведь не в этом главное! Оно в том, чтобы люди были уверены: такого больше не повторится. А для этого надо было прежде всего досконально разобраться во всем происшедшем, привлечь к ответственности не только преступников, но и тех, кто до поры до времени закрывал на преступления глаза... И как результат — новое грубое нарушение социалистической законности.

Сразу после Капацына председателем Лабытнангского горсуда стал В. Кононов. Не проработав и года, он вынес явно неправосудный приговор гражданке Могутовой. И окружной суд поддержал его! Потребовалось вмешательство Прокуратуры и Верховного суда РСФСР, чтобы приговор был отменен. И опять все «спустили на тормозах». В. Кононова обсудили на оперативном совещании в областном отделе юстиции и... пожурили слегка. Тут уж остается только руками развести.

Конечно, трудно утверждать, что В. Кононов «пошел по стопам» Капацына, но факт остается фактом. Как и тот, что и на кононовское вольное обращение с законом местные власти по-прежнему смотрят, как говорится, сквозь пальцы. (Свидетельство тому — выступление газеты «Советская Россия» от 17 декабря минувшего года: фельетон П. Викторова «Охота на автора».) И соответствующим инстанциям надо бы серьезно над этим задуматься, вовремя принять меры. Кто знает, если бы Капацына и Тушина остановили в самом начале их «деятельности», всей этой истории могло бы и не быть. Но их не останавливали. Более того, инициатива задержания Тушина принадлежит не правоохранительным органам, а, так сказать, частному лицу.

ИЗ ПРИГОВОРА: «Свидетель Пирожников (начальник ОБХСС Лабытнангского ГОВД.— Ред.) в суде показал, что находящаяся под стражей Михайлова написала явку с повинной, где указывала, что Тушин вымогает у нее деньги для себя и Капацына, чтобы ей смягчили наказание. После того, как ее освободили из-под стражи в зале суда, она вновь заявила, что Тушин требует 8000 рублей, но ей жалко отдавать, так как деньги заработаны честным трудом. Деньги у нее были нами взяты, помечены люминесцентным карандашом («Взятка. БХСС») и сложены в два пакета. Были также спланированы мероприятия по задержанию Тушина с поличным. Около 20 часов мы с сотрудниками и понятыми зашли в квартиру, находящуюся на одной лестничной площадке с квартирой Тушина. Приблизительно в 20 часов в квартиру Тушина зашла Михайлова...»

А дальше произошло то, с чего начался этот очерк...

Но, оказывается, не только преступники получили кому что положено. История эта неожиданно «обернулась боком» и для начальника ОБХСС майора В. Пирожникова.

Еще в процессе следствия ему подбрасывали анонимные письма с угрозами, звонили по телефону. Но он, человек неробкого десятка, не обращал на это внимания. Прослужив в органах более двух десятков лет, сталкивался с различными ситуациями. Тем более раньше, как правило, он имел дело с откровенно уголовными элементами, отпетыми людьми, у которых оставались на свободе дружки и сообщники, способные на любые выходки и преступления. «Дружков» же Капацына, как свидетельствовал изъятый у него настольный календарь, точнее было бы назвать коллегами: все это должностные лица.

Вскоре записи в календаре дали о себе знать.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ В. ПИРОЖНИКОВА НАЧАЛЬНИКУ УВД ТЮМЕНСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА: «С момента возбуждения уголовного дела мною написаны десятки объяснений в различные инстанции и не вследствие нарушений мною норм УПК, а просто потому, что началась травля в отношении меня и моей семьи. Дочь-третьеклассницу в школе, где жена Тушина работает врачом, доводили до истерики, пытались через комиссию определить в школу слабоумных. Старшую дочь, десятиклассницу, тоже доводили до исступления. Жена в течение недели седая стала. Меня в прямом смысле выгнали из секретарей парторганизации: как объяснил замполит окружного отдела милиции, по указанию горкома... В горисполкоме обвиняли в антигосударственной деятельности... Прошу перевести меня на работу в Ямбург».

Конечно, такое заявление не красит майора милиции Пирожникова: всю жизнь боролся с преступниками, ни разу не дрогнул, а тут вдруг «сломался» без борьбы! Но в том-то дело, что не вдруг и не без борьбы. Он старался защищаться, доказать свою абсолютную правоту. Но неприятности посыпались градом со всех сторон — успевай поворачиваться. И не на него одного, фактически на всех, кто активно участвовал в разоблачении Капацына. Делалось это не явно, не в лоб и, уж конечно, без всяких документальных следов. А разговор, что называется, к делу не пришьешь. Тем не менее из-за этих «разговоров» жена, забрав детей, срочно уехала из города. Не вынесла травли.

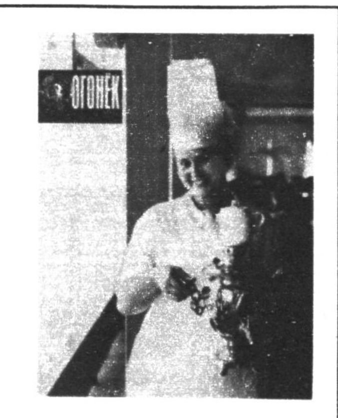
А что же окружные советские и партийные инстанции? Ведь наивно было бы думать, что, скажем, в окружкоме партии ничего не знают и не ведают. Обязаны знать и давно дать всему происшедшему принципиальную оценку. Но, судя по всему, местные руководители предпочитают придерживаться тактики умолчания. Эта «игра в молчанку» тянется почти год.

И уж совсем трудно понять такой поворот событий рядовому жителю Лабытнангов.

Все знают: партия взяла твердый курс на беспощадное искоренение всякого рода злоупотреблений. Партия учит во всеуслышание, без боязни говорить о недостатках, называя вещи своими именами. Учит строго спрашивать за соблюдение норм законности и социалистической морали с каждого человека, какой бы высокий пост он ни занимал. Поэтому, думается, руководству округа надо бы объяснить народу свою позицию: как же все-таки ее понимать?

...Кстати, докладная Пирожникова, этот крик души так и остался пока не услышанным...

ПОВАР ИЗ ГОРОДА ТОЛЬЯТТИ

Так оно и есть — хороший повар стоит доктора! Правда, не все повара в последнее время спешат подтвердить эту безусловность, но ведь есть и добрые исключения. И так хочется надеяться, что Ирина Ивановна Шперл, повар диетической столовой (в которой ежедневно обедает 800 человек) из города Тольятти, действительно хороший мастер. В поварском деле она не новичок, но в Тольятти кулинару выделиться непросто: тут уровень требований высокий. К месту сказать о том, что общественное питание в РСФСР сейчас нацеливается на новые, достойные рубежи.

Главный среди них — качество. Чтобы был не суп «вообще», а вкусный и наваристый, чтобы не просиживал едок в долгом вокзальном ресторане, а мог пообедать в приветливой столовой самообслуживания. Семь тысяч пирожковых, блинных, чайных и бульонных, прочих предприятий быстрого обслуживания — нынешний оперативный арсенал российского общепита. Добавьте сюда кафе, столовые, рестораны, магазины кулинарии...

Все это есть и в городе Тольятти, кулинары которого особой строкой хоть не выделены, но все же заметны в Российской Федерации, потому что стремятся идти в ногу с запросами тех, для кого и существуют столовые, кафе, рестораны, блинные и пышечные. И потому-то еще так интересен и важен труд у плиты. Если, конечно, понимаешь, для кого работаешь, в какое время трудишься...

Пожелаем же молодому повару Ирине Шперл и ее товарищам по профессии, всем, кто вкусно готовит, доброго Нового года!

К. КОСТИН

● ВЛЮБЛЕННЫЙ В КНИГУ

Читать о книге всегда интересно. Особенно когда пишет такой знаток и собиратель, как Евгений Иванович Осетров. Новое его повествование, «Рассказы старого книжника», продолжает знакомить читателя с увлекательными библиофильскими поисками и находками, за которыми встают судьбы, характеры, время.

На страницах прекрасно изданного, иллюстрированного изящными экслибрисами А. Калашникова томика мы находим новеллы и очерки, посвященные древнерусским рукописным сборникам, редчайшим изданиям Ивана Федорова, книгам наших дней. Порой автор совершает свободные экскурсы в сторону от основного сюжета, чтобы рассказать, например, о приключениях шкатулки няни Пушкина Арины Родионовны или о замечательных библиографах — отце и сыне Масановых. И тут же содержательный этюд «Книжный мир Михаила Сабашникова» органично соседствует с «Тайнами старых псевдонимов», историей открытия нового списка повести о Стефане Батории.

Писатель-библиофил, Е. Осетров умеет всякий раз занимательно связать книгу с ее творцом и хранителем, утверждая, что как человек собирает книги, так книги «собирают» человека, выковывают одухотворенную Личность. Он вспоминает скромного типографского рабочего М. Чуванова, создателя лучшей в Москве книжной и рукописной библиотеки, к помощи которой прибегал цвет столичной художественной интеллигенции. Но особенно восхищает автора то, что книжные переплеты не закрывали Чуванову подлинную жизнь, причем он, будучи настоящим книжником, радовался чужим собраниям даже больше, чем своим, считая книгу всеобщим достоянием, видя в ней могучего посла мира.

От подобных ярких фигур давнего и близкого прошлого и настоящего авторская мысль естественно устремляется к поэзии собирательства, нынешнему «коллекционному взрыву», массовому движению книголюбов в СССР. Немало вопросов возникает здесь, и Е. Осетров не обходит их вниманием. Мы великая книжная держава. Но вот любопытный парадокс: книг много — и мало. Чем это вызвано? Верно ли мы обращаемся с напечатанным? Какой книге отдать предпочтение? Как правильно подбирать личную библиотеку? Обо всем этом можно узнать, прочитав «Рассказы старого книжника», книгу нужную и полезную каждому.

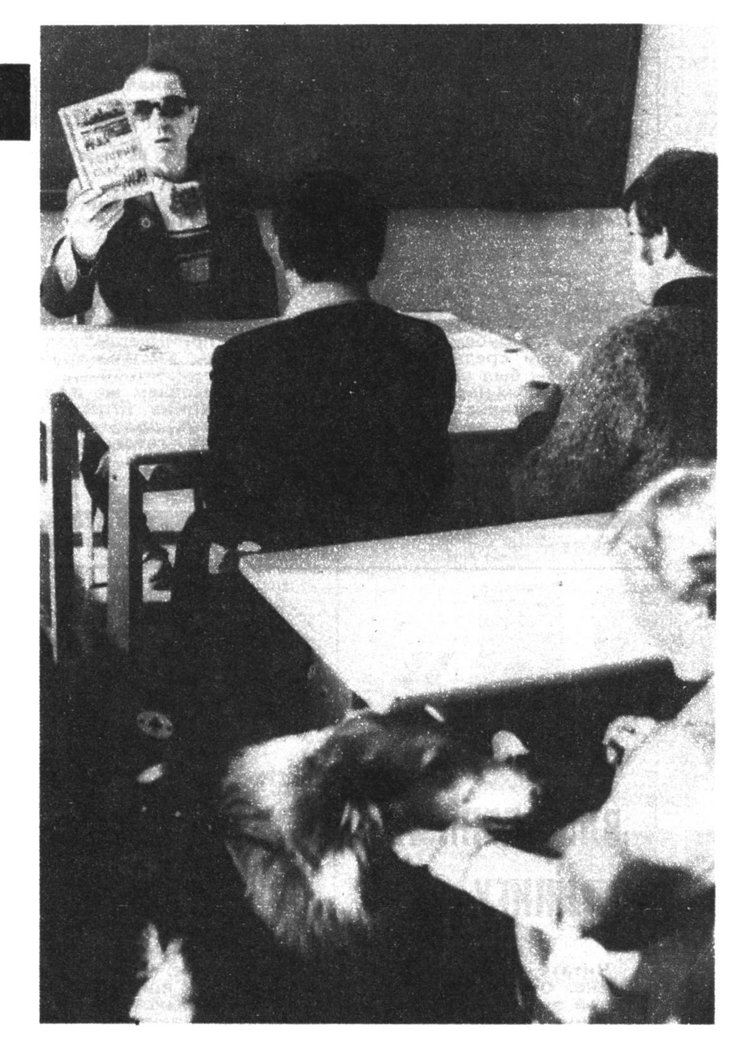
Евгений Осетров. Записки старого книжника. М., «Книга». 350 с.

М. ЮРЬЕВ

ВТОРЫЕ ГЛАЗА ЧЕЛОВЕКА

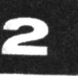
Фото В. БОБКОВА

1

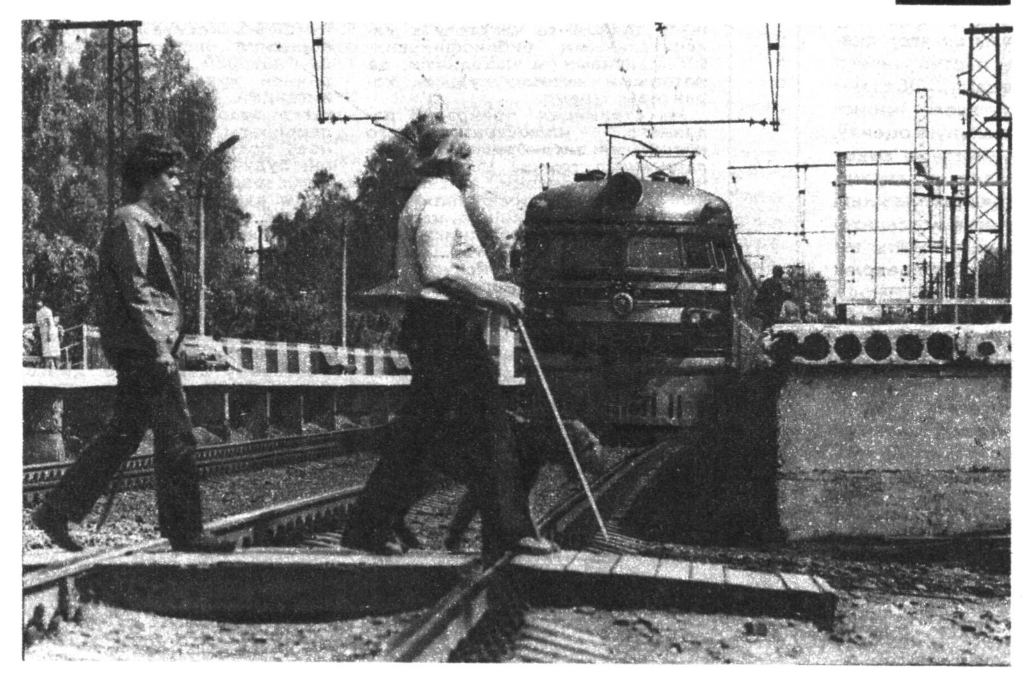

4

В Купавне (под Москвой) находится республиканская школа восстановления трудоспособности людей, потерявших зрение, и подготовки собак-поводырей. Школа существует с 1960 года.

Собаки-поводыри обучаются по особой системе. Это сложный и на редкость трудоемкий процесс: собаке нужно не только «объяснить», что и как ей полагается делать, но и научить ее предостерегать человека, утратившего зрение, от малейшей опасности. А это дается не сразу. За год школа подготавливает более ста собак-поводырей.

Передача собак слепым происходит в школе в течение 12 дней: человек и собака постепенно привыкают друг к другу. Отныне они неразлучны. Собака по кличке Ник сопровождает Павла Ивановича Белова, учителя истории в вечерней школе, всюду, даже на уроках (снимок 1). То же самое можно сказать и о собаке, которая помогает Николаю Ивановичу Воротникову и его супруге (снимок 2). Собака Салли отныне принадлежит Виктору Александровичу Глебову: их только что познакомила тренер школы по подготовке поводырей Елена Каширина — вы видите их на фотографии (снимок 3). Вот такие они, собаки-поводыри, заменяющие людям глаза! (Снимок 4).

К. АНДРЕЕВ

ЛЕД МЕДЕО

Не правда ли, удивительно, что чемпионат Европы по конькам уже проводился в Алма-Ате — в городе, расположенном в Азии? Ведь отсюда тысячи и тысячи километров до традиционных европейских катков... Объясняется это высоким авторитетом ледового комплекса, воздвигнутого в алма-атинском ущелье на высоте 1691 метра. Достаточно сказать, что на льду знаменитого Медео уже установлено более 130 официальных мировых рекордов. Ни один каток в мире не имеет столь блистательной биографии! Добавим, что и большинство национальных рекордов европейских стран родилось именно здесь. Немало выдающихся конькобежцев получили известность и путевку в большой спорт после стартов на этом высокогорном льду.

Но не только чемпионов влечет лед Медео. Каждое воскресенье длинные вереницы автобусов поднимают на каток тысячи алмаатинцев и гостей столицы Казахстана. Говорят, что даже неделя, проведенная в доме отдыха, не дает такого заряда бодрости и оптимизма, как однодневная поездка на высокогорный каток!

Сама дорога на Медео — это кладезь впечатлений! Лесистое ущелье, заросшее внизу дубами и урюком, с каждым километром пути меняет свой вид, то обступая шоссе тянь-шаньскими елями, то скалами, над которыми видятся альпийские луга. А еще выше — снега, слепящие глаз и зимой и летом.

Каток — примета зимы, но на Медео карусель конькобежцев кружится и тогда, когда в Алма-Ате царит лето. Мощность холодильного цеха — энергетического сердца Медео — такова, что лед остается безупречным при температуре +35 в тени...

Голубое зеркало катка по праву славится среди конькобежцев. Немало специалистов приезжали на Медео, чтобы открыть «тайну» самого «быстрого» в мире льда. И уезжали в уверенности, что весь секрет — в кристальной воде из ледника Туюк-Су, да еще в горном солнце и чистейшем воздухе ущелья. Все это верно, но названы лишь основные компоненты замечательного «коктейля», который готовят на Медео.

Два года назад во время чемпионата Европы один из лучших ледоваров катка, Олег Куприянов, показал мне, как «варится» лед. Он повел меня вверх, вдоль шумной Алмаатинки. Нет, до ледника Туюк-Су он подниматься не заставил. Остановился в том месте, где сбегающая с гор река, почувствовав направляющую руку человека, устремляется в сливной туннель и по нему — в радиальный отстойник. Вот здесь, пройдя через первые «грубые» фильтры, она расстается с песком и глиной, успокаивается и... становится голубой. Но это — только начало ее пути на ледовый комплекс. Далее она идет по трубам в специальную очистную станцию.

Здесь операторы пропускают воду через огромные (поистине циклопические) фильтры и затем в горизонтальных отстойниках ведут биологическую очистку. Теперь поступающая на каток вода кристально чиста. Остается ее нагреть. Писаных законов у ледоваров нет. Решают опыт и искусство работать синхронно с погодой. А капризней, чем на Медео, погоды в Казахстане нет...

Здешних мастеров заливки не смущает ни оттепель, ни мороз. Виртуозно оперируя смесителем, они всегда получают нужную температуру воды.

С того далекого мартовского дня пятьдесят первого года, когда Софья Кондакова открыла счет мировым рекордам Медео, многие прославленные конькобежцы оставили здесь победный росчерк. Такие выдающиеся мастера, как Олег Гончаренко, Борис Стенин, Инга Артамонова, Евгений Гришин, Татьяна Аверина, Лидия Скобликова, Валерий Муратов, Наталья Петрусева, Виктор Шашерин, Павел Беков, Игорь Малков и вот совсем недавно Игорь Железовский, вписали свои имена в летопись рекордов, установленных на высокогорном катке.

Недаром говорят: Медео—для всех! Рядом с чемпионами здесь осваивают азы скоростного бега сотни учащихся алма-атинских спортивных школ, тренируются команды зарубежных стран, идут соревнования буквально всех рангов и даже играют в хоккей.

Найдется ли другой ледовый комплекс, где в расписании рабочего дня нельзя найти свободной минуты? Нередко каток начинает работу с рассветом, а завершает ее в полночь. Но неизменно одно. Каждые полчаса по местному радиоузлу дается команда: «Заливка!» И на краткий миг лед пустеет. Конькобежцы уходят в раздевалки, а рокочущий «Лу-5», приняв на борт три кубометра «фирменного коктейля», идет по катку кругами, и широкой полосой ложится позади заливочной машины голубое зеркало льда.

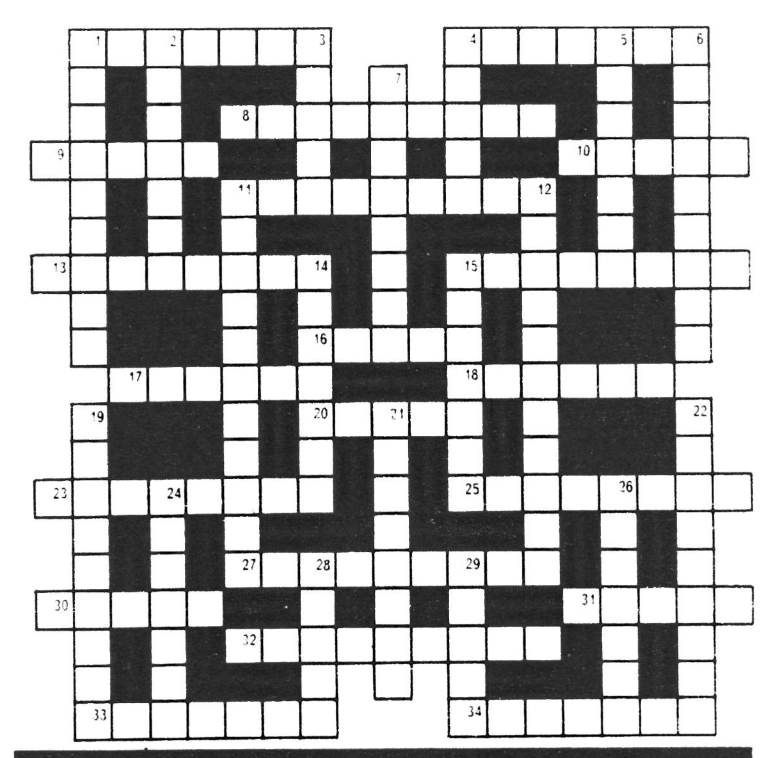
Олег СКУРАТОВ

Алма-Ата
(по телефону).

Вот он, знаменитый каток Медео, на котором 22-летний минчанин Игорь Железовский в канун Нового года превысил мировой рекорд на дистанции 500 метров. Железовский пробежал дистанцию за 36,49 секунды.
На льду Медео Игорь Железовский (справа), его тренер В. А. Муратов и скороход К. Харитонов.

Фото М. Чумина (ТАСС)

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Музыкальный клавишный инструмент. 4. Химический элемент, металл. 8. Форма глагола. 9. Оконная занавеска. 10. Пушной зверек. 11. Город в Ворошиловградской области. 13. Опера Д. Верди. 15. Подражание. 16. Стихотворение В. В. Маяковского. 17. Первая в России женщина-офицер. 18. Гимнастический снаряд. 20. Вращающаяся деталь электродвигателя. 23. Озеро в Восточной Африке. 25. Перерыв в школьных или студенческих занятиях. 27. Иносказание. 30. Известный русский художник, искусствовед. 31. Кисломолочный напиток. 32. Испанский писатель XVI—XVII веков. 33. Приток Днепра. 34. Ручная пила.

По вертикали: 1. Приспособление для копирования чертежей. 2. Русский музыкант, исполнитель-виртуоз на балалайке. 3. Героиня стихотворения Н. А. Некрасова. 4. Электрод. 5. Разновидность русской гармони. 6. Итальянский дирижер. 7. Комплект, набор предметов. 11. Пресноводная рыба семейства карповых. 12. Картина И. Н. Крамского. 14. Автономная республика в составе Грузинской ССР. 15. Город в Австрии. 19. Один из 26 бакинских комиссаров. 21. Предприятие связи. 22. Украинская народная песня, частушка. 24. Рыболовное судно. 26. Великий русский полководец. 28. Река в Молдавии. 29. Шерстяная ткань с ворсом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 5. Конферанс. 7. Буерак. 9. Снег. 10. Арлекин. 11. Слепок. 12. Сейвал. 13. Спика. 15. Антракт. 18. Награда. 21. Зритель. 22. Триолет. 24. Кантеле. 27. Шпажист. 30. Рында. 31. «Тройка». 33. Африка. 34. Дисплей. 35. Утка. 36. Хара. 37. Непринцев.

По вертикали: 1. Новак. 2. Метелица. 3. Анонс. 4. «Руслан». 6. Гепард. 8. Рупор. 9. Сойер. 13. Столпер. 14. Антраша. 16. Тюрин. 17. Антре. 19. Глоба. 20. «Адели». 23. Синоптик. 25. Атрато. 26. «Тайна». 28. Жерех. 29. Сакура. 32. Адрес. 33. Айбек.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Молодой кулинар Ирина Шперл. (См. в номере материал «Повар из города Тольятти».)

Фото Н. РАХМАНОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Почтовая марка, посвященная юбилею «Слова о полку Игореве», и завоеванный ею приз. (См. в номере материал «Лучшая в Европе».)

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото—212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 13.12.85. Подписано к печати 02.01.86. А 00445. Формат 70 × 108[1]/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 515 000 экз. Изд. № 270. Заказ № 1915.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

не может быть?

Длиннолапый

Примерно за пятнадцать километров до аэропорта Коле Лапину крупно не повезло: у салатного «Жигуленка», который вел растяпа-тесть, отвалилось заднее колесо. Чудом живы остались.

— Эх, папаша, папаша,— укорил в сердцах Лапин,— вечно у вас так.

До вылета самолета оставалось меньше двадцати минут. Тесть сидел как убитый. Коля выдернул чемоданы из багажника. Шел третий час ночи. В чемоданах глухо перекатывались баночки с икрой, сладко звякали жестянки с бразильским кофе. «Ну что, братец,— шептали ему чемоданы,— и ты наконец влип, Лапушок?»

Тут Колин взгляд упал на будку телефонного автомата, прикорнувшего на обочине.

Нет! Шалишь!

Лапин затравленно метнулся к автомату, слава богу, исковерканный инвалид еще дышал, пусть на ладан, но дышал. В трубке прорезался гудок. В щель автомата нырнула десятикопеечная монета, и Коля вышел на связь с женой Капитолиной. Та еще не улеглась, домывала посуду после проводов.

— Позвони Рыжову, я ему весной пять кустов облепихи достал и три корешка женьшеня,— рычал в трубку Лапин, высматривая ястребиным оком машину на пустом шоссе,— напомни про должок. Пусть подымает таксопарк. Срочно машину на 15-й километр! Будем прорываться прямо к трапу...

Жена метнулась к третьему городскому телефону, который стоял тут же, на кухне, под рукой. Коля, поскрипывая зубами, держал трубку потными лапами и косо поглядывал на часы, ему казалось, что стрелки на японской «Сейко» идут чуть-чуть быстрее, чем положено.

Дорога была по-прежнему пуста, как лысина раззявы-тестя.

«Дыши глубже, Коля, сливайся с дыханием космоса»,— уговаривал он себя.

Через пять минут жена доложила, что Рыжов спросонья ругался и орал благим матом, такси уже послал, но просит себе и Дусе путевки в Трускавец на июль месяц или одну на балатонский курорт «Зюрдерзее» в любое время.

— Скотина, рад погреть руки на чужом горе! — чертыхнулся Коля, но путевки обещал, только не в Трускавец, а в Домбай, в пансионат с сауной и бассейном.

«Пусть порастрясут жиры, ироды».

Шоссе было по-прежнему пустым и голым, как карман охламона-тестя.

Даже при самой отчаянной скорости такси будет здесь не раньше чем через двадцать минут, а самолеты не ждут... стоп!

— Капа, есть у нас кто в аэропорту?

Стали срочно перебирать всех знакомых, ближе всех к взлетно-посадочной полосе сидела Лидия из трансагентства. Но разве поднять Лидухе такое дело? Нет, самолеты ей не по зубам, мало во рту золота, мало...

Тут железную бабу-жену осенило. Сидоркин! Мотя Сидоркин, с которым они играли на югах не одну пульку. Кажется, он метеоролог.

— Может быть, что-нибудь с погодой придумать, а, Колян?

— Дура,— рявкнул Коля, на небе сияли частые звездочки, мчались, пикируя вниз, огни самолетов, там впереди мигало зарево аэродрома, погода была самая летная,..— а впрочем, звони.

Раньше Сидоркин держался скромно, кроме икры да пары балыков, ничего не просил, заикнулся было о белом японском гарнитуре, ну о том, в котором и домашние тапочки под цвет приложены, но вдруг замолчал, затаился. Ох, не нравилось Коле это молчание, Сидоркин мог так огорошить, что костей не соберешь!

Трубка вновь задушевно захрипела: Сидоркин ответил жене, что климат человеку еще не подвластен, но дал ей телефончик нужного человека, некоего Манина из гормебельхозторга...

— Что просил, гад? — перебил Коля.

— Ничего... хотел только заглянуть к нам сегодня вечером, послушать музыку, поболтать с красивой женщиной...

«Ну, этим нас не проймешь,— усмехнулся Лапин,— мы с Ниной давно друзья-товарищи, а семья это так, для вывески».

До отлета самолета оставалось 7 минут 48 секунд.. Двигатели прогреты, трап откатили, люк задраен, пассажиры пристегнули ремни, мигнул зеленый магический огонек на стоянке, и махина начала рулежку в сторону взлетной полосы...

Шоссе было пусто как... ура! Из-за лесного поворота вылетела черная «Волга» с зеленым огоньком и занавесочками на заднем оконце. Не пожадничал Рыжов, персональную «тачку» прислал! «Черт с ним, пусть едет на Балатон, отработал».

— Коля! — счастливо гаркнула телефонная трубка.— Самолет без тебя не улетит! С нас место в музыкальную школу для особо одаренных детей!

— Сделаем! Чао...

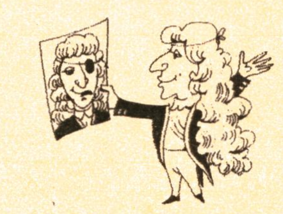
Коля хряснул трубкой о железный угол автомата,хватит, пенсионер, отработал свое. Выбил жестоким ударом серебряную монетку из горла монетоприемника. Подхватил кругляк на лету и бегом к такси.

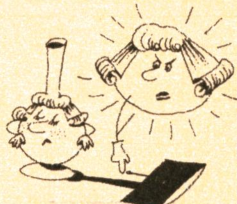
Тесть нес чемоданы.

Спустя полчаса черная «Волга» подкатила прямо к самолету, отставленному на 19-ю стоянку, и по вновь поданному трапу в салон взбежал последний пассажир с парой чемоданов в руках. На пороге он оглянулся и помахал исполинской лапой, тень от которой, подобно облаку, качнулась по бетонному полю.

Анатолий КОРОЛЕВ

МИНИАТЮРЫ ЖУБЕРА

Жозеф Жубер (1754—1824) — французский писатель-афорист. Многие мысли Жубера представляют несомненный интерес и в наше время как проницательные, тонкие, изящные по форме суждения, по широкому кругу вопросов, включая этику, искусство и литературу.

Жубер ничего не публиковал при жизни. Из оставленных им рукописей Шатобриан составил томик «Мысли», вышедший в свет в 1838 году. Племянник писателя Поль де Рейналь в 1842 году в Париже издал двухтомное полное собрание его речений, эссе и писем под названием «Мысли , эссе, максимы и корреспонденция» Жозефа Жубера. Эта книга много раз переиздавалась во Франции и принесла Жуберу заслуженную славу выдающегося стилиста, философа и знатока жизни.

Сегодня мы предлагаем читателям ряд кратких высказываний мастера афористики. Большинство из них публикуется на русском языке впервые.

●

Быть свободным — это не значит делать то, что хочешь, а то, что считаешь наилучшим.

* * *

Вместо того, чтобы жаловаться на шипы у розы, я радуюсь тому, что среди шипов растет роза.

* * *

Вопросы показывают глубину ума, а ответы — его тонкость.

* * *

Всякое излишество портит либо нравы, либо вкус.

* * *

Гений — это способность видеть невидимое, двигать неосязаемое, рисовать то, что не имеет формы.

* * *

Добродетель — это здоровье души.

* * *

Долги сокращают жизнь.

* * *

Если мои друзья кривы, я смотрю на них в профиль.

* * *

Иллюзия в соединении с умом — это очарование жизни и искусства.

* * *

Искренность — естественное качество, а постоянная правдивость — добродетель.

* * *

Как много людей в литературе имеют хороший слух, но поют фальшиво!

* * *

Лучшие законы рождаются из обычаев.

* * *

Мысли, которые к нам приходят, более ценны, чем найденные у других.

* * *

Непринужденность обращения нравится, даже, если она не сопровождается добротой; с добротой она очаровывает.

* * *

Обучать — это учиться дважды.

* * *

Память — это зеркало, в котором мы рассматриваем отсутствующих.

* * *

Справедливость — это истина в действии.

* * *

Страсти молодых людей в старости становятся пороками.

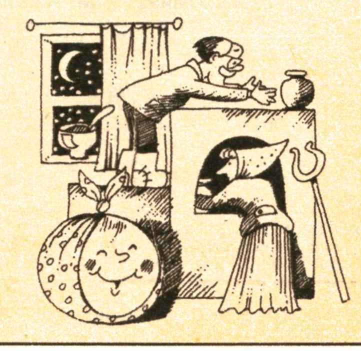
* * *

То, что верно при лампе, не всегда верно при свете солнца.

* * *

Украшенная краткость — вот единственно прекрасный стиль.

Подготовил к печати А. ФЮРСТЕНБЕРГ.

СКАЗКА И БЫЛЬ

Леонид ФРАНЦУЗОВ

Жили-были дед и баба,
И однажды дед изрек:
«Хорошо бы, баба, кабы
Испекла ты колобок...»
«Ишь чего задумал, вон ты! —
Молвит баба старику.—
Я исчерпала все фонды,
Те, что были на муку...»
Но вдвоем они по лавкам,
По сусекам поскребли,
Колобок румяный, сладкий
Из остатков испекли.
В нем ни капли нет уродства,
Смотришь — радуется глаз...
Да, резервы производства
Есть у каждого из нас...

Рисунок КУКРЫНИКСЫ
Осатанел
зеленый Змей,
Глумясь
над жертвою своей.
А жертва вряд ли
возражает,
Поскольку Змея
«уважает».
Дм. ДЁМИН
КУКРЫНИКСЫ-86

1985

ПОЧТА СССР

800 лет

Слово о полку Игореве

10к

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

